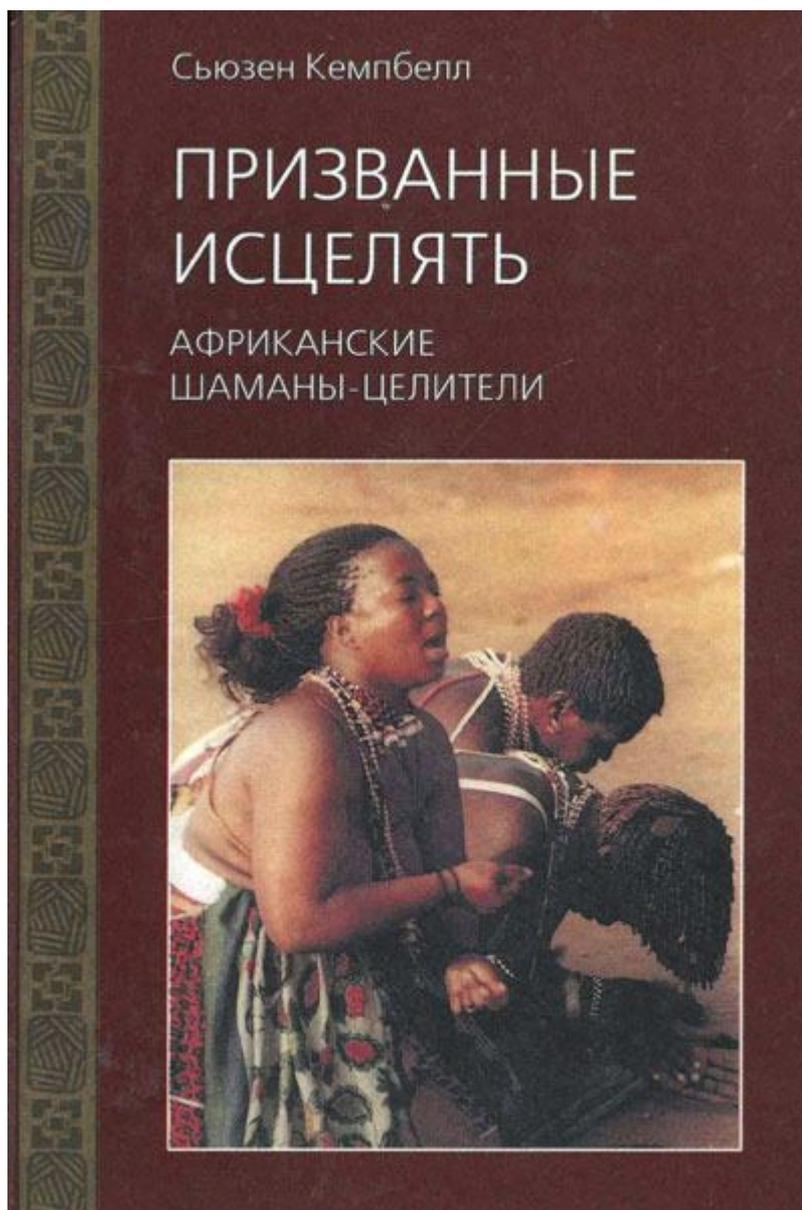

Сьюзен Кемпбелл Призванные исцелять. Африканские шаманы-целители

«Призванные исцелять. Африканские шаманы-целители»: Саттва; Москва; 2001
ISBN 5-85296-041-1

Аннотация

Эта книга — об африканских народных целителях. Автор вскрывает целый пласт древнейшего искусства врачевания аборигенов черного континента. В серии интервью с мастерами, работающими в традициях шаманского целительства, перед читателем разворачивается галерея уникальных портретов. Каждый из этих людей был в свое время избран и призван к исполнению целительской миссии. Опираясь на духовную связь с предками, эти врачеватели успешно диагностируют болезни, назначают и проводят лечение традиционными средствами — от целительных обрядов до особых растительных препаратов и обеспечивают пациенту надежную духовную поддержку. Африканские народные целители пользуются огромным авторитетом в обществе, и даже врачи-профессионалы, получившие европейское образование, все чаще выражают готовность обмениваться опытом с этими носителями богатейшей древней традиции.

Сьюзен Кемпбелл

Призванные исцелять

Африканские шаманы-целители

Посвящение

Миссис Дубе, целительница из Свазиленда, однажды сказала мне: «Сьюзен, это — книга предков, замысел предков. Между нашими и твоими предками существует связь. Благодаря этой могущественной связи ты и получаешь радость от этой работы, от твоих приездов сюда и встреч с целителями. Ты делаешь правильное дело».

Я посвящаю эту книгу предкам и благодарю их за то, что они открыли передо мной дверь в этот неизведанный мир.

От автора

Я выражаю глубокую признательность африканским традиционным целителям¹ и от всего сердца благодарю их за то, что они столь дружелюбно позволили мне войти в их жизнь, чтобы наблюдать и делать собственные выводы. Я благодарю преданных своему делу врачей и медицинских работников, которые с такой теплотой делились со мной своим опытом; моих друзей и фотографов буша — Альберта Кона и Джилл Лапато, сопровождавших меня в те ранние дни в длительных поездках по ухабистым дорогам в самые отдаленные уголки; Кевина Кэмпбелла — за прекрасные снимки, сделанные во время экспедиции в Африку; всех читателей в США, Африке и Европе, знакомившихся со множеством моих набросков; Николаса Комбринка, ответственного редактора издательства «Зебра-Пресс», который с самого начала поверил в этот проект, и моего редактора Кейт Роган, которая с такой доброжелательностью направляла меня в работе над этой книгой.

Я хочу особо поблагодарить своих мужа и сына. Они, подобно мне, прониклись духом приключений, что внесло столько радости в этот проект да и во всю нашу жизнь! И наконец, я должна поблагодарить свою мать, Жанет Купц Шустер, привившую мне тягу к странствиям, без которой я бы так никогда и не покинула дом!

Предисловие

6 июля 1996 года мы с семьей приняли приглашение посетить африканскую традиционную целительницу Номсу Дламини в округе Восточный Орландо, в Соуэто. Раньше мы уже жили в Южной Африке и с 1980 г. часто посещали ЮАР, но в Соуэто не бывали никогда. Опрятные дома и дружелюбные соседи в районе, где жила Номса, произвели на нас приятное впечатление. Ее небольшая уютная клиника располагалась в современном бетонном здании, но, тем не менее, навевала воспоминания о сельской Африке. Однако меня удивило, что мой десятилетний сын испытывал какую-то неловкость. Джозеф уже бывал вместе со мной у африканских целителей и привык к ним. Он давно уже вел себя в их присутствии свободно и непринужденно. Поэтому меня обеспокоило, что в этот раз он чувствует себя зажато, и я решила, что наш визит не продлится долго.

¹ Здесь и далее под традиционными целителями автор подразумевает, прежде всего, «одержимых» целителей-шаманов, которые принадлежат к шаманской традиции, переживают «шаманскую болезнь» или «шаманское призвание», проходят соответствующее обучение и ритуал посвящения. (Пр. пер.)

Мы сидели на плетеных травяных циновках, а Номса «бросала кости», чтобы передать нам приветствия предков. Не зная о нас почти ничего, она, однако, подробно рассказала о наших поездках по разным странам, о том, как мы жили и работали в Варшаве и что недавно переехали на новое место. Номса сказала, что мы находимся под надежной защитой могущественных предков, которые постоянно за нами присматривают. Затем она снова бросила кости — и тут в ее лице что-то изменилось. Она взглянула на меня, потом на Джозефа и сказала: «У вашего сына нелады с сердцем. Клапан левого желудочка не закрывается как следует. От этого у вашего сына время от времени бывает острая боль. Эта боль беспокоит его».

Я сказала, что у Джозефа никогда не было ни малейших признаков подобной болезни. Быть может, Номса «приняла» информацию, предназначенную не нам, а кому-то другому? «Нет. — Номса была непреклонна. — Предки говорят, что это относится к вашему сыну».

Джозеф явно расстроился. Он теснее прижался к нам с мужем. Его испуг огорчил нас, и мы спешно попрощались. Перед уходом я отвела Номсу в сторону. Я знала, что прежде чем последовать духовному призванию и стать традиционной целительницей, она пятнадцать лет проработала детской медсестрой. Я надеялась, что сейчас этот ее опыт поможет нам объясниться. «Отведите своего сына к специалисту, — сказала Номса. — Пусть ему побыстрее сделают снимки сердца. Тогда все разрешится». Позднее в тот же день я, не говоря никому ни слова, позвонила своим друзьям-медикам, чтобы получить направление к детскому кардиологу в Йоханнесбурге — просто на всякий случай.

Все выходные мы старались как-то поднять Джозефу настроение, однако он оставался встревоженным. Наконец он поведал нам ужасную историю. В течение уже почти двух лет он, порой даже не раз в день, испытывал кратковременные резкие спазмы в области сердца. Представляя себе операцию на сердце или неминуемую смерть, он не решался рассказать нам о своем недомогании. Годами врачи твердили нам, что наш сын умеет стойко переносить боль, но то, что он два года молча терпел ежедневные сердечные приступы, — оказалось поистине ужасающей новостью.

В самом начале следующей недели мы уже находились в Сандтоне, в приемной уважаемого южноафриканского детского кардиолога. Доктор Сельвайн Милнер сразу же успокоил Джозефа. Он расспросил нас обо всем и осмотрел Джозефа в нашем присутствии, сделал ему ЭКГ, а затем повел всех нас вниз, в кабинет ультразвуковой диагностики. Здесь, среди дорогостоящего сложного оборудования, доктор Милнер показал нам изображение клапана в левом желудочке сердца Джозефа. Там был лишний болтающийся кусочек ткани. Когда он западает, объяснил доктор, то вызывает кратковременную резкую боль.

Болезнь сердца Джозефа — пролапс митрального клапана, или «синдром Барлоу», которым страдают почти двадцать процентов населения земного шара. Этот синдром носит имя южноафриканского кардиолога, впервые описавшего подобную аномалию. Наши предки явно присматривали за нами в тот день, поскольку доктор Милнер в свое время работал с доктором Барлоу, а в Йоханнесбурге, который теперь стал нашим новым домом, имелся обширный опыт изучения этого синдрома. После посещения Номсы и доктора Милнера Джозеф стал значительно спокойней, и болезненные приступы случались у него гораздо реже. Физически развитый и подвижный, он теперь способен справляться со своим состоянием без лекарств и, скорее всего, сумеет делать это до конца жизни. Мы в равной мере благодарны африканской целительнице и западному врачу за их помощь и диагноз.

Сейчас появляется новое поколение одаренных и образованных африканских целителей, подобных Номсе Дламини, которые способны преодолеть разрыв между вековыми традициями и современностью. В ходе своих поездок и бесед более чем с сотней целителей народностей коса, зулу, свази и тсвана, а также с множеством профессиональных медиков, я постоянно получала доказательства того, что традиционные целители оказывают неоценимую помощь, особенно в начальной стадии болезни. Я слышала поразительные истории о самоотверженных целителях, испытывающих на себе непроверенные, необычные лекарства от психических заболеваний; о сломанных костях, срастающихся за одну ночь; о

парализованных пациентах, встающих на ноги; о предостережениях и рекомендациях относительно будущих событий, которые затем действительно происходили.

Я знаю, что мне крайне повезло непосредственно соприкоснуться с удивительной жизнью целителей, и надеюсь, что их истории доставят вам такое же удовольствие, какое они доставили мне. Пусть они разрушат ваши стереотипы, как разрушили мои, и научат вас принимать неожиданные дары, которые преподносит вам жизнь.

Введение

В Южной Африке существует множество разнообразных целителей — травники, акушеры, целители верой, предсказатели и другие. Мне не раз приходилось встречаться со многими из них, но в основном меня интересовали истинные целители — «одержимые» целители, избранные предками для получения духовного призвания. (Их также называют «сангома» или «иньянга» — подобно целителям, с которыми мне приходилось работать, я использую эти два слова как синонимы.) Для целителей слово «одержимый» имеет положительный смысл, означающий близкую связь с их Богом через предков.

Знания травника основаны на многолетнем опыте работы в качестве помощника сангома или практикующего травника. Эти «лаборанты» во многих случаях способны ставить диагноз, назначать и проводить лечение растительными средствами, но им недостает психической или духовной энергии, которая воодушевляет «одержимых» целителей. И все же травники вносят значительный вклад в сложившуюся систему медицинской помощи и зачастую помогают работе целителей-сангома или иньянга, о которых идет речь в этой книге.

Наконец, существуют в Южной Африке колдуны, или знахари. У опасливых местных жителей они пользуются дурной славой, что отрицательно влияет и на отношение многих людей к народному целительству. Колдуны работают с помощью разнообразных зелий и заклинаний. Они зачастую действуют по ночам и ориентируются, главным образом, на возмездие. Колдуны верят, что за болезнь пациента ответствен какой-либо внешний источник — обычно другой человек. Целители же, наоборот, считают, что каждый человек сам ответствен за свое исцеление, и убеждены, что причинение вреда Другому человеку ничем не поможет больному.

Почтительное отношение к важной работе традиционных целителей, которая на протяжении столетий была основным видом здравоохранения в Африке, в настоящее время пошло на убыль отчасти из-за неверных представлений об их практике. Сегодня в ЮАР благодаря большей открытости и росту интереса к природным лекарствам, а также новым концепциям лечения во всем мире традиционные целители возвращаются на свое законное место и восстанавливают веками сложившееся положение вещей.

«Мы не занимаемся колдовством и не поощряем вред или зло, — говорит Номса Дламини, профессиональная медсестра и целительница-сангома. — Народные целители используют только природные вещества. Мы обладаем глубоким знанием лекарственных свойств наших местных растений. Мы постоянно учимся, поскольку у нас в Южной Африке существует более пятисот разновидностей лекарственных растений».

Исследования показывают преимущества природных лекарственных средств, трав и холистических методов лечения, когда-то считавшихся ненаучными. Они быстро получили признание в широких медицинских кругах моей собственной страны. Сегодня все больше американских врачей рекомендуют использование холистических методов лечения наряду с общепринятой медицинской терапией. Многие медицинские колледжи во всех уголках США предлагают курсы «комплексной медицины», на которых новое поколение врачей изучает как современные научные, так и альтернативные методы лечения.

Африканские традиционные целители диагностируют болезни, прописывают и готовят лекарства из трав, консультируют, а также оказывают духовную поддержку. Тем не менее,

работа сангома у многих людей до сих пор вызывает настороженность: они путают ее с практикой колдунов, которых до полусмерти боятся. По определению Всемирной организации здравоохранения, традиционная медицина «включает в себя методы лечения, которые существовали, причем нередко в течение столетий, еще до развития и распространения современной научной медицины и которые используются и поныне. Эти методы широко варьируются в зависимости от социального и культурного развития разных стран». На протяжении всей социальной и культурной истории Южной Африки в ней бок о бок существовали колдовство и народное целительство.

Колдовство с его ритуальными жертвоприношениями и пугающей черной магией составляет плоть от плоти африканской культуры. Однако это всего лишь одна сторона медали. Другая ее сторона вносит столь же мощный вклад в веками сложившиеся профилактические и лечебные традиции достижения здоровья с помощью естественных природных веществ, которую предлагает традиционное целительство. Это создает проблему для правительств, от которых требуют гарантий, что традиционные целители работают квалифицированно и используют безопасные и разрешенные методы. До тех пор пока не будут созданы законодательно утвержденные органы, регистрирующие всех традиционных целителей (включая колдунов), а также выработаны обязательные нормы и правила поведения, пациенты должны понимать, что они тоже разделяют ответственность за свое лечение. Они должны иметь достаточно достоверной информации, чтобы суметь отличить истинного целителя от шарлатана.

Это может показаться трудной задачей, однако при выборе заслуживающего доверие традиционного целителя нужно соблюдать те же принципы, которым вы следуете, выбирая врача западной медицины. Можно обратиться за советом к людям, мнение которых вы уважаете, к своим друзьям и коллегам. Поинтересуйтесь их впечатлением после посещения того или иного народного целителя, узнайте, как долго он практикует и какова его подготовка. Какая у него специализация? Одинаково ли успешно работает он с детьми и со взрослыми? Поддерживает ли этот целитель контакт с местными клиниками или больницами на тот случай, если потребует специализированная медицинская помощь? Принадлежит ли он к какой-либо определенной группе целителей, к которым при необходимости может обратиться за консультацией или помощью? Если ответы на эти вопросы удовлетворят вас, можете смело договариваться с ним о первой встрече.

Посещая целителя, обратите внимание, насколько опрятно выглядит территория его клиники. Хранятся ли лекарственные травы в чистой посуде? Насколько тактичен и внимателен человек, которому вы доверяете свое здоровье, и чувствуете ли вы себя удобно и уверенно в его присутствии? Уверены ли вы в том, что он не нарушит врачебную тайну? При отрицательном ответе хотя бы на один из этих вопросов, деликатно, но решительно отклоняйтесь, уйдите и обратитесь к другому целителю. Есть достаточно много талантливых и опытных традиционных целителей, и вполне можно выбрать такого, которому вы не побоитесь полностью довериться.

На протяжении всей истории Южной Африки периодически предпринимались попытки дискредитировать африканскую целительскую традицию. До обретения независимости в Мозамбике действовало колониальное уголовное право, которое объявило вне закона традиционные целительские практики. В Свазиленде законодательство, оставшееся в наследство от колониального правления, продолжает считать традиционное целительство противоправной деятельностью. В ЮАР Закон о здоровье от 1974 года и поправка к нему, принятая в 1981 году, ограничивают любые действия традиционных целителей, относящиеся к медицинской практике. Квазулу-Натал — единственная провинция ЮАР, где действуют Наталский Кодекс закона банту 1891 года и Акт Квазулу от 1981 года, признающие традиционную медицину. Несмотря на официальные запреты, традиционная медицина сумела выжить и продолжает действовать как стройная система и в сельских, и в городских районах. Она охватывает все слои местного населения, независимо от их социального,

экономического и образовательного уровня.

Как правило, официальные власти не слишком беспокоят традиционных целителей. А в некоторых областях, в частности, связанных с распространением СПИДа, устойчиво растет сотрудничество между традиционными целителями и представителями современной медицины. Кроме того, меняется общее отношение к институтам традиционного целительства, поскольку многие солидные фирмы вынуждены признать несомненную пользу работы целителей для здоровья своих служащих. С 1994 года руководство южноафриканской электрической компании «Эском» разрешило включить в программу обязательного медицинского обслуживания своих сотрудников посещение ими традиционных целителей. Южноафриканская система медицинского и похоронного страхования отобрала и зарегистрировала более сорока традиционных целителей, у которых ее клиенты имеют право консультироваться. В настоящее время министерство горнодобывающей промышленности и национальный профсоюз шахтеров ЮАР установили официальный перечень традиционных целителей, к которым могут обращаться работники рудников, и даже предоставляют им трехдневный отпуск для консультации с любым целителем, входящим в этот перечень. Южноафриканский профсоюз работников сферы обслуживания и смежных с ней отраслей, насчитывающий 105000 членов, проводит переговоры о введении аналогичной практики. В 1966 году Совет традиционных целителей ЮАР организовал службу медицинской помощи «Тхамба». В январе 1977 года в этой организации было зарегистрировано 6000 целителей, оказывающих медицинскую помощь примерно трем миллионам человек.

В учебные программы государственного здравоохранения всех медицинских колледжей университетов Претории, Уитвотерсрэнда и Кейптауна входит посещение клиник традиционных целителей и изучение их практик. Психологические факультеты южноафриканских университетов, техникумов и центров подготовки работников здравоохранения изучают методики традиционных целителей и выявляют области возможного сотрудничества с ними. Южноафриканский Комитет по контролю за лекарствами (ККЛ) финансировал исследование, проводившееся Центром изучения традиционной медицины (Трамед) Кейптаунского университета. Сотрудники Трамед посетили Вашингтон, чтобы ознакомиться с международным опытом законодательного регулирования в этой области, и сейчас ККЛ собирается принять рекомендации по результатам этого исследования в качестве официального документа.

Традиционные целители, с которыми я беседовала, охотно признавали, что в определенных случаях современная медицина достигает лучших результатов и способна лечить болезни, перед которыми сами они бессильны. Например, целители считают, что пока они не могут излечивать СПИД, и регулярно направляют своих пациентов в клиники для проведения анализов крови и лабораторных исследований. Я заметила, что многие целители живо интересуются новыми лекарствами и методами лечения. Они нередко обращаются к профессиональным медикам, работающим в их районе, и перенимают у них любые методы, которые действительно помогают пациентам. Судя по всему, традиционные целители объединяют полученные ими новые знания с собственной культурой целительства. Поэтому одна из задач современной системы здравоохранения состоит в том, чтобы облегчить традиционным целителям доступ к научной информации и новым технологиям.

Традиционные целители являются жизненно важным звеном между обществом и западными профессиональными медиками. Благодаря своему опыту наиболее искусные целители прочно занимают свое место в обществе и пользуются его признанием, уважением и доверием. Они незаменимы, особенно в сельских условиях, где до сих пор ощущается недостаток профессиональных медиков. К ним можно обратиться за медицинской помощью даже в то время, когда и без того малочисленные местные медицинские службы не работают. Кроме того, у них всегда можно получить консультацию и необходимую медицинскую помощь прямо на дому.

Традиционные целители, которых я посещала, никогда не сомневались в

необходимости и полезности своего искусства. Это искусство глубоко укоренилось в жизни африканцев и, как считают сами целители, будет существовать до тех пор, пока существует африканская культура. Только в ЮАР насчитывается около 200000 традиционных целителей, оказывающих медицинские услуги приблизительно восьмидесяти процентам всего населения. Очевидно, что традиционное искусство врачевания настолько вошло в жизнь африканцев, что не может не сохраниться.

Во время моих первых встреч с целителями-сангома в Свазиленде я наблюдала, как они растирают в порошок и хранят в чистых стеклянных флаконах лекарственные растения, кору и травы. Я была свидетельницей того, как сангома стараются собирать или приобретать травы в районах, не загрязненных пестицидами. Чистота лекарственного растения имеет для них решающее значение. Я узнала, что лекарства из трав можно применять в разнообразных формах. Порошкообразное лекарство можно заваривать кипятком и пить как чай. Его можно использовать для обычной паровой ингаляции, например при лечении насморка или кашля, вызванных простудой. Порошок из травы можно слегка втирать в неглубокие надрезы (поверхностные насечки на коже) — это называется «традиционной инъекцией». Как человек, привыкший к высоким стандартам медицинской гигиены, я сразу же забеспокоилась, не может ли это грозить распространением СПИДа и других инфекций. Я пыталась понять, каким образом целители обеспечивают безопасность лечения своих пациентов. Но при первых же посещениях я увидела, что они применяют хирургические перчатки и одноразовые стерильные лезвия (которыми их снабжает государственная система здравоохранения), и сразу же успокоилась.

Мои прежние представления об африканских целителях складывались на основе образов голливудских фильмов и журнала «Нэшнл Джеографик»². Поэтому я воображала их таинственными колдунами, которые совершают свои обряды в обстановке, наводящей на мысли о языческих святилищах. Действительность оказалась куда прозаичней. В сельских хижинах и в современных городских клиниках мне предоставлялась возможность ознакомиться с разнообразными инструментами и предметами, используемыми народными целителями. Там были всевозможные палочки, тыквенные бутылки и сосуды для смешивания лекарств; раковины, в которых сжигают травы, как при курении благовоний; ступки и пестики для растирания лекарственных растений. Каждому предмету целитель находил свое применение, но ни один из них не наделялся магической способностью излечивать болезнь. Нередко в одном из углов помещения можно было увидеть живописно развешанную традиционную одежду или ткань, которая используется в обрядах исцеления. Чисто подметенный гладкий пол покрывали шкуры животных или циновки, на которых пациент мог удобно расположиться. На стенах, рядом с дипломами традиционного целителя, размещались те же плакаты Министерства Здравоохранения, которые можно встретить в любой государственной клинике.

В клиниках традиционных целителей, которые я посещала, часто можно было увидеть небольшой уголок, посвященный их предкам. В нем обычно находилась небольшая скульптура или деревянное изображение предка либо предмет, который предок любил при жизни. В таком уголке, прежде чем начать беседу с пациентом, сангома обращаются к предкам с чем-то наподобие молитвы. Я осторожно поинтересовалась о назначении этих скульптур и изображении не совершают ли целители своего рода обряд поклонения этим предметам? Сангома сочли это мое предположение чрезвычайно забавным. Они объясняли, что вовсе не приписывают особых магических свойств неодушевленным предметам — просто эти изображения помещаются сюда, чтобы выразить уважение и почтение к духу любимых предков. Одна целительница, прихожанка католическом церкви, сравнила подобные предметы со статуями в храме, который она посещает: «Когда я молюсь перед изображением Девы Марии или кладу к нему цветы, я вовсе не думаю, что статуя обладает

² Иллюстрированный научно-популярный журнал Национального Географического Общества США. (Пр. пер.)

какой-либо особой силой — но она помогает мне помнить о Богоматери. Я поклоняюсь не изображению, а духу Девы Марии».

Еще один из сложившихся у меня стереотипов поколебала пожилая сангома. Я отправилась в сельский район Свазиленда, чтобы встретиться с традиционной целительницей, прославившейся своей способностью «изменять удачу». К тому времени я уже избавилась от множества заблуждений относительно суеверных целителей, бормочущих туманные заклинания — но этот случай обещал быть непохожим на другие. Изменение удачи? Что за трюки проделывает она со своими пациентами? Мне не терпелось это выяснить.

Когда я достаточно резко спросила об этом целительницу, та громко расхохоталась, похлопала меня по руке, словно наивного ребенка, и рассказала мне следующую историю: «Один африканец лет сорока приехал ко мне из большого города, из Мбабане. Этот мужчина совершенно потерял веру в себя. Его босс несколько раз отказывал ему в повышении по службе. Мой пациент хотел, чтобы его „удача изменилась“. Я сказала ему: возвращайся на работу и скажи своему боссу, что ты не в порядке и должен приехать ко мне на неделю для лечения. Не бойся, он не откажет тебе. Ты будешь удивлен его участием».

На следующей неделе этот человек вернулся в клинику. Целительница приготовила для него комнату и попросила его отдохнуть и хорошо выспаться. В течение трех дней он чувствовал себя словно отрезанным от мира. Он не читал, не слушал радио и почти не разговаривал. Затем целительница провела курс релаксации. Сначала она давала ему только бульон и травяные чаи. Спустя три дня она приготовила ему немного мягкой протертой пищи. Постепенно пациент начал ощущать потребность в физических нагрузках, ему нравились длительные прогулки среди ферм и вдоль тихих, покрытых пылью дорог. К концу недели он перестал испытывать беспокойство, и ему не терпелось возвратиться в город, к своей семье. Целительница сказала ему: «Когда вернешься на работу, продолжай соблюдать эту диету и совершать прогулки. Старайся оставаться таким же спокойным, как сейчас, и будь терпелив с окружающими. Возвращайся ко мне через две недели. Тогда и поговорим о твоей „удаче“».

Прошло две недели, и пациент вернулся к целительнице. «Ты действительно изменила мою удачу! — сказал он. — Когда я вновь приступил к работе, то ясно увидел, насколько она для меня скучна и утомительна. Я понял, что начальник не виноват в том, что я чувствовал себя несчастным. Я попросил друзей помочь найти мне новую работу. И на прошлой неделе я нашел место, которое меня полностью устраивает. Мне удалось без всяких недоразумений оставить мою прежнюю службу. Мой босс отнесся к этому с полным пониманием и, кажется, был только рад моему уходу. Думаю, я не был для него подходящим работником».

Сангома объяснила пациенту: «Переехав в большой город, ты утратил привычный для тебя здоровый ритм жизни. Ты изменил режим и качество питания, которые были для тебя привычными, когда ты жил в сельской местности. Твое тело и дух утратили равновесие. Попав в большой город, ты сидел в кресле или водил машину и перестал гулять пешком. Почувствовав усталость, вместо того, чтобы отдохнуть, ты пил кофе. Ты отравил свое тело, привел в замешательство ум и стал винить других в своем несчастье и невезении. Ты отвернулся от своих предков — и потому они привели тебя ко мне. Я не изменяла твою удачу! Ты сам изменил свою собственную удачу. И что она такое, эта „удача“? Это способность ясно видеть перед собой. Это мужество принимать на себя ответственность за свои собственные поступки. Когда мы можем это делать? Только когда наши тело и ум здоровы».

Традиционная африканская медицина занимается исцелением как тела, так и духа, и может способствовать тонким, но глубоким изменениям — как в случае с пациентом, который хотел «изменить свое везение». На мой взгляд, эти целители действуют в полном согласии с современными исследованиями и идеями в сфере духовного здоровья. Например,

в США многие научные учреждения, занимающиеся психологией, изучают духовные традиции коренного населения Европы, Азии, Америки и Африки, поскольку сегодня широкая общественность проявляет все больший интерес к целительной силе этих древних практик. Некоторые американцы, утратившие связь с духовными традициями своих собственных предков или разочаровавшиеся в современных религиозных культах, обратились к целительным ритуалам индейских племен — коренного населения Америки. Вплоть до недавнего времени в США американским индейцам запрещалось проводить некоторые традиционные ритуалы; запрет был снят лишь в семидесятые годы. Сегодня растет популярность таких целительных ритуалов, как, например, парильня — традиционная практика групповой терапии. Этот метод все шире применяют психологи и психотерапевты, которые работают с пациентами, страдающими от алкогольной или наркотической зависимости. Индейские шаманы, или народные целители, работают в больницах и поликлиниках бок о бок с психологами, получившими официальное образование, — особенно на юго-западе и западе США.

Несколько лет назад Африканскую организацию народных целителей в Южной Африке посетила небольшая группа индейцев-целителей из Америки. Сангома были тронуты той непосредственной взаимосвязью, которую они ощутили с индейцами. Сродство между их целительскими традициями и их музыкой было просто поразительным. То же самое можно сказать и об их отношении к предкам. Они подробно обсуждали свою общую цель — возрождение традиционной духовности в новых поколениях. Некоторые считают, что целительские практики всех народов происходят от единой традиции. Я лично была свидетельницей поразительного единодушия между африканскими сангома и целителями, принадлежащими к другим традициям.

Помимо общности философий и некоторых аналогий в лечении травами, я обнаружила у целителей сверхъестественную способность общаться и обмениваться информацией на огромных расстояниях — даже между разными странами — без помощи телефонов, факсов и других технических средств связи. Мне нередко приходилось слышать отзывы о традиционных целителях как о примитивных и необразованных людях или как о людях «не от мира сего». Зарубежные гости и африканцы, получившие западное образование, зачастую отворачивались от сангома, даже не познакомившись с ними. Обычно это случалось, когда мы посещали сельские усадьбы. Разве может человек в этой убогой среде быть «одаренным и сообразительным»? Один такой инцидент довел меня до предела терпения и ярко высветил глобальную взаимосвязь между целительскими практиками различных народов.

Однажды ранним утром, когда я готовилась к поездке в буш для встречи с зулусским целителем доктором Мнтсхали, мне позвонила соседка. К ней на выходные приехала зарубежная гостья, которая очень увлекалась традиционным целительством. Соседка спросила, не могу ли я взять ее с собой в эту поездку? Гостья оказалась врачом-консультантом из Европы; ей довелось много лет жить и работать в Китае. Азиатская народная медицина помогла ей избежать хирургической операции и успешно справляться со своими хроническими болями. Под впечатлением от достигнутых результатов, эта женщина начала обучение китайскому цигун под руководством учителя Ци. Согласно восточной традиционной медицине, ци — это жизненная энергия, которая позволяет нам жить — двигаться, думать, чувствовать. Энергия ци движется по невидимым каналам, пронизывающим все части человеческого тела. Если движению ци что-либо препятствует, у человека может начаться физическая, умственная или духовная болезнь. Гостья показалась мне умным и интересным человеком, и мы договорились на завтра отправиться в поездку вместе. Мне было приятно привести к доктору Мнтсхали посетителя, принадлежащего к другой медицинской традиции.

Мы несколько часов добирались до усадьбы целителя, находившейся близ Ситеки, в Свазиленде. Моя спутница удобно устроилась на циновках в его хижине. Мы немного поговорили о восточной медицине, а затем, поскольку у Мнтсхали в тот день было мало времени, быстро перешли к интервью, которое он мне обещал. В ходе беседы возникла тема

прорицательских «костей», и целитель рассказал нам, как он приобрел свой собственный набор этих инструментов.

В течение пятнадцати лет, руководимый лишь своими предками в снах и видениях, Мнтсхали достиг впечатляющей глубины и широты целительских познаний. В это время с ним по соседству поселился мужчина, уроженец Северной Африки. Он сам занимался целительством и, оценив способности Мнтсхали, предложил ему использовать некий диагностический инструмент. Он подарил Мнтсхали набор резных деревянных фишек, похожих на домино. Чтобы показать нам, как он использует эти фишки, Мнтсхали бросил их на пол у моих ног и начал истолковывать их значение. Он сказал, что не хочет обидеть посетительницу, поскольку она не просила о консультации, но предки сделали так, что фишки указывают прямо на нее. Мы с Мнтсхали решили, что ему следует еще раз бросить фишки, напомнив предкам, что их указания должны предназначаться мне, а не моей спутнице, которая отрицательно отнеслась к самой идее консультации.

Мнтсхали снова бросил фишки, и они снова указали на эту женщину. Целитель немного помолчал, а затем сказал: «Простите, мадам, но предки хотят, чтобы я вам кое-что передал. Это может оказаться неприятным, но я должен делать то, о чем меня просят. Если вы хотите конфиденциальности, я попрошу миссис Кэмпбелл выйти».

Гостья попросила меня остаться и согласилась выслушать Мнтсхали. То, что затем последовало, вывело меня из равновесия.

«Мадам, у вас есть важный предок, который изо всех сил старается дотянуться до вас и помочь вам, — начал Мнтсхали. — Это старый человек, который не был добр к вам при жизни. Теперь он ощущает великую грусть и раскаяние. Он хочет исцелить прошлое и ваши раны. Этот предок — брат вашего отца».

Некоторое время посетительница не могла найти слов. А затем она с возмущением набросилась на Мнтсхали. Откуда ему может быть что-то известно? Ведь он живет в отдаленной, неразвитой местности! Он не потратил многие годы на изучение такой тонченной системы, как азиатская. Восток всегда славился своей высочайшей культурой — разве можно сравнивать ее с примитивной культурой Африки! Все это просто нелепость, от которой у нее даже разболелась голова!

«Разболелась голова?» — спросил Мнтсхали.

«Да, — отвечала она, — ив Китае я бы воспользовалась особым маслом мастера Ци, оно мгновенно успокоило бы головную боль. А теперь я вынуждена мучиться».

Мнтсхали сказал, что знает это средство, и у него даже есть немного такого масла в хижине, где хранятся его припасы. И он вышел, чтобы принести ей лекарство.

В его отсутствие посетительница была крайне раздражена. Она высмеивала Мнтсхали и вообще всех африканских целителей. Я извинилась за причиненную ей неприятность, но сказала, что не могу позволить ей проявить непочтительность к такому уважаемому целителю. Я предложила сразу же уйти, как только вернется Мнтсхали.

Мнтсхали вошел в хижину-приемную с милой улыбкой и протянул женщине маленький пузырек. Она взглянула на китайскую надпись и открыла пробку, чтобы понюхать. Когда она наносила на кожу свое «особое масло» от головной боли, на ее лице отразилось глубокое потрясение. Мнтсхали объяснил, что несколько лет назад к нему приезжал китайский мастер Ци. Они с пользой провели время, целыми днями обмениваясь массой информации и изучая успехи и неудачи друг друга.

«Каким же образом китайский врач попал в Свазиленд? Как он нашел вас?» — удивилась женщина.

«Как всякий человек находит другого?» — отвечал Мнтсхали. — Как миссис Кэмпбелл нашла целителей в Африке? Как вы нашли миссис Кэмпбелл? Как случилось, что вы сейчас в Африке, хотя ваше увлечение — Азия? Вы думаете, все это случайно? Конечно же нет, это наши предки направляют нас», — и он от всей души рассмеялся.

Посетительница, уже почувствовавшая успокаивающее действие масла, объяснила, что ее недавно перевели на работу в Египет. Ей очень не доставало ее мастера Ци. Среди

окружающих ее людей не было никого из Китая. Мнтсхали сказал: «Не стоит беспокоиться. Этот ваш предок, старик, — он об этом позаботится».

Мы попрощались и отправились домой. Моя спутница устала и мирно проспала большую часть пути. Позднее я слышала, что она благополучно возвратилась в Северную Африку и поглощена своей новой работой. Спустя две недели я неожиданно получила от нее милое послание по факсу. Судя по всему, предок, о котором Мнтсхали упоминал во время консультации, был именно тем мужчиной, который в детстве нанес ей сексуальное оскорбление. Память об этом и обида оставались глубоко похороненными в ее душе вплоть до визита к Мнтсхали. И вот теперь, когда ей было уже 39 лет, эти воспоминания и сновидения снова всколыхнулись. Ужасно расстроенная, эта женщина возвратилась в Каир, размышляя, почему Богу было угодно воскресить ее болезненное прошлое именно сейчас — когда она даже не может прибегнуть к помощи той медицины, которой она доверяет и на которую привыкла полагаться. Вернувшись в свой офис в подавленном и встревоженном состоянии, она открыла жалюзи и выглянула из окна. И тут она увидела поразительную картину! На противоположной стороне улицы старый китаец вешал вывеску «Китайский мастер Ци». Не иначе как ее предки продолжали заботиться о ней, поскольку китайский врач вскоре помог ей разобраться в себе и избавиться от боли.

Существует множество историй, иллюстрирующих духовный контакт, который африканские целители поддерживают с остальным миром, несмотря на экономические или географические ограничения. Доктор Мнтсхали впервые посетил Соединенные Штаты в 1995 году. Основываясь на своих предыдущих сновидениях, он предсказал этот визит. Он также сказал, что я должна встретиться в Вашингтоне с американским врачом, который так же, как и Мнтсхали, старается помочь своим пациентам устанавливать контакт с предками. Я должна буду поспособствовать встрече Мнтсхали с этим врачом.

В полном соответствии с предсказанием Мнтсхали, на презентации в Смитсоновском институте я познакомилась с доктором Р. Моуди. Как мне стало известно, д-ру Моуди принесли широкую известность его исследования ощущений людей, переживших околосмертный опыт; он разработал метод, помогающий пациентам устанавливать непосредственный контакт с их «предками» — умершими близкими людьми. Этот метод, описанный в его книге «Воссоединения», нередко оказывал целительное воздействие на тех, кто участвовал в экспериментах д-ра Моуди. Мнтсхали провел целую неделю в возглавляемом д-ром Моуди исследовательском институте в Алабаме. Мнтсхали, единственный традиционный целитель в окружении группы знаменитых врачей, произвел на них огромное впечатление, делясь своим мировоззрением и опытом. «Меня удивило, сказал он, — что в такой богатой и образованной стране, как Америка, мои предки могли столь многому научить этих докторов медицины. Так много людей забыли о своих предках и пренебрегли их зовом. У нас в Африке есть масса такого, чем мы можем поделиться».

В период пребывания Мнтсхали в США я обустроивалась в Варшаве. В этой новой для меня культуре и в новых климатических условиях я чувствовала себя бесконечно далекой от Африки. Девяносто девять процентов людей вокруг имели белый цвет кожи, говорили польски и были католиками. Это была монокультурная и мононациональная страна. С моим минимальным знанием польского языка мне приходилось нелегко и так хотелось, чтобы хоть кто-нибудь на улицах мне улыбнулся. Однажды мы с семьей бродили по территории красивого старого города Варшавы, как вдруг заметили высокого чернокожего мужчину. Он посмотрел на нас и улыбнулся. Мы подошли поболтать. Этот молодой человек, студент-фармацевт из Кении, только что окончил двухгодичные курсы интенсивного обучения языку. Следующие несколько лет он должен был посвятить изучению польской медицинской терминологии. Мы все вместе посетовали на то, как соскучились по Африке, но утешили друг друга, заметив, что нам представилась чудесная возможность воочию наблюдать перемены, происходящие в этой стране после десятилетий коммунизма.

В Варшаве меня пригласили выступить перед Польским Обществом натуральной

медицины. Эта организация, состоящая из опытных врачей, ученых и традиционных целителей, содействует сотрудничеству между западными медиками и представителями различных целительских направлений. Я должна была с помощью переводчика рассказать о своих встречах с африканскими традиционными целителями. Меня очень обрадовал интерес к моей работе, и я подобрала для выступления свои лучшие слайды. Моя польская переводчица некоторое время жила в Северной Африке и полюбила этот континент. Ей уже неоднократно приходилось работать со мной, и я была уверена, что она точно донесет до слушателей содержание и дух моего выступления.

После выступления я еще в течение часа отвечала на вопросы аудитории. Присутствующие проявили неподдельный интерес к африканским целителям. Спустя несколько недель ко мне обратилась журналистка, которая была на моем выступлении и хотела взять у меня интервью для популярного польского журнала, освещавшего вопросы альтернативного целительства. Главный редактор предупредил ее, что сомневается в том, будет ли статья об Африке интересна читателям. Конечно, она может взять интервью, но вряд ли оно заинтересует публику. Просто «черный континент» слишком далек от того, чем живут поляки.

Прочитав интервью, главный редактор все же решил опубликовать статью, но собиравшись поставить ее на не слишком заметное место в номере. Однако он внезапно передумал, и, к удивлению журналистки, в сентябре 1995 года статья появилась на первых страницах журнала. Еще больше ее озадачил тот факт, что объем продаж сентябрьского номера был самым большим за всю историю существования этого издания. Почему же редактор пошел на риск? Как оказалось, весь тираж был распродан и даже потребовалась допечатка. Я послала несколько экземпляров журнала вместе с английским переводом целителям-сангома, с которыми познакомилась в Южной Африке. Их истории тронули сердца врачей и целителей, с которыми им предстояло встречаться впоследствии.

В августе 1996 года, когда я находилась в Восточной Капской провинции ЮАР, сангома рассказали мне, что в своих сновидениях увидели духовного вождя. Это — святой человек с Востока, занимающий важное место в мире. Они сказали, что «африканцы любят этого человека за его улыбку и смех, за его отеческую любовь к человечеству. Он напоминает нам наших Мадибу (президента Манделу) и епископа Туту. Он способен прощать зло. Когда ты вернешься в Йоханнесбург, то узнаешь из газет, кто он такой. Когда ты переедешь обратно в Америку, тебе представится возможность кое-что узнать об истоках духовных и целительских традиций этого человека. Тебе это понравится, и ты даже пригласишь некоторых из нас в Америку, чтобы познакомить с целителями Востока». Меня это заинтересовало, поскольку ни один из этих сангома, как подтвердили мои расспросы, не имел никаких знаний или представлений о духовных и целительских традициях Азии. Однако я помнила о необычном визите китайского доктора к Мнтсхали и не оставила это предсказание без внимания.

По возвращении в Йоханнесбург я нашла на кухонном столе местную газету «Стар». На первой странице была напечатана фотография Его Святейшества Далай-Ламы. Я не знала, что живущий в изгнании глава государства и духовный лидер тибетского народа посетил ЮАР. Меня всегда восхищали его способность к состраданию и то, о чем он писал. Быть может, теперь мне предстояло узнать еще что-то новое о тибетском буддизме и тибетской народной медицине. Пока я не представляла себе, как это согласуется с моими ближайшими планами, но была уверена, что все образуется.

В июне 1997 года целительница из Свазиленда Кхумбулиле Мдлули и южноафриканский врач д-р Ричард Леммер приехали в Боулдер, в Колорадо, чтобы выступить на международной конференции целителей, практикующих врачей и ученых. Я не смогла там присутствовать из-за ранее взятых обязательств в ЮАР. В конференции принимала участие д-р Стефания Жантир-Поволни выдающаяся польская целительница и дипломированный врач, член совета директоров Польского Общества натуральной медицины, с которой я тесно сотрудничала в Варшаве. Именно Кхумбулиле благодаря своим

консультациям в Африке привела меня к доктору Жантир-Поволни и к Фонду Виркуса — одному из спонсоров конференции. У Кхумбулиле не было телефона, она не читала иностранных газет и научных журналов и, тем не менее, с помощью своей практики целительства и прорицания смогла установить ряд важных международных связей.

На этой конференции присутствовала и представительница тибетской медицины, д-р Дикки Ньеронгша, недавно приехавшая в Соединенные Штаты из города Дхармсала в Индии, где в изгнании жил Далай-Лама. Будучи традиционным целителем в шестом поколении, она могла рассказать много интересного и была рада знакомству с участниками конференции, приехавшими из других стран. Год спустя я вернулась в США, чтобы продолжить учебные и исследовательские занятия в Университете южной Калифорнии. С немалым удивлением я узнала, что лекции доктора Дикки Ньеронгша по тибетской медицине входят в мою аспирантскую программу по психологии. Было ли это совпадением? Мы обе решили, что нет, когда я пересказывала ей сновидение трансваальских сангома, а она тепло вспоминала встречу с Кхумбулиле Мдлули на прошлогодней конференции.

В июне 1998 года мне представилась возможность познакомиться с учителем моей коллеги Шарон Корсаро, Рубеном Орельяной, который приехал из Перу. Получив западное образование и воспитание, Рубен, подобно сангома, о которых рассказывается в этой книге, последовал своему призванию к традиционному целительству. Философия и практики древней цивилизации инков привлекли его, когда он возглавлял археологические изыскания в Мачу Пичу. Он обнаружил 44 новых археологических памятника вокруг этого священного города в Южной Америке. Когда Шарон рассказывала мне о Рубене, я вспомнила случаи с африканскими целителями, имевшие отношение к Перу.

Во время моего пребывания в Африке Мнтсхали как-то сказал, что в будущем мне попадетя повесть — нечто «вроде поучительной истории или легенды», действие которой происходит в Перу. Это будет история о целительстве, и она получит большую популярность. Я узнаю об этой книге, находясь в США. Когда мне расскажут о ней, я должна буду прислать экземпляр Мнтсхали. Когда мы с семьей перед отъездом в Польшу некоторое время жили в Вашингтоне, мне позвонил один знакомый, владелец книжного магазина. Он сказал: «Сьюзен, я только что купил несколько книжек у парня, торговавшего ими из машины. Он сам издал эту книгу, и у меня остался только один экземпляр. Это интересная повесть — дело происходит в Перу. Я оставляю ее для тебя, думаю, она тебе понравится». Я купила книжку, быстро прочитала ее и отправила почтой Мнтсхали. Позднее я узнала, что права на эту книгу приобрел американский информационно-издательский концерн «Тайм Уорнер». «Пророчество Селестины» стало бестселлером, и его автору, Джеймсу Редфилду, больше не нужно было торговать книгами из машины.

Несколько лет спустя я снова оказалась в Южной Африке и познакомилась с сануси (высшее звание целителя в традиции зулу) Кредо Вуза'мазула Мутва. Он оказал мне большую честь, согласившись встретиться со мной — тем более что на следующий день уезжал в Перу. Кредо должен был присутствовать на небольшой международной встрече народных целителей, куда были приглашены только избранные. У него было крайне мало времени, и я была благодарна ему за то, что он уделил мне несколько минут. Кредо оказался очень мягким и доброжелательным человеком. Я подарила ему свое ожерелье из необработанного балтийского янтаря, который, согласно польской целительской традиции, обладает смягчающими и успокаивающими свойствами. Кредо говорил о духовных связях народных целителей всего мира. Он призывал меня не прекращать усилий по налаживанию контактов между африканскими целителями и их коллегами во всем мире и, в особенности, в обеих Америках. Кредо вспоминал своего друга доктора Мнтсхали и благословил мою работу над книгой «Призванные исцелять».

Помня обо всем этом, я захватила с собой фотографии Кредо и Мнтсхали, когда отправилась на встречу с целителем и археологом Рубеном Орельяной. Мы прекрасно побеседовали, и я показала Рубену фотографии. Рассматривая их, он сказал: «Конечно же, я был вместе с Кредо Мутва на международной встрече целителей в Перу. Он учил нас и

проводил для нас впечатляющие сеансы исцеления. Однако он испытывал некоторый дискомфорт из-за высоты, на которой мы находились, и я помог ему преодолеть недомогание. А это, — он указал на Мнтсхали, — зулусский целитель, которого Кредо так любит».

Когда я рассказала об этом своей коллеге, она посмотрела на меня с недоверием и спросила: «Какова была вероятность встречи Рубена с этими африканцами? У него нет никаких связей с этой частью мира!»

Просто случайность? Кредо, Мнтсхали, Рубен и сангома сказали бы, что нет.

Часть первая. Мое путешествие

Моя дорога к целителям

Время, проведенное в Свазиленде, сыграло важную роль в выборе направления работы, которую мне в дальнейшем предстояло выполнить в этом регионе. Прежде чем рассказать о самих целителях, мне бы хотелось немного поделиться приобретенным мной «базовым опытом», как его называют свазийские сангома³. Подобно многим европейцам и африканцам, получившим официальное образование, я прежде считала традиционных целителей частью примитивной — и весьма чуждой нам — культуры прошлого. Работая консультантом по менеджменту в Африке, я не общалась с традиционными целителями и не думала о них как о профессиональных лекарях — если вообще о них думала.

В 1991 году, когда я занимала пост вице-президента крупнейшего филиала «Бэнк оф Америка» в Соединенных Штатах, моему мужу предложили поработать два года в Свазиленде, в Южной Африке. Мы с Роном уже были в Королевстве Свазиленд в 1983 году и помнили эту красивую гористую зеленую страну. И теперь мы подумали, что после суматошной городской жизни нашему сыну понравится близость к природе и будет полезен мягкий климат Свазиленда. Однако на новом месте мне необходимо было найти какую-либо солидную работу. Много лет назад, еще до рождения сына, я занималась частными консультациями, и сейчас подумала, что смогу вернуться к прежней работе. Чтобы оценить возможные перспективы, я посетила потенциальных клиентов в Вашингтоне и встретила у них теплый прием. И тогда мы с мужем приняли решение ехать. Я точно знала, чем буду заниматься в Африке, и мне даже в голову не приходило, что к концу нашего пребывания в Свазиленде я стану отказываться от выгодных предложений ради своих встреч с африканскими целителями.

В Свазиленде нам предстояло жить в Мбабанае — главном городе с населением 60000 человек. Я опасалась, что он может оказаться слишком похожим на привычный моему сыну американский город, и жизнь в нем не будет для него интересной. Но мои опасения оказались напрасными.

В течение двадцатиминутной поездки из аэропорта Манзини наш четырехлетний Джозеф не закрывал рта ни на минуту. «Эти тети несут дрова на голове! А почему все ходят босиком? Я тоже буду ходить здесь босиком! Дома круглые! А эта крыша сделана из травы. Мама, посмотри на осликов!» Короче, все мои сомнения испарились.

Нам с Роном уже приходилось жить в Африке и на южном тихоокеанском побережье. Мы уже были знакомы со множеством хлопот, связанных с обустройством на новом месте, но тогда с нами не было ребенка. Теперь же у нас возникли новые проблемы. Как здесь обстоят дела с медициной? Где будет учиться Джозеф? Удобно ли расположены магазины, и что в них можно купить? Как решить транспортную проблему — можно ли здесь полагаться на такси и автобусы? Оказалось, что электроснабжение, водоснабжение и телефон действуют

³ Автор использует выражение «mother experience» (букв. «опыт-мать»), которое невозможно точно перевести на русский язык (выражение «материнский опыт» имеет совершенно иной смысл). (Пр. пер.)

в городе нерегулярно, а работа почты, по всей видимости, зависит от прихоти ее сотрудников. Когда прибыл груз с нашим имуществом, оказалось, что половина ящиков взломана. К счастью, эти неприятности не происходили одновременно и поэтому не доводили нас до полного отчаяния.

Свазиленд — небольшая страна, по площади лишь немногим больше Гавайев. С трех сторон она окружена территорией ЮАР, а на востоке граничит с Мозамбиком. Население Свазиленда составляет чуть меньше миллиона человек, в основном это народ племени свази, проживающий на площади примерно в 17350 кв. км. Национальным языком здесь считается сисвати, однако основным языком общения является английский, и его преподают в начальных школах. Как и у многих жителей сельских областей Южной Африки, жизнь свази весьма нелегкая. В большинстве сельских районов отсутствуют электричество и водопровод. За водой к ближайшему источнику люди вынуждены ходить пешком за несколько километров.

Обучение в школе доступно только тем детям, родители которых могут позволить оплатить его. Как правило, после школы дети помогают взрослым ухаживать за скотом, готовить пищу, убирать, они также присматривают за младшими братьями и сестрами и ухаживают за престарелыми в своих больших семьях.

Женщины всех возрастов носят детей на спине, чтобы руки оставались свободны для переноски различных грузов. Самой впечатляющей картиной, которую мне однажды довелось наблюдать, была женщина, идущая по городу с большим пылесосом на голове. Ей удавалось удержать его в полном равновесии, даже когда она пересекала скользкий каменистый участок с непредсказуемым автомобильным движением. Следует добавить только, что происходило это в сезон дождей. Мне приходилось видеть, как женщины носят на голове не только хозяйственные сумки, свертки и корзины, но и швейные машинки, и сорокалитровые канистры с бензином. Свазиленд — патриархальное общество, и в нем до сих пор распространено многоженство. Многие целители, так же как их коллеги в других частях Южной Африки, считают, что многоженство, которое прежде служило защитой женщин в периоды межплеменных распрей, уже изжило себя.

В первые несколько недель я решила ознакомиться со Свазилендом и насладиться всем, что он мог мне предложить. У Джозефа занятия в школе должны были начаться только через три месяца, и за свои каникулы он получил столько впечатлений, что об этом стоило написать домой. Мы занялись исследованием столицы, Мбабанае, начав со знакомства с общественными рынками. Джозеф был светловолосым, белокожим и довольно высоким для своего возраста мальчиком. Свази приветствовали его, прикасались к его волосам и задавали ему сотни вопросов. Я ощутила, что на этот раз мой приезд в Африку вместе с ребенком полностью отличался от предыдущего. Мы с Джозефом набирались опыта, совершая при этом ошибки, вызывающие смех окружающих, но при этом все же быстро учились.

Выяснив, где можно приобрести все необходимое для нормальной жизни, мы обратились к природе, и я решила отправиться с Джозефом в Свазилендский заповедник «Сафари». Этот природный заповедник находился в Млилване — менее чем в 16 км от Мбабанае. Нас восхитил этот уголок нетронутой природы. Он был расположен на высоте от 640 до 1355 метров над уровнем моря и имел площадь около 4500 гектаров. Парк, включая лагерь для отдыха с крытыми соломой деревянными и традиционными травяными круглыми хижинами, до сих пор сохранил свой первоначальный вид. Дороги в нем грунтовые, и чтобы ездить по ним, необходим внедорожник. У нас был маленький «форд эскорт», который мы поспешно приобрели, чтобы обеспечить себе свободу передвижения.

Смотритель-свази, охранявший въезд в парк, рассказал нам, что в Млилване обитает множество животных — достаточно назвать белого носорога, зебру, лесную антилопу куду, импалу, антилопу-прыгуна, гиппопотама, жирафа, бородавочника, водяного козла и мартышку верветку. Нам не терпелось увидеть хотя бы одного из этих животных. Внимательно осматривая парк, мы двигались медленно, с многочисленными остановками.

Выходить из автомобиля не разрешалось, и Джозеф, чтобы ближе рассмотреть животных, опустил стекло и устроился на дверце машины. Мы так увлеклись красотой парка и животными, что я не заметила, как приближается полдень и становится жарко. Мне вдруг пришло в голову, что за четыре часа нашего путешествия мы не встретили здесь ни одной машины, да и вообще ни одного человека.

Жара становилась невыносимой, а у нас с собой не было ни капли воды. Внезапно Джозеф в необычном возбуждении стал указывать мне на что-то. Я повернулась и увидела прямо рядом с автомобилем жирафа, который смотрел на нас сверху вниз. Я взглянула в глаз животного и почувствовала себя словно загипнотизированной. На мгновение я увидела отразившуюся в его зрачке картину — мы с сыном, затерянные в парке. Это произошло настолько быстро и было так странно и неожиданно, что я объяснила это себе просто действием жары. Но спустя несколько минут двигатель нашей машины заглох, и мы остановились. Было полное безветрие, воздух вокруг был неподвижен, и мы буквально плавались. Прошел час, и я не знала, где нам искать помощи.

Наконец я решила, что нам следует идти пешком обратно к хижине смотрителя. Крепко обняв Джозефа, я неожиданно расплакалась. Страшные мысли приходили мне в голову. Ведь в парке могли быть львы (на самом деле их в заповеднике не было)! Я была близка к панике и не знала, как мне уберечь сына. Я горько раскаивалась, что привезла его сюда и по моей вине он попал в эту историю всего через несколько недель после его первого знакомства с Африкой. Джозеф погладил меня по спине и обнял. Мы вышли из машины, тронулись в путь. Кругом было невероятно тихо и красиво. За поворотом дороги мы столкнулись с семейством бородавочников. Мне было известно, что эти животные могут быть довольно агрессивными, и я попросила Джозефа вести себя тихо и не делать резких движений. Мы осторожно обошли их стороной, наблюдая, как они роют землю, фыркая на нас. Пока все обошлось...

Жара не ослабевала. Большинство животных отдыхало под тенистыми деревьями. У Джозефа ныли ноги, он с трудом переносил жару. Я не смогла бы долго нести его на руках и ломала голову над тем, как же нам выбраться отсюда. Мы прошли не менее восьми километров, прежде чем увидели автомобиль. В ней находились трое пассажиров — семья из Зимбабве. Они остановились и любезно предложили нам воды. Мы скорчились на заднем сиденье их джипа, грязные, потные, но чрезвычайно благодарные. Главная дорога находилась ближе к нам, чем пост смотрителя, и потому мы попросили подбросить нас к ближайшей гостинице. Когда автомобиль остановился около гостиницы «Счастливая долина», я сообразила, что мы попали в «квартал красных фонарей». К счастью, была всего лишь середина дня, и работа стриптиз-клубов и магазинов, торгующих порнографическими фильмами, только начиналась. Мне с трудом удалось отвлечь Джозефа, когда он обнаружил видеоплееры с картинками, не похожими на все то, что он когда-либо видел.

По моей просьбе администратор гостиницы позвонил Рону. Муж нашел местного механика и приехал к нам на выручку. Мы еще раз проехали по парку, и я пыталась вспомнить, где мы оставили машину. Территория казалась мне совершенно однообразной. Поворачивали ли мы у этого кустарника? Или у этих колючих зарослей? В конце концов мы все же нашли машину. В этот вечер у нас с Роном вновь возник разговор о покупке нового, более надежного автомобиля.

Мы с Джозефом продолжали знакомиться с новыми местами, забираясь все дальше и дальше, хотя уголок природы, которому предстояло стать одним из наших любимых Парк Малолотья на степном плоскогорье — располагался недалеко от дома. Малолотья — это крупнейший природный заповедник в Свазиленде и настоящий рай для любителей пеших прогулок. В парке поощряются пешие экскурсии для наблюдения за животными и птицами. К тому времени мы уже привыкли гулять в окружении диких животных и обнаружили несколько небольших бревенчатых домиков для ночлега. Проснувшись утром, мы могли увидеть у себя во «дворе» стадо, состоящее примерно из четырех десятков белолобых бубалов. Это время было для меня изумительным подарком судьбы — одним из многих,

которые мне еще предстояло получить в этой стране.

В феврале 1992 года мы с семьей устроили в буше по поводу моего сорокалетия изумительный пикник по-африкански. В качестве сюрприза Рон попытался организовать посещение усадьбы традиционного целителя. Это могло бы стать небольшой передышкой от нашей городской работы. Работники заповедника не могли организовать этот визит, но предложили Рону обратиться к «доктору» Нхлавана Масеко, который мог бы порекомендовать нам целителя и дать направление на однодневную поездку к нему.

Записка с именем Масеко пролежала в моем бумажнике три месяца. За это время произошла странная вещь. Я начала ощущать неудовлетворенность своей работой. Мне все время казалось, что я постоянно делаю что-то не так. Я не могла понять, что происходит, и это меня раздражало. У нас не было своего домашнего телефона, и пока мы ждали его установки (а в Мбабане на это могут уйти годы), моя соседка Пайге любезно предложила пользоваться ее аппаратом. Однажды, когда я отвечала на накопившиеся телефонные звонки, у меня снова и снова стала возникать настойчивая мысль: «позвони целителю». В конце концов я рассказала об этом Пайге, и она рассмеялась: «Это может оказаться забавным. Давай так и сделаем. Позвони ему прямо сейчас». Ее азарт передался мне, и я, разыскав в кошельке записку, набрала нужный номер.

Голос на другом конце провода ответил: «Здравствуйте, это ОТЦ» (Организация Традиционных Целителей Африки). Я спросила, нельзя ли пригласить к телефону доктора Масеко. Мужской голос на другом конце провода спросил меня о цели звонка. «Я — консультант из США и в настоящее время живу в Свазиленде, — объяснила я. — Мне бы хотелось посетить традиционного целителя.

Я работаю в городе и думаю, что знакомство с целителем позволит мне больше узнать о традиционной жизни свази». Мне ответили довольно резко: «А кто назвал вам имя доктора Масеко?» Я подумала: а кто же он, доктор Масеко? Вежливо ли было вот так запросто звонить ему? Я старалась найти способ прилично выйти из неловкой ситуации и связаться с доктором Масеко позднее, когда у меня будет больше информации о нем. Запутавшись в своих беспокойных мыслях, я вдруг услышала: «Здравствуйте, миссис Кэмпбелл, с вами говорит доктор Масеко». Поблагодарив его за то, что он согласился говорить со мной, я попросила его о встрече.

В этот момент мне казалось, будто я наблюдаю за своими собственными действиями со стороны — подобное ощущение мне предстояло многократно пережить в последующие месяцы. Я собиралась всего лишь попросить у него направление к целителю, живущему где-нибудь поблизости, но доктор Масеко спросил: «Можете ли вы завтра подъехать сюда? Мы находимся в Ситеки, это меньше чем в двух часах езды от Мбабане». Мы тут же договорились о встрече. Я не знала, почему я так поступаю, но чувствовала, что эта затея не напрасна. Да и почему бы мне не устроить себе выходной?

На следующий день я отправилась на своем автомобиле в Ситеки. Я наслаждалась живописной дорогой, ведущей из горного района через вельд Свазиленда и поднимающейся вверх на плато у самой границы с Мозамбиком. Разнообразные виды, открывающиеся передо мной, были удивительно красивы и очень успокаивали. Приехав на место, я остановилась, чтобы узнать, куда мне направиться дальше. Наконец я добралась до старой гостиницы со знаком ОТЦ на фасаде. Это было небольшое здание, выстроенное по канонам западной архитектуры, но украшенное в местном традиционном стиле. Внутри царил суэта: по коридорам сновали с бумагами служащие, одетые по-европейски. В конференц-зале шло какое-то совещание или семинар. Во всем чувствовалась деловитость и профессионализм.

Я заметила приемную и направилась к ней. Но меня встретила секретарь ОТЦ, Бетти. Она сказала, что доктор Масеко испытывает некоторое замешательство. Он не знает, кто я, и не может со мной встретиться. Секретарь передала мне его извинения и сказала, что удивлена тем, что он назначил мне встречу по телефону.

У меня сразу упало настроение. Сбрав все свои дипломатические способности, я

объяснила, как я узнала имя доктора Масеко, но это ни к чему не привело. Секретарь поинтересовалась, не могу ли я достать рекомендательное письмо? Тогда доктор Масеко смог бы решить, захочет ли он со мной встретиться. До меня дошло, что мне вежливо предоставляют путь к отступлению, и я приготовилась уйти. Но тут неожиданно зазвонил телефон, и Бетти попросила меня подождать. Она сняла трубку, внимательно выслушала, сказала «Да» и повернулась ко мне. Виду нее был озадаченный. «Доктор Масеко примет вас, — произнесла она, — пожалуйста, пройдите со мной». Я последовала за Бетти через небольшой холл. Перед тем как постучать в дверь, она предупредила меня, что доктор Масеко несколько раз в году собирает своих старших целителей. Сегодня они как раз здесь, и я заодно смогу встретиться и с ними. Внутри у меня будто что-то оборвалось. У меня возникло такое чувство, что я, будто в замедленной съемке, падаю в пустоту с обрыва.

Перед дверью была выставлена обувь, и я гадала, не следует ли и мне снять туфли. Но пока я раздумывала, меня пригласили в комнату. Там я увидела доктора Масеко — пожилого господина благородной внешности. Поверх традиционной свазийской одежды на нем была обернутая вокруг талии и свисающая с пояса шкура какого-то животного. Голову его опоясывала полоска из меха леопарда, украшенная пером. Мы поздоровались и обменялись рукопожатием.

Доктор Масеко приветствовал меня от имени ОТЦ и целителей. Я увидела несколько женщин, сидящих на полу. Меня поразили их волосы, окрашенные охрой и заплетенные в косички вместе с бусами. На их красивых лицах светились улыбки. От этих женщин исходила какая-то особая сила. У некоторых мужчин волосы были украшены перьями, и они также носили мех и шкуры животных. Мое внимание привлек один пожилой мужчина. Он улыбался, лицо его сияло. Встретившись с ним глазами, я сразу почувствовала, что напряжение оставляет меня.

Доктор Масеко немного рассказал мне об их организации. Меня удивило, насколько она солидна, и то, что в ее составе есть даже зарубежные члены. Вначале меня ввел в заблуждение внешний вид этих людей. В своем темно-голубом деловом костюме я чувствовала себя так, будто шагнула в другой мир. Мне никогда раньше не приходилось видеть африканских целителей, и все же я не ощущала сейчас никакой дистанции между нами. Они были так дружелюбны и настолько располагали к себе, что я, забыв обо всем, полностью погрузилась в царившую в комнате атмосферу и наслаждалась ею.

Доктор Масеко спросил меня, кто я и почему меня интересует их группа. Я взглянула на улыбающегося пожилого человека и неожиданно восприняла мысль: «Расскажи им о своем банковском опыте». Мысленное внушение было очень сильным. Мне казалось, будто этот человек говорит со мной. Однако в комнате стояла тишина — никто не произнес ни слова. Я стала рассказывать о своей работе в банке, в Сиэтле. Все слушали меня с интересом. Будто наблюдая за собой со стороны, я услышала, что рассказываю историю о том, как к Дику Кули, бывшему главному управляющему банка «Веллз Фарго» в Калифорнии, перед самой его отставкой обратились представители банка «Сифест» с просьбой помочь им. Приехав в Сиэтл, он был поражен: ситуация оказалась хуже его ожиданий. Не имея достаточного опыта, банк кредитовал некоторые проекты в энергетике и в результате кризиса нефтяной промышленности быстро разорвался. В этот период такое происходило со многими банками в США, но от этого «Сифест» было не легче. Дику необходимо было очень быстро изменить положение дел.

Я снова услышала голос: «Расскажи им о спиртном и упражнениях».

«О да, чудесная мысль!» — воскликнула я. Но, тут же оглядев комнату, заметила, что в комнате все молчали.

Целители ждали продолжения моего рассказа. И я, возможно, и не к месту, начала рассказывать, как Дик вводил запрет на спиртное, поощрял служащих заниматься спортом и вступать в клубы здоровья. Сам Дик был здоровым и физически развитым человеком. Он потерял правую руку во время Второй мировой войны, но оставался заядлым лыжником и

велосипедистом. Для него не существовало оправданий или отговорок, он считался только с настоящими трудностями. В «Сифест» потребовались значительные изменения кредитной политики и правил предоставления займов но в своем рассказе я пыталась донести до моих слушателей, как Дик Кули сумел изменить сам «дух» этого банка.

Я продолжала рассказывать им о других случаях из моей профессиональной практики в Вашингтоне, на Соломоновых островах и в Ботсване и о том, что меня интересовала связь западной научной мысли с традиционной практикой. Раньше я никогда не высказывалась открыто на эту тему, но сейчас это казалось мне таким естественным.

Прошло три с половиной часа. За время нашей беседы никто не покинул комнату. Казалось, время остановилось, и мы пробыли вместе лишь несколько минут. Моя речь лилась словно сама собой. Было так приятно находиться в обществе этих людей!

Доктор Масеко улыбнулся и сказал: «Вы — деловая женщина. Чего же вы хотите от нас?»

Я ответила не колеблясь: «Я хочу написать о вас книгу».

Мои собственные слова потрясли меня! Откуда вдруг взялась эта идея? Ведь в мои намерения входила всего лишь одна встреча с целителем.

Доктор Масеко произнес: «Разумеется, о нас многие хотят написать».

Я продолжала недоумевать: «Что за нелепая мысль — написать книгу! Где мне найти для этого время? И как я собираюсь писать ее? Кто я такая, чтобы писать о целителях?» Я была сбита с толку и чувствовала себя ужасно глупо. Но тут же я вдруг ощутила, что начинаю приводить себе убедительные доводы, почему именно я должна написать эту книгу. Я ощущала какую-то отстраненность, как будто во мне сосуществовали два человека с двумя отдельными потоками мыслей.

Я рассказала целителям о неоднозначном представлении, которое у меня сложилось о них под влиянием средств массовой информации и профессиональных медиков. Действительно ли целители — злые колдуны? Правда ли то, что о них рассказывают? Неужели люди, называющие себя целителями, могут нанести вред другому человеку?

«Нет, целители не такие, — объяснил доктор Масеко. — Одержимые целители — те, что получили свой духовный дар от предков, — не могут нанести вред ни пациенту, ни другим людям. Конечно, важно бороться с негативными представлениями, но главная задача нашей организации — оказывать непосредственную помощь людям. У нас большие планы и мы уже достигли серьезных результатов. У нас нет времени на разъяснения. Наше дело — исцелять».

Тем не менее, доктор Масеко и старшие целители попросили меня представить им проект моей будущей книги и объяснить, как я собираюсь работать над ней. Я была довольна, но вместе с тем удивлена и даже напугана своей новой миссией. Позднее доктор Масеко признавался, что он и сам был удивлен собственным поведением, неожиданной готовностью помочь мне, а также тем, что решил встретиться со мной без всяких рекомендаций. По его словам, он чувствовал, будто что-то подталкивает его к встрече со мной, и это указывало, что «духи наших предков поддерживают наше деловое сотрудничество».

Целители, присутствовавшие на нашей первой встрече, были людьми высокодуховными, они были способны слышать мысли других и чувствовать силу характера и намерений человека. Они точно «видели», кто я такая. Выдающийся старший целитель доктор Мнтсхали так вспоминает об этой встрече:

— Я помню ваше первое посещение. Вы пришли одна. Целители, которые были с нами в тот день, решили, что вы очень смелая женщина, если рискнули вот так запросто прийти к нам. Это произвело сильное впечатление, и мы готовы были выслушать вас. Поначалу мы не могли поверить, что ваш интерес — подлинный, но пообщавшись с вами и слушая вас, мы подумали, что вы не из тех белых, которые рассказывают о нас небылицы и насмеются над нами. Доктор Масеко подробно расспрашивал вас, и ваши ответы были искренними. Вы — деловой человек. Вы приехали в Свазиленд в командировку вместе с мужем. Случилось так,

что вам захотелось узнать, что такое ОТЦ и чем занимаются целители в этой стране. И вам действительно это было интересно.

Нам показалось, что именно вы можете рассказать правду о нас. Вы слышали множество рассказов об африканских целителях; но лично никогда не общались с нами. Вы не врач, не ученый, не антрополог — вы пришли к нам как обычный человек. И мы подумали, что следует дать вам шанс и предоставить возможность встретиться с некоторыми из целителей. Но мы хотели быть уверены, что вы встретитесь именно с теми, с кем следует. Очень хорошо, что вы обратились непосредственно к нам, а не стали, подобно другим, собирать о нас случайные сведения. Ведь когда несведущие люди пытаются рассказать о наших обычаях и методах исцеления, у многих создается неверное впечатление. Мир должен знать о нас правду. Надеюсь, теперь он ее получит.

Миссис Кэмпбелл, в начале своей работы вы задавали множество вопросов, и мы помогали вам избавиться от сложившихся у вас стереотипов в отношении целителей. Вы были очень любознательны. Мне особенно запомнился один ваш вопрос: «В чем разница между колдуном и целителем?» Понимаете, многие люди даже не знают, что разница существует, но вы прежде всего захотели прояснить для себя именно этот вопрос. У нас была возможность пообщаться с вами и объяснить, что единственная задача целителя — помощь людям. По законам предков, которые наделяют нас силой, целитель не может одной рукой лечить, а другой — убивать. Иначе он сразу же лишается силы и его целительские способности исчезают навсегда.

Через пять дней я представила свой проект в ОТЦ. Во время нашей встречи целители говорили: «Книга, которую вы напишете, познакомит читателей с целителями Южной Африки, а потом они придут и скажут: „Мы хотим учиться у этих целителей“. Ваша книга откроет им путь к этому. Спокойно пишите и ищите издателя, но оставайтесь открытой. Со временем станет ясно, кто вам поможет. Ваша книга будет опубликована».

В последующие три месяца я не виделась ни с целителями, ни с доктором Масеко, ни с кем-либо из персонала ОТЦ. Я не знала о том, что происходило в ОТЦ в течение этого времени — ни об их контактах с международным советом доверенных лиц, ни о дискуссиях со старшими целителями и членами ОТЦ. В это время я полностью забыла о своем проекте. Но неожиданно мне позвонил один из сотрудников ОТЦ: «Здравствуйте, миссис Кэмпбелл, это Моисей. Ка к дела? Как вам живется в Мбабане? Я звоню просто, чтобы сказать вам „привет“». Моисей рассказал мне последние новости о семинарах и проектах ОТЦ. Я не забыла, как любезны были сотрудники этой организации и о том, какое сильное впечатление произвела на меня встреча с целителями. Мне снова захотелось увидеться с ними. По просьбе доктора Масеко я время от времени отвечала на некоторые вопросы, касающиеся моего проекта, но затем все контакты с ОТЦ опять прекратились. Прошло несколько недель, и моя повседневная «настоящая» работа отодвинула мои мысли о целителях на задний план.

Еще через три месяца мы с Роном и Джозефом решили провести отпуск в «Кейп Видал» — волшебном заповеднике на берегу Индийского океана — и стали загружать наш «лендровер». Я очень люблю океан, и меня привлекала уединенность этого места. В тот день я даже не вспоминала о целителях. Но как только мы собрались и уже закрывали дом и фургон, на подъездной аллее появился человек, с которым я раньше никогда не встречалась. Свази называли наш дом «гусеницей». Дело в том, что выстроен он был на склоне крутого каменистого холма, и все его девять этажей вытянулись вдоль обрыва подобно гигантской многоножке. Со стороны это выглядело довольно несуразно, но здание было намеренно построено так, чтобы обеспечить наилучший обзор при взгляде на раскинувшиеся по склонам холма эвкалиптовые и сосновые рощи. От грунтовой дороги к нашему дому круто спускалась подъездная аллея. Редко кто из посетителей приходил к нам пешком.

Мужчина-свази протянул мне конверт из плотной бумаги и сказал: «Это просил передать вам доктор Масеко»... Подписанный договор и доброжелательная записка от доктора Масеко, уведомляющая меня, что он «согласен приступить», как только я буду готова. Я поняла, что это мой шанс, и трудно желать лучшего способа использовать время

моего пребывания в Африке. Я поразилась тому ощущению счастья, которое охватило меня. В предвкушении веселого отпуска мы уселись в машину и отправились в путь.

Договор давал мне возможность проводить с помощью сотрудников главного управления ОТЦ беседы со старшими целителями. Я же, со своей стороны, должна была разработать для ОТЦ стратегию маркетинга и связей с общественностью и представить эти разработки потенциальным спонсорам. В итоге я должна была определить пути взаимодействия между профессиональной медициной и традиционными целителями. Подавляющее большинство жителей Свазиленда, вне зависимости от их образовательного уровня (включая и людей, получивших высшее образование в США и Европе), советуются с традиционными целителями. Итак, только что мне открылся доступ в новый чудесный мир!

Мне всегда говорили, что у меня хорошая интуиция, и, возможно, это помогало мне ориентироваться в мире бизнеса. Работая в штаб-квартире корпорации в Сиэтле, я находилась в постоянном контакте с президентом банка Люком Хелмзом. Люк был непревзойденным мастером мелких банковских операций. Окружающие считали, что он тоже остро чувствует ситуацию. Я знала, что он доверял моему внутреннему чутью и был уверен, что быстро получит точное мнение по любому вопросу. Решения обычно требовали оперативности, и это заставляло меня доверяться своему инстинкту. Кое-кто в корпорации считал безумием с моей стороны оставить преуспевающее предприятие ради «забавы» в Африке. Но Люк был рад за меня. При расставании он сказал: «Не обращайте внимания на разговоры. У меня предчувствие, что впереди вас ждет дело, которое будет интереснее, чем вы можете себе представить». Он оказался прав.

Позднее целители говорили мне, что пока я была в Сиэтле, мои предки готовили почву для моего пребывания в Свазиленде. Целители считали, что я отнюдь не случайно встречалась или работала с теми или иными людьми. Все это готовило мой ум к неожиданному повороту в жизни. И мои предки, и предки целителей уже тогда начали работать вместе. В тот же период некоторые целители узнали из своих снов, что их посетит женщина из Америки. Конечно, в своих сновидениях они не могли видеть банковскую служащую на высоких каблуках и в голубом костюме, но мой внешний вид, судя по всему, никогда их не удивлял.

Поначалу я стеснялась рассказывать людям о своей работе с целителями. Некоторые мои коллеги не считали это «серьезной» работой. Меня нередко спрашивали: «Что можно об этом написать?» Я двигалась в новом направлении, но опасалась, что это не лучшим образом отразится на мне и на моей семье.

Переломный момент наступил, когда Рон нанес визит королю Свазиленда, чтобы обсудить свой проект развития городской инфраструктуры. Во время встречи министр жилищного строительства Томас Стивенс о чем-то беседовал с королем на сисвати — национальном языке Свазиленда. Затем король взглянул на Рона и перешел на английский: «Насколько мне известно, ваша жена проводит в Свазиленде кое-какую работу с традиционными целителями?» Рон был захвачен врасплох. Он не был уверен, что король положительно отнесется к моим занятиям, а также не знал, подлежит ли эта тема обсуждению. Но король рассказал Рону о том, насколько важна роль традиционных целителей, и что доктор Масеко, с которым я работаю, — один из его личных врачей. Доктор Масеко лечил и его отца, короля Собхуза. Эта встреча укрепила доверие к моему проекту и помогла мне осознать, насколько важно помочь широкой общественности составить верное представление об африканских целителях.

Одной из первых поездок к целителю, в которую я взяла с собой сына, было посещение широко известного специалиста по лекарственным средствам — *мути* . Джозефу, судя по всему, нравилась моя работа с целителями, и он заранее предвкушал эту поездку. Мы встретились с господином Сибандзе на его аптечном складе. Склад представлял собой сборный барак из гофрированного железа. Выстроенное вначале здание расширяли без всякой системы при каждой удобной возможности. Внутри было темно. Лучи, проникавшие

сквозь несколько маленьких окошек, освещали почти призрачным светом бесконечные ряды сохнувших трав, шкур крокодилов и питонов и других предметов, используемых для приготовления традиционных лекарственных средств. Мы остановились, чтобы дать глазам возможность привыкнуть к темноте.

Джозеф ходил по складу, рассматривая все и задавая множество вопросов. Внезапно он воскликнул: «Ух ты, мам, что за странная штука!» Помню, я готова была провалиться сквозь землю. Я боялась, что он обидел уважаемого целителя, любезно согласившегося показать то, что удастся увидеть лишь немногим жителям Запада. Господин Сибандзе рассмеялся. Ему понравилась детская непосредственность Джозефа. В тот день я узнала, что дети пользуются особым расположением целителей, так как те верят, что дети гораздо ближе к миру предков, чем взрослые.

Я не очень терпелива и не отличаюсь особой выносливостью, но все же значительная часть моей работы с целителями была связана с необходимостью совершать дальние поездки по ухабистым дорогам в неподходящую погоду и подолгу ждать, сидя на земляном или навозном полу хижины. Довольно часто случалось, что когда я после нескольких часов изнурительной езды добиралась наконец к дому целителя, обнаруживалось, что его вызвали к пациенту. У меня никогда не было ни малейшей уверенности в том, что встреча действительно состоится. Для меня это было крайне непривычно. Но после того, как я многократно возвращалась, и целитель в конце концов оказывался дома, я внезапно ощущала прилив сил. Само присутствие этих людей наполняло меня энергией.

После посещения целителей я всегда становилась нетерпеливой и легко возбудимой в течение нескольких дней. Меня особенно раздражало, что приходится быть на побегушках, заботиться о повседневных деловых мелочах или болтать о пустяках со знакомыми. Мне не хотелось возвращаться в город. Мне была необходима та безмятежность, которую я ощущала в хижинах целителей. Постепенно я обнаружила, что уже могу гораздо больше времени проводить с ними и гораздо быстрее возвращаюсь к повседневной жизни с друзьями и семьей. Это был необходимый период обучения и адаптации, с которым я должна была справиться.

В течение трех месяцев, пока я ждала окончательного решения ОТЦ по проекту создания книги, мне, как нарочно, встречались люди с исключительно негативным опытом, которые вместо подлинных целителей обращались к шарлатанам. Они предостерегали меня, утверждая, что я попаду к колдунам, которые заставят меня испытать огромные физические и душевные страдания. Но что-то подсказывало мне, что со мной будет все в порядке. Однако я сомневалась, могу ли я в данном случае положиться на свою интуицию. Когда во время моей первой поездки к целителю мои переводчики напомнили мне имя человека, с которым мне предстояло встретиться — человека очень уважаемого и считавшегося старшим среди главных целителей, — на какой-то миг все связанное с этими людьми показалось мне совершенно чуждым. Быть может, все эти пессимисты были правы? Я чувствовала себя словно рыба, вынутая из воды. Я нервничала, ощущая внутри странную пустоту. Мы подъехали к усадьбе, и к нам вышел доктор Мнтсхали, или просто доктор — человек, которого я сразу же узнала по первой встрече. Он и его жена приветствовали нас, и я почувствовала себя вдруг очень уютно. Как только я увидела лицо доктора, то сразу же ощутила прилив благотворной энергии. Усадьба⁴ доктора была расположена на пологой сухой пустоши, окруженной зарослями низкого кустарника. Мы сидели на циновках под лучами теплого зимнего солнца и слушали, как звенят колокольчики на шеях коз, бродивших за изгородью. На душе у меня было спокойно. Двор был чисто выметен и вся усадьба имела безупречный вид. Такой она была всегда, когда бы я сюда ни приезжала.

В тот день я не придавала значения тому, где мы расположились. Доктор не подпускал

⁴ В действительности, речь идет о гомстэде — специфическом африканском поселении наподобие украинского или прибалтийского хутора. (Пр. пер.)

меня к себе близко, усадив подальше от своих святынь. Он расспрашивал меня о моем прошлом, о моих намерениях и моем интересе к целителям, задавая очень точные вопросы. Помнится, я подумала: «Кажется, он не собирается давать мне интервью. Наверное, это моя первая и последняя беседа с ним». Очевидно, с моей стороны было довольно бесцеремонно думать, что я могу вот так просто приехать к этим людям и расспрашивать об их жизни. Но вскоре характер нашей беседы изменился. Мы с доктором проговорили несколько часов, и он ответил на все мои вопросы. С тех пор доктор всегда допускал меня внутрь своих священных хижин, где он устанавливал контакт со своими предками.

Доктор Мнтсхали неоднократно давал интервью многим исследователям, но ни разу не видел, чтобы хоть что-то из них было опубликовано. И он перестал давать интервью. Однако сновидение показало ему, что со мной все будет по-другому. На протяжении всей моей работы с целителями доктор постоянно оказывал мне неоценимую помощь. После этого визита меня больше никогда ни о чем не расспрашивали. Позднее я узнала, что доктор Масеко и доктор Мнтсхали хотели выяснить, насколько можно доверять мне. После нашего разговора доктор Масеко на собраниях, семинарах и выступая по радио сообщил целителям, что мои намерения чисты.

Во время пребывания в Свазиленде у меня появилась возможность провести семь дней отдыха на лечебном курорте св. Франциска в Порт-Альфреде (ЮАР). Там я получила курс лечебного голодания, массажа и траволечения. После первого дня голодания я чувствовала себя абсолютно разбитой. Мне хотелось лишь полной тишины и сна. Спустя три дня ко мне стали возвращаться силы, и я начала более ясно видеть цвета, слышать звуки и ощущать запахи. Я заметила, что за этот период обостренного восприятия у меня полностью разрешились некоторые эмоциональные проблемы. Я всегда верила во взаимосвязь между разумом и телом, но теперь я ее непосредственно ощутила. Здесь, на курорте европейского типа, действовали принципы, о которых говорили африканские целители.

Когда я возвратилась домой, мне позвонила Кхумбулиле Мдлули — еще одна целительница, которая, подобно доктору Мнтсхали, казалось настраивалась на особую волну, если дело касалось моего благополучия. У нее не было собственного телефона, но она всегда находила, откуда позвонить, когда это требовалось. Я не успела поговорить с Кхумбулиле перед отъездом, и она не знала, что меня не было в стране. Кхумбулиле рассказала, что семь дней подряд видела обо мне сны. В этих снах я совершала переход. Первые три ночи она не была уверена, что у меня все в порядке. Даты этих сновидений совпадали с первыми тремя днями моего голодания. Затем в ее сновидениях что-то изменилось — словно я продвинулась вперед. Кхумбулиле видела духовный переход. Она сказала, что была рада «быть со мной» в лечебнице.

За неделю до отъезда из Свазиленда я видела сон о Кхумбулиле. В этом сне ко мне приходили две мои бабушки. Я никогда не знала их при жизни, и у меня не было их фотографий. Но во сне я твердо была уверена, что эти две женщины — мои бабушки. Они пытались говорить со мной, а я все время старалась рассмотреть их получше. Я видела их боковым зрением, но как только я пыталась посмотреть на этих женщин, образы расплывались или бледнели. Я была сбита с толку и вертела головой, пытаясь отчетливее их рассмотреть, но бабушка со стороны матери потеряла терпение и сказала: «Не важно, можешь ли ты нас видеть или нет. Слушай меня».

Она сразу же завладела моим вниманием. Я замерла и услышала слова: «Ты должна подарить Кхумбулиле свой ярко-синий блейзер». Мне показалось неплохой мыслью подарить Кхумбулиле что-нибудь из своих вещей — но только не этот блейзер. Мне он нравился больше всего. Мне нравился его цвет, и его можно было стирать (что в условиях Африки немаловажно). Эти мысли мелькали у меня в голове, но вслух я ничего не произнесла. В следующее мгновение я скорее почувствовала, чем услышала, что бабушка разочарована во мне. Она сказала: «Ты должна подарить ей не только ярко-синий блейзер, но теперь ты должна подарить ей и свой бирюзовый вельветовый топ». Я была потрясена. Этот

топ имел для меня совершенно особое значение. Его цвет успокаивал и, казалось, каким-то необъяснимым образом помогал мне. Я знала, почему бабушки выбрали именно его. Я не выполнила сразу же их первое требование и теперь должна была отдать еще что-то, чем дорожила. В сновидении я ответила: «Хорошо, хорошо, я сделаю это».

Целители говорили мне, что их жизнь сразу же улучшалась, как только они переставали спорить со своими предками, а просто выполняли их требования. Тогда, во сне, я вспомнила об этом. Не могу сказать с уверенностью, какая из бабушек затем вступила в разговор. Она твердым, но более ласковым тоном потребовала: «Ты должна подарить Кхумбулиле не только свой блейзер и блузку, но также одну из вешалок бабушки Бэйкер». Бабушка моего мужа связала нам крючком несколько вешалок, которые я годами возила с собой. Часть из них я за это время раздарила, и у меня осталось совсем немного. Я привыкла к ним и постоянно ими пользовалась. Но я сказала, что отдам вешалку — я была готова сделать все, что бабушки потребуют. Мне это не слишком нравилось, но я сдалась. На этом мой сон закончился.

Утром я проснулась в прекрасном расположении духа и сразу же полезла в шкаф. Я достала блейзер, блузку и вешалку и уложила их в сумку. В тот день я собиралась навестить Кхумбулиле, чтобы попрощаться с ней перед отъездом. Я вручила ей подарки и рассказала о своем сне. Но она стала благодарить не меня, а моих бабушек! Примерив блейзер, Кхумбулиле осталась довольна. Она полюбовалась другими вещами, положила их рядом с собой, и мы продолжили беседу. Мне хотелось, чтобы она поблагодарила именно меня, и я рассказала ей, как много эти вещи для меня значили. Кхумбулиле улыбнулась: «Ода, я благодарна твоим предкам. Ты привезла мне эти подарки, но ведь это твои бабушки дарят их мне». Я засмеялась и покачала головой. Мы обе понимали, какой урок я получила. Подобно другим целителям, Кхумбулиле всегда могла заострить мое внимание на чем-то важном, она умела, смеясь или с помощью простых, но точных слов, помочь мне усвоить суровый урок.

Доктор Мнтсхали однажды сказал мне, что самое важное для нас это прислушиваться к своим предкам, к своей интуиции. Нам вовсе не обязательно должно нравиться то, что нас просят делать; нам даже не обязательно это понимать. Главное — следовать указаниям. Иногда со временем становится ясно, почему нас просили сделать ту или иную вещь, но так бывает не всегда. Подобно целителям, любой человек может достичь такого этапа в своей жизни, когда понимание становится уже не важным. Доктор сказал, что я могу быть слишком строга к себе; он замечал это и у других людей с Запада. Я рассказала ему, что недовольна собой из-за того, что сразу не выполнила первое же указание бабушек. Доктора это позабавило, и он напомнил мне следующую историю.

В начале декабря 1993 года мне пришлось отменить встречу с доктором. Я послала ему письмо и получила ответ, что он готов перенести встречу на начало нового года. Третьего декабря, накануне ранее планировавшейся встречи, я узнала, что буду свободна на следующий день. У меня возникло сильное побуждение посетить доктора, но я никак не могла с ним связаться. И я решила все равно поехать к нему, раз мысль о посещении была такой настойчивой. Я проехала два часа под палящим солнцем, буквально прилипая к сиденью своего «лендровера», несмотря на включенный кондиционер. В усадьбе доктора Мнтсхали меня встретила его жена. Она сказала, что ее муж ехал в Мбабане, чтобы разобраться с государственным пенсионным чеком. Вероятно, мы разминулись по дороге. Доктор должен был два часа трястись в переполненном автобусе, в котором не было никакого кондиционера. Жена доктора сказала, что мне следует либо подождать, либо еще раз вернуться сюда через два часа. Я возразила, что потребуется гораздо больше времени для того, чтобы доктор уладил свои дела и нашел автобус, который привезет его обратно, не говоря уже о долгом пути пешком от главной дороги к дому.

Но миссис Мнтсхали была непреклонна: «Вы не должны уезжать домой». Она была уверена, что доктор вернется, чтобы увидеться со мной. Хотя интуиция подсказывала мне, что она права, ум говорил мне, что это нелогично. Еще сомневаясь, стоит ли мне возвращаться, я попрощалась и направилась в Манзини, что в часе с небольшим езды по

пути домой. Там я остановилась, чтобы перекусить в маленьком итальянском ресторане. Хороших ресторанов здесь было мало, и они находились на большом расстоянии друг от друга, так что мне представилась прекрасная возможность вкусно пообедать. Я отдыхала и наслаждалась жизнью. Но после ленча я подумала: «Разве не здорово было бы вернуться назад и все же повидать доктора Мнтсхали?» Но это показалось мне абсурдом — возвращаться обратно по такой жаре было бы далеко не здорово. Но все же что-то заставило меня забраться в машину и направиться обратно к дому доктора.

Меня снова вышла встретить жена доктора. Я чувствовала, что он сам где-то неподалеку. И действительно, вслед за своей женой из одной из своих хижин вышел доктор Мнтсхали. Увидев меня, он остановился, покачал головой, улыбнулся и сказал: «Мне следовало бы догадаться, что это будете вы». Он выехал рано утром и вытерпел неприятную поездку. В учреждении, куда он обратился, ему сказали, что нужный ему чиновник отсутствует, но должен вернуться после ленча. Доктор Мнтсхали решил подождать его, но вдруг подумал, что ему следует возвратиться домой. Хотя ему необходимо было решить свое дело и к тому же поездка домой в полдень обещала быть ужасной, мысль о возвращении не покидала его. Тогда он решил сделать так, «как ему говорят», и сел в автобус. Всю обратную дорогу он терпел жару, толчею и вонь и проклинал то, что вынужден следовать указаниям предков. Однако не противился им. Доктор сказал, что было бы замечательно всегда сохранять спокойствие и с легкостью следовать интуиции, не испытывая возмущения, но все мы — люди. Вообще, если мы следуем своей интуиции, указаниям своих предков, то становимся гораздо счастливее. Тогда мы гораздо яснее понимаем, как следует поступать в повседневной жизни, и правильно выбираем путь. Только не нужно слишком отвлекаться на мелочи.

В тот день доктор Мнтсхали в первый раз бросил для меня кости и выяснил, кто из моих предков оказывает на меня наибольшее влияние. Он рассказал мне о моем дедушке со стороны матери, который умер, когда мне было четыре года. У меня сохранилось только одно воспоминание о нем, но я всю жизнь чувствовала к нему необычайную близость. Другой предок, мой отец, внезапно умер, когда мне было тринадцать лет. По словам доктора, мне повезло не только в том, что за мной присматривают эти могущественные предки. Их защита распространяется и на моего мужа, так как они состоят в союзе с его предками. Доктор рассказал мне множество историй из жизни моих отца и деда, а также историй, полных впечатляющих подробностей, о том, какую роль эти два человека играли в моей жизни.

Я позвонила своей матери в США и пересказала ей некоторые истории. Она была обрадована и, казалось, с удовольствием выслушала их. Мне вдруг пришло в голову, что мы с мамой никогда не говорили о целителях, бросающих кости, — о том, как они это делают и каким образом узнают то, чего просто не могут знать. И все же наша беседа протекала так, будто мы уже сотни раз обсуждали этот феномен. Затем я рассказала матери, что доктор Мнтсхали видел моего деда в юности среди домашнего скота. Она сказала, что это неверно, и напомнила, что ее отец был горожанином и провел большую часть жизни в Милуоки, в штате Висконсин. Она тут же сменила тему и стала рассказывать, как живут семьи моих сестры и брата, о своей работе и о других обыденных вещах. В конце нашего разговора она вдруг воскликнула: «Подожди-ка, я только что вспомнила, что отец начал ухаживать за моей матерью, когда она еще жила у себя дома. Ее родители жили в сельской местности, на молочной ферме, и у них было много коров».

Я редко рассказывала целителям что-либо о своей семье. Поначалу мне мешал природный скептицизм. А позже в этом просто не было необходимости. Я вспоминаю беседу с Кхумбулиле, которую она прервала, чтобы упомянуть, что у моей матери неприятности с правым бедром. Я сказала, что это не так, что она в свои 70 лет регулярно гуляет, играет в гольф и совершенно здорова. В тот же день я получила от матери письмо, которое начиналось словами: «Все хорошо, за исключением того, что мне досаждают боль в правом бедре». Но какими бы волнующими ни были некоторые из моих впечатлений, мне было не

настолько интересно собирать свидетельства выдающихся способностей целителей, насколько меня привлекали простые принципы, которыми они руководствовались в своей жизни.

Доктор Мнтсхали все время предлагал мне провести церемонию для каждого из моих главных предков или наставников. Прочитав мои мысли, он сказал: «Возможно, вам не по себе от этой идеи. Белые часто не могут на это решиться. Позвольте мне рассказать, как это делается. Вам нужно вспомнить своих предков. Начните с дедушки. Как его звали? Где он вырос? Каков он был взрослым? Какими воспоминаниями о своем отце с вами может поделиться ваша мать? Собирайте истории, воспоминания, которые вы будете чтить. Посмотрите, что у вас осталось от дедушки — фотографии, любые мелочи, которые могут напоминать вам о нем. Затем узнайте, какие блюда он любил, и приготовьте их в особый день, посвященный только ему. Можете пригласить много гостей или не приглашайте их вовсе — как сочтете нужным. Для церемонии вам необходимо поверх одежды надеть белую ткань. Это усилит ваш контакт с предком».

Я была в замешательстве. У меня осталась только одна маленькая фотография деда и две фотографии отца, и не было никаких вещей, принадлежавших им. Но доктор Мнтсхали сказал, что это не важно. Предки надежно защищают меня и мою семью. Я даже могу провести церемонию без фотографий или предметов. Перед тем как подавать на стол, мне нужно положить понемногу каждого блюда на пол для предков. Это делается для подтверждения того, что предки больше не пользуются телом. Еда, которую мы им предлагаем, — это просто символ. Во время приготовления пищи и в ходе самой трапезы мне следует рассказывать истории о деде и стараться получше его вспомнить. Этими историями мне нужно поделиться со всеми присутствующими.

Я поговорила с матерью, выбрала несколько хороших историй и решила, какие блюда я приготовлю. Настал вечер церемонии. Я решила, что в этот первый раз проведу ее только со своим мужем и нашим сыном. Я приготовила белую простыню, чтобы надеть ее поверх одежды. Я чувствовала себя достаточно глупо, надевая ее, словно тогу, но моему сыну это понравилось. Джозеф помчался за своей любимой простыней с черепашками-ниндзя. Он был возбужден и хотел услышать все истории о своем прадедушке. Это становилось забавным, хотя я видела, что Рону не по себе. Однако в последнюю минуту он быстро спустился вниз и вернулся, облаченный в голубую простыню. Мы взглянули друг на друга и рассмеялись. Напряжение спало, и мы сели за стол, чтобы провести вечер с историями о моем деде и его любимыми блюдами.

В течение нескольких дней после церемонии я чувствовала огромное душевное и физическое облегчение. Я стала видеть больше снов, в том числе и о моем дедушке; теперь они стали гораздо подробнее. Я не могла утверждать, что это было напрямую связано с церемонией, но, с другой стороны, она определенно не повредила. Вскоре после этого я решила провести церемонию для своего отца. Мой отец страдал от язвы, но любил острую и пряную пищу. Я приготовила мексиканскую трапезу. На этот раз во время приготовления блюд и за трапезой ко мне пришло больше воспоминаний. Рон и Джозеф беззаботно шутили по поводу историй, которые я рассказывала. Это было доброе и вовсе не почтительное веселье.

Доктор Мнтсхали был доволен, что я провела церемонии, и сказал, что теперь мои сновидения будут ярче и полнее. Он добавил, что можно помочь общению с предками, если на ночь одеваться в белое. Я решила последовать и этому совету. И действительно, даже сегодня я перед сном одеваюсь в белое, и мои сны стали более ясными и легко запоминающимися.

Перед своим первым интервью с целителем я подготовила на компьютере стратегический план с указанием всех сроков и всем, что мне предстояло сделать. Но я так и не воспользовалась этим планом. Я обнаружила, что мои взаимоотношения с целителями,

включая и форму проведения беседы, были в значительной мере интуитивными. Приближалось мое первое интервью с целителем, и я раздумывала, о чем я буду его спрашивать. Я была потрясена невероятной возможностью, которую предоставили мне целители, но отдавала себе отчет в том, что если в своем первом интервью я по недосмотру буду недостаточно внимательна к их культуре, моему проекту придет конец. Пытаясь наметить вопросы для интервью, я советовалась со многими медиками и с другими специалистами, заинтересованными в моей работе с целителями. Но даже несмотря на их помощь, у меня ничего не вышло.

Накануне моего первого интервью у меня по-прежнему не было никаких заранее заготовленных вопросов. Это заставляло меня нервничать. Ближе к вечеру, когда я сидела на веранде, беседуя с сыном и его приятелями, я вдруг почувствовала, что мне необходимо сесть за компьютер. Спустившись бегом в свой кабинет, я начала записывать вопросы. Это был поток вопросов, словно сыпавшихся один за другим. Быстро напечатав две страницы, я полностью иссякла. Больше я ничего не могла придумать. Зато наконец у меня появился план интервью.

Сейчас я вспоминаю, что хотела набросать в общих чертах содержание глав для моей книги, но мне ничего не приходило в голову. Несколько месяцев спустя я снова была дома, и перед моим мысленным взором вдруг возникли названия глав. Я тут же пошла в кабинет и все записала. Во время моего интервью со старшей целительницей миссис Дубе я попросила свою переводчицу прочитать ей набросок глав. Я все время переспрашивала, чтобы убедиться, что миссис Дубе все поняла. Наконец мы закончили, и в комнате воцарилась тишина. Я напряглась. Что, если я все сделала не так? Миссис Дубе сложила руки на груди и взглянула на меня. Она сказала, что я — близкий друг целителей. Что она не смогла бы улучшить написанное мной и ничего не хочет менять — указания моих предков изложены очень ясно. Целительница была довольна.

Сегодня я гораздо больше верю в то, что у всех нас есть духи предков, которые нас направляют и защищают. Можно в той или иной степени ощущать их присутствие и получать их сообщения благодаря интуиции и тому, что я называю «счастливыми совпадениями». Одно из таких совпадений произошло, когда мне нужно было заехать в Манзини — небольшой, но шумный торговый центр примерно в пятидесяти километрах к югу от Мбабане, — чтобы захватить с собой переводчицу. Нам предстояло ехать дальше на юг, чтобы взять интервью у одного из целителей. Трижды оказывалось, что я еду на восток. Мой друг и фотограф Альберт, который был со мной, находил всю эту ситуацию комичной и всякий раз указывал, что я еду не туда.

Я заметила, что моя переводчица, Номвула, не произнесла ни слова, просто предоставив всему идти своим чередом. Она сохраняла полное спокойствие. Я нервничала. Номвула сказала: «Разве ты не чувствуешь? Тебя задерживают. Ты каждый раз доезжаешь до какого-то места, а потом сворачиваешь назад. Если бы твои предки хотели изменить твой путь, чтобы защитить тебя, ты бы не „вспоминала“, что нужно повернуть. Ты продолжала бы ехать и приехала бы совсем не в то место, куда направлялась».

Ее слова меня успокоили, и мы продолжили путь. Прибыв на место, я узнала, что во время нашей «задержки» целитель, у которого я должна была брать интервью, неожиданно уехал по срочному вызову. Это позволило мне познакомиться с его женой — талантливым наставником целителей. Как только я увидела ее, мне стало ясно, что я приехала сюда именно ради нее. Сама не зная почему, я была счастлива ее видеть, хотя мы никогда прежде не встречались. Она приветствовала нас так радостно и выразила готовность отвечать на вопросы, будто встреча с нами входила в наши планы с самого начала. Мы проговорили полдня, словно сестры, встретившиеся после долгой разлуки.

Время, проведенное в общении с целителями, всегда было для меня чем-то особенным. Мне всегда было приятно с ними встречаться. Даже если я встречалась с ними впервые, я чувствовала себя так, будто знаю их давно, и время обретало какую-то иллюзорность. Мне могло казаться, что интервью длилось около получаса, но, взглянув на часы, я обнаруживала,

что мы беседовали пять часов. Случалось и обратное — я думала, что мы провели вместе не менее двух часов, а самом деле проходило лишь минут тридцать.

Целители считают, что время имеет отношение только к нашему физическому существованию. Они объясняли, что когда разговаривают с предками и общаются посредством видений, никакого времени не существует. Все происходит как бы одновременно. Мы рождаемся, живем, умираем, существуем как духи — и все это происходит в одно и то же время. Когда сангома бросает кости и предсказывает будущее, она в действительности говорит о событиях, происходящих сейчас. Я была захвачена врасплох, когда одна из целительниц сказала, что у меня есть дочь-подросток. Помнится, я подумала: «Ага, я ее поймала. Тут она ошибается». Но прежде чем я успела усомниться в ее словах, целительница объяснила, что на самом деле моя дочь — это дух ребенка, которого я не сумела выносить на южном тихоокеанском побережье. Я никогда не упоминала, что жила там. И уж конечно, я никогда не рассказывала о своем выкидыше. Если бы этот ребенок родился, у меня действительно сейчас была бы дочь-подросток. Целители верят, что в случае выкидыша дитя остается с матерью и она его растит. Поскольку в мире духов нет пространства и времени, я все время заботилась об этом ребенке и встречусь с дочерью, когда умру.

Это был один из сотен исцеляющих моментов, подаренных мне сангома. Переживание, оставившее следы неутоленной печали, совершило полный круг. Когда целительница рассказала мне о моей дочери, я на мгновение увидела ее. Она была где-то далеко на периферии моего зрения, однако у меня было отчетливое ощущение, что я вижу ее. Я видела ее высокой, стройной, с длинными русыми волосами. Это казалось мне совершенно естественным — так, будто я встретила со своим сыном после его недолгого отсутствия. Она, эта девочка, была мне очень знакома — так, будто всегда жила со мной. Я видела, что она улыбается...

Мне предстояло еще многому научиться у моих друзей-целителей.

Наши духовные наставники — предки

Духи «предков», по описанию целителей, похожи на ангелов-хранителей. Мне нравились истории, которые рассказывали целители, однако до тех пор, пока я сама не пережила ясные сновидения, я считала «предков» просто красочной особенностью африканской культуры. Мои покойные дедушка со стороны матери, обе бабушки и отец стали давать мне прямые указания. Как и говорили целители, это было вовсе не страшно.

Насколько мне известно по опыту, предки могут устанавливать контакт с помощью целителя или через личные сновидения, однако не всегда бывает понятно, почему они просят нас делать те или иные вещи. Например, одной целительнице из Нельспруита, в ЮАР, в сновидении было сказано, что она должна посетить могилу своей бабушки, где ее будет ждать белая коза. Могила была довольно далеко от ее жилища, но все же на следующий день целительница отправилась туда. Придя к могиле, она увидела белую козу. Она позвала козу именем своей бабушки, и та подошла к ней, как ручная. Обратите внимание, что в Южной Африке козы — это дикие, а не домашние животные. Однако сангома все же решила привести козу домой. Она стала ее домашней любимицей и откликалась только на имя ее бабушки. К удивлению целительницы, община отнеслась к животному с любовью и уважением. И по сей день коза находится под защитой и явно довольна своим новым домом.

Целительница не знала и, возможно, никогда не узнает, почему коза должна была жить у нее. Причина может так и не открыться ей в этой жизни, но это не важно. Все целители рассказывают истории о предках, просивших их сделать что-то необычное. Вначале они противятся или медлят с выполнением указаний, но это приводит лишь к тому, что в их жизни появляются различные неудобства. В конце концов они исполняют желания предков и снова живут благополучно и счастливо. Нередко требуемое действие приносит целителю прямую выгоду. Пережив достаточное число подобных эпизодов, целители, судя по всему,

достигают такого состояния веры, в котором одинаково послушно выполняют все — от смутного интуитивного намека до ясного и чрезвычайно точного указания предков. Они больше уже не спрашивают «почему?».

Целительница из Свазиленда Кхумбулиле Мдлули объясняет:

— Когда мне приходит что-то на ум и эта мысль постоянно возвращается, я знаю, что это указание моих предков. Предки посоветовали, где мне построить клинику и как она должна выглядеть. Еще со времени учебы я всегда правильно и точно следовала указаниям предков. В современных условиях, когда образ жизни людей так быстро меняется, многие начинают смотреть на эту связь со своими предками как на что-то примитивное. Они не обращают внимания на попытки предков вступить с ними в контакт. Допустим, человек выбрал не ту работу, и предки не хотят, чтобы он ею занимался. Но он не обращает внимания на возникающие у него мысли, наподобие: «Я должен уволиться и пойти работать к миссис Смит». Быть может, эта мысль для него спасительна, и он должен показать предкам, что готов их слушаться. Вначале ему следует осторожно сделать первый шаг, например, выяснить, что за работа у миссис Смит. Потом он мог бы, допустим, написать ей или попросить о встрече. Сегодня во всем мире растет преступность, и происходит это потому, что мы отрываемся от собственной культуры, лишаемся помощи предков. Мы утрачиваем способность устанавливать с ними духовную связь.

Зулусский целитель доктор Мнтсхали развивает эту тему:

— Я бы советовал отказаться от мысли, что люди умирают. И еще: люди, которых убили, готовы оказать помощь, потому что они нас прощают, проявляя сочувствие и симпатию. Они делают это доброе и важное дело, так как при жизни не успели выполнить предназначенную им работу. Их благожелательность может выглядеть вовсе не так, как мы того ожидаем. Например, кто-то из детей может оказаться одержимым, или избранным. Предок хочет, чтобы этого ребенка забрали из школы и не давали ему официального образования. Вы спросите: «Что же в этом может быть хорошего? Разве это доброе отношение к ребенку?» Но я скажу: «А что такое школа? Разве это образование?» Это европейское образование — лишь небольшая часть общей картины.

Вы не способны точно оценить собственную жизнь. Предки приходят, чтобы передать вам в наследство умение правильно жить. Они служат вам. Может, вы считаете, что вам виднее, но вы не в состоянии знать все — лишь предки способны видеть полную картину. Предки выбирают людей в раннем возрасте и либо овладевают ими, либо быстрее приводят их к следующей жизни. Предки видят, как может пойти жизнь человека. Они вмешиваются и не дают человеку пойти по вредному или неправильному пути. Необычная и внезапная смерть молодых людей, автомобильные аварии и тому подобное — это вмешательство предков, которые забирают ребенка в тот момент, когда это необходимо, чтобы защитить его духовный рост.

Предкам известно, когда они сами или их действия вам не нравятся. Они действуют по собственному усмотрению и когда сами этого захотят. Возможно, они уже три или четыре раза делали попытки связаться с вашей семьей — через ваших отца, мать, а потом и брата — но потерпели неудачу. Они видят вас и говорят — «Ладно, время пришло». Они решают забрать вас. Они решили — пора, и им нет дела до образования, брака, планов путешествий. Время пришло, и вы должны исполнять миссию своей семьи. То, что предки могут прийти за молодыми, поначалу кажется ужасным. Но когда эти молодые люди становятся старше, они всегда и все без исключения понимают, что стать целителем — это дар для них. Нередко они проявляют исключительные способности и умеют сострадать. Они занимаются целительством до глубокой старости, и они счастливы. Тот, кто стал одержимым в молодости, очень важен для всех нас.

Эта идея духовного наследования в равной мере справедлива и для целительства, и для любого другого вида деятельности. Предположим, миссия вашей семьи — создать великую и прекрасную музыку. Быть может, эту миссию вначале получает ваша бабушка. Она начинает

следовать своему призванию, но у нее много детей и ей приходится постоянно трудиться на ферме. Муж и семья не одобряют ее увлечение. Она отказывается от своего таланта, но все время чувствует, что ей чего-то не хватает. Где-то в ее душе сохраняется боль, пока она не переходит в следующую жизнь. Затем предки решают попробовать это с вашим отцом. Его всегда привлекала музыка. Благодаря своему таланту он добивается большего, но, не имея постоянного и надежного дохода, теряет веру в себя. Ему нужно кормить семью, платить за лечение, за обучение детей. Он изменяет своему призванию, и хотя иногда музицирует дома для своих близких, все же продолжает не находить себе места.

Теперь предки могут разочароваться. Пока ни у кого из семьи не хватило сил до конца использовать этот великолепный дар. Они пропускают одно поколение. Вы начинаете замечать, что ваша маленькая дочь любит бывать рядом со своим дедушкой, когда он берет в руки музыкальный инструмент. Ее тянет к нему. Когда дедушка умирает, предки восстанавливают контакт с ребенком. У нее появляется талант — она получает дар. Вы вспоминаете, что ваш отец мечтал развить свои музыкальные способности, и поощряете интерес дочери к музыке. Идет время, девочка растет и становится женщиной. Ее музыкальный талант вносит свой вклад в целительство. Жизнь вашей дочери не всегда легка и спокойна, но она осуществила свое призвание. Ее талант развивается и сохраняется до глубокой старости. Теперь предки удовлетворены. Им удалось передать миссию красоты и целительства.

Мы всегда знаем, когда не следуем нашему призванию. Это просто понять. Мы несчастливы. Нас мучает беспокойство. Нас раздражают люди, с которыми мы работаем. Нам не нравится наша работа. Мы должны двигаться дальше. Эти люди и эта работа тут ни при чем. Это мы не на своем месте. Очень важно суметь взять на себя ответственность за свое собственное исцеление, за свою жизнь. Мы благодарим Бога и предков за то, что они дали нам эту работу. Она помогла нам усвоить кое-какие уроки, которые, безусловно, нам пригодятся в поисках нашего подлинного призвания. Мы почитаем предков, мы молимся, чтобы их руководство стало для нас более ясным. В нужное время мы все поймем.

Что касается материальной обеспеченности, тут все зависит от того, как вы исполняете приказания. Если вы точно следуете указаниям предков, вам всегда будет сопутствовать удача. Предки об этом позаботятся. Они укажут вам путь. Поначалу вы можете беспокоиться. Как вам оплачивать счета, вносить плату за обучение детей в школе? Потом вас так захватывает ваше призвание, ваше истинное дело, что вы начинаете любить его все больше и больше. Вскоре вы уже только занимаетесь своим истинным делом и не слишком беспокоитесь о счетах. Деньги или имущество приходят к вам, когда вы в них нуждаетесь. Ваше призвание — в руках Божьих. Если Бог призывает нас, то он не позволит нам впасть в нищету.

Итак, я убежден: люди на самом деле не умирают — они переходят, а затем вступают с нами в контакт. Они помогают нам. Мы убеждаемся, что живем на этой земле по воле Божьей. И пока мы здесь, предки используют нас, чтобы продолжать свое дело. В старину люди почитали своих предков и потому легко вступали с ними в контакт. Их тесная связь исцеляла физические недуги и позволяла наладить личные отношения. Я говорю об обычном человеке, не обязательно о целителях. Все люди знали, как почитать предков и как связываться с ними. Они имели руководство и надежную защиту. В наше время люди утратили уважение к традициям и забыли обычаи.

Ваш личный ангел, который присматривает за вами, чувствует великий стыд, когда вы не выполняете его указания. Вы со своими ограниченными человеческими знаниями пренебрегаете советами предков. В старину люди, отправляясь в далекое путешествие, всегда советовались с предками, ждали знака, что они на верном пути. Обычно предки сразу же вступали в контакт с ними и давали разрешение. Люди сразу узнавали об этом из сновидений или просто чувствовали. Предназначение предков — присматривать за вами. Они всегда с вами и работают для вас, пока вы не добьетесь успеха, пока не удовлетворите и не исполните ваши желания — то, чего хочет для вас Бог.

Когда у нас появляется чувство, что не следует куда-то идти, что-то делать — это прямые указания, к которым мы должны относиться с уважением. Человеческой жизнью всегда руководят, ее поддерживает в равновесии ваш ангел, ваш предок. Теперь люди стали такими учеными, такими своевольными. Они забывают, что с ними рядом всегда их наставник, которого они должны слушаться. Я видел испорченных людей, которые утратили связь. Они говорят, что живут, как Бог велит, но их поступки свидетельствуют об ином. Бог — наш главный хозяин, но он не может работать с каждым, и поэтому он работает с предками — вашими предками, моими предками.

Все мы в какой-то момент становимся предками. Например, вы — мать. Но вы же не собираетесь забывать своих детей, когда покинете этот мир? Нет, вы станете их предком, будете помогать им, давать указания. Теперь вы лучше видите. Вы лучше понимаете мир, в котором еще недавно были — что хорошо, что плохо. Когда ваши дети умирают, к кому, выдумаете, им следует явиться прежде всего? Вы говорите им: «Немедленно приходите к матери». Конечно! Так оно и должно быть. Так заведено. Вы спросите их: «Как вы сюда попали?» — «Ой, мам, это была автомобильная авария». Вы ответите: «По правде говоря, я давно советовала тебе ездить осторожнее». Вы вместе посмеетесь. Они — ваше потомство, они не могут быть приняты, не придя сперва к вам. Вы будете любовно принимать и направлять их в этом новом мире.

Миссис Нтомбемпхлопхе Дубе рассказывает нам о предке, который пришел помочь ей в ее целительстве.

— Этот предок, — начинает миссис Дубе, — родом из Мозамбика. Его убил мой прадед, воин свази. Этот предок из Мозамбика пришел ко мне через два года после того, как я закончила обучение. Первый раз он пришел, когда я присутствовала на выпускной церемонии одного из моих друзей. Когда раздался барабанный бой, приветствуя новых целителей, этот предок просто возник во мне. Это случилось даже не ночью. Он представился. Он объяснил, кто он и как он стал моим предком. Я могла лишь слышать и понимать его слова. После того, как он приходил еще несколько раз, я начала его видеть. Это был очень крупный мужчина. Он носил хвост антилопы, черный с белым. Он целый день помогал мне работать с пациентами. Одна из его способностей — нейтрализация действия плохих лекарств, которыми прежде лечили моих пациентов. Этот предок и сегодня мне очень помогает.

Два моих главных предка внешне ничуть не изменились за все эти годы, поскольку они умерли вполне взрослыми людьми. Недавно со мной вступил в контакт еще один мой предок, тринадцатилетний мальчик. Так неожиданно, когда после стольких лет работы лишь с этими двумя предками, у меня появился новый друг. Я замечаю, что он побуждает меня выбирать одежду, в которой я выгляжу моложе. Когда меня тянет к этой одежде, это значит, что он скоро установит со мной контакт. Этого мальчика убили мои давние пращуры. Они хотели мяса и потому убили мальчика, когда он охранял скот. Когда он рядом со мной, мне часто кажется, будто я нахожусь вблизи стада или даже будто выгоняю скот на пастбище или играю с маленькими детьми. Иногда в видениях мне является образ веселого юного мальчика, и мне нравится его присутствие. Со временем он будет мне помогать, но пока мы просто привыкаем друг к другу.

Предки — это мудрые и добрые духи. Они специально приходят, чтобы исцелять больных, но они руководят нами и в повседневной жизни. Вот, к примеру, дом, где мы сидим — предки сказали мне в сновидении, что я должна построить именно такой дом и именно на этом месте. Предки показали мне в точности, как он должен выглядеть. Во время строительства дома я почитала своих предков, я следовала их указаниям. Позади нас стоит дом без крыши. Мои предки посоветовали мне снять прежнюю крышу из пальмовых листьев. Они сказали, что нужно сделать крышу из черепицы или, возможно, из алюминия. У меня нет денег, чтобы сделать новую крышу. Я не знаю, где мне их взять. Сейчас у меня трудности, но в конечном итоге все это пойдет мне на пользу. Я знаю. Так уже было.

Когда человек умирает, он не обязательно сразу же становится предком. Ему может потребоваться некоторое время, пока он будет готов. Если бы я умерла прямо сейчас, не думаю, что я сразу же овладела бы другим человеком. Я подожду несколько поколений, пока не буду готова обладать и руководить, быть предком. Когда целитель умирает и в семье нет никого, кто мог бы продолжать традицию целительства, семья будет хранить и передавать из поколения в поколение предметы и амулеты, с которыми работал целитель. Возможно, когда-нибудь, может, даже через много поколений, кто-то опять окажется одержимым и будет снова использовать именно эти предметы.

Целители не боятся смерти. У нас есть связь с людьми, которые уже умерли. Смерть для нас — утешение, и мы способны помогать людям, которые приближаются к смерти. Мы можем успокоить их страхи и помочь им совершить более мирный переход. Предки не хотят, чтобы близкие покойного сильно скорбели, потому что умерший человек это чувствует. Это ложится на него бременем и мешает ему совершить переход быстро и благополучно. Лучше всего радоваться новой жизни, которой наслаждается покойный. Все мы в свое время будем призваны, все должны будем умереть. В этот день можно находиться где угодно, но никакая защита не поможет. Когда наступает наш час, мы должны уйти. Ничто не может этому помешать. Это так, как и должно быть.

— Наши предки такие умные и любящие. Они действительно способны заставить нас смеяться над нашим собственным упрямством, — говорит Нхлавана Масеко, президент Организации традиционных целителей Африки (ОТЦ). Например, доктор Мнтсхали в молодости был очень упрям. Это сейчас он такой широко известный целитель, но я знал его еще до того, как он стал одержимым. В сновидениях доктор Мнтсхали узнавал разные вещи о лекарственных травах и начинал испытывать уважение к возможностям лечения травами. Но он не хотел становиться целителем. Однажды он пришел ко мне как пациент, когда неважно себя чувствовал. В ту давнюю пору он все еще работал на правительство Свазиленда и у него был автомобиль. Я осмотрел его и сказал, что он станет одержимым целителем. Но он заявил: «Нет, я не собираюсь быть целителем!» Он так упорствовал в этом, пока однажды во время поездки с ним не заговорил его автомобиль. Предки знали, как доктор Мнтсхали любил свою машину. Они могли добиться его внимания только посредством этой машины, которой он так восхищался. В конце концов он согласился, но это далось ему нелегко. Он сопротивлялся, как мог. Но теперь вы видите, как доктор Мнтсхали любит свою работу целителя. Он помогает множеству людей. Трудно представить себе, что сорок с лишним лет назад предкам пришлось с ним изрядно помучиться.

Первым предком, который явился миссис Сибандзе из Матсафы, была ее бабушка по отцовской линии. Ее звали Кунене. Миссис Сибандзе рассказывает:

— Кунене не закончила свое обучение целительству и поэтому так и не добилась настоящего успеха в жизни. Предки передали этот целительский дар мне. Я родилась в 1942 году, но Кунене не приходила ко мне до 1966 года. Она ясно показала мне в сновидении целителя, которому предстояло меня учить. Для обучения я поехала в провинцию Квазулу-Натал в ЮАР. Сегодня Кунене по-прежнему помогает мне влечению и рассказывает, когда и откуда придут мои пациенты. Она довольна, что я продолжаю ее работу.

Предки похожи на добрых друзей. Вы просто их очень любите. Они помогают мне не только в целительстве, но и в семейных делах и в других вопросах. Они могут прийти в любое время, днем или ночью. В прошлом у каждого человека была связь с предками. Когда в Африку прибыли миссионеры, все изменилось. Быть может, они прибыли с правильными намерениями и добрыми сердцами, но они не понимали, что у нас уже существовал свой прочный духовный мир. В начальных школах при христианских миссиях нас учили, что предки вместе со змеями и тому подобным — это зло. И люди начинали отступать от своих предков. Я уверена, что некоторые люди хоть и не принадлежали к христианской церкви, были добродетельны сами по себе. Думаю, что этими людьми правильно руководили

Бог и их предки. Поэтому они не нуждались в руководстве церкви. Хотя другим людям церковь все же необходима. Она учит любви, уважению и доброте. Ее принципы хороши и чисты. Что ей мешает, так это множество правил, придуманных людьми.

В языке сисвати есть слово, означающее «ангел, дух-помощник», но оно также означает «хорошие предки». У коса есть другое слово, означающее «ангел». Я верю, что предки — это ангелы, которые руководят нами, чтобы мы стали лучше. Они помогают нам исполнять наш долг в этой жизни. Когда человек готов к смерти, предки придут и предупредят об этом семью. Целитель может помочь предкам умирающего явиться в последний момент и передать наставления, что ему следует сделать после смерти. Это прекрасно. Понимаете, целители помогают нам. Они всегда с нами.

— У меня восемь предков, — начинает Номса Вилакати. — Первой появилась моя прабабушка по материнской линии. Она пришла в видении в дневное время. Юной девушкой я присматривала за скотом, но заигралась. Скот забрел на чужой участок и начал пастись в кукурузе. Я испугалась, что меня накажут, нашла место, где смогла спрятаться, и встала на колени под кустом. В этот момент бык-импала подошел ко мне сзади и коснулся меня передними ногами, Я обернулась, думая, что это человек, который пришел меня наказать. Но увидев дикое животное, которое могло меня поранить, я была потрясена. Не раздумывая, я ухватила быка за голову и свернула ему шею. Я была очень возбуждена и побежала домой, чтобы сообщить об этом старшим. Они не поняли меня и не придали моему рассказу большого значения. В ту же ночь мне приснился сон. Это была именно та прабабушка. Она сказала, чтобы я взяла шкуру убитого мной импала и носила ее.

Я рассказала своему отцу, что убила антилопу. Он решил, что я говорю о козе. Он отправился на место и увидел быка. Невозможно было поверить, что маленькая девочка могла убить такого быка. Импала опасны и способны убить даже мужчину. Почти невозможно убить такое животное голыми руками. Мой отец ломал себе голову, как это могло случиться. Он все время думал об этом и никак не мог этого понять. Он пошел к знакомому целителю и спросил, что происходит с его дочерью Номсой. Целитель сказал: «Этого импалу давным-давно убила та самая прабабушка, которая говорила с Номсой посредством видений. Прабабушка послала этого импала Номсе, чтобы та могла носить шкуру. Это специально для нее. Она молодая девушка и, присматривая за скотом, чувствует себя слишком свободно. Порой она даже забывает носить шкуру или одежду. Но теперь, когда она будет пасти скот, она почувствует беспокойство или даже панику. Она обнаружит, что думает именно об этой шкуре импала, и будет ее носить. Сразу, как только она ее наденет, она почувствует себя гораздо спокойней. Это способ, которым предок заставляет ее носить шкуру».

Мой отец не рассказывал мне обо всем этом, но все произошло точно так, как сказал целитель. Эта шкура стала моим другом. Время шло, и я начала взрослеть. Я даже влюбилась в юношу. Когда я пыталась уйти и где-нибудь встретиться с ним, прабабушка меня останавливала. Она говорила: «Как только ты пойдешь с этим мужчиной, мы с тобой расстанемся». Я не могла расстаться с этой прабабушкой, я так ее любила.

Эта прабабушка и другие предки всегда руководили мной. Они помогли мне построить мой дом. Во сне мне показали начальника, у которого я должна была попросить землю. Мне было сказано, что у меня будут деньги. Я боялась обращаться к начальнику, думала, что он не даст мне землю, но все же я пошла к нему, как велели предки.

Я чувствовала себя неуверенно и неловко — кто я такая, чтобы просить о такой милости! Я уже собиралась извиниться и уйти, но начальник сказал, что у него есть для меня участок. Я не могла поверить своему счастью. Это было еще до того, как я стала целителем, но даже тогда предки помогали мне — нашли землю, научили, как за нее расплатиться. Когда я умру, эти предки будут помогать и направлять других членов моей семьи. Целительская традиция будет продолжаться.

Целительница из Свазиленда Кхумбулиле Мдлули однажды сказала мне, что ее предки хотят, чтобы я обратила внимание на «европейскую женщину», с которой мне предстоит встретиться. Я узнаю ее по имени Маргарет и фамилии, начинающейся на «В». Предки хотели, чтобы я рассказала Маргарет о Кхумбулиле. Я узнаю, когда и что именно нужно будет ей сообщить. Эта женщина будет полезна и мне, и Кхумбулиле.

Было неясно, где я встречу с Маргарет, и действительно ли это женщина европейского происхождения или она просто живет в Европе. В конце 1994 года я уехала в Вашингтон и забыла о Маргарет. В течение нескольких последующих месяцев я расшифровывала свои африканские интервью и готовилась к работе в Варшаве. За месяц до моего отъезда из Вашингтона в Польшу мне рано утром приснился сон. Моя бабушка по материнской линии сказала мне: «Проснись и займись интервью. Они должны быть готовы для нее». Я послушалась, закончила работу и упаковала вещи для отъезда в Польшу. Затем мне позвонил из Ботсваны мой бывший коллега. Он слышал, что я какое-то время работала с традиционными целителями, и спросил, не хочу ли я познакомиться с польским целителем? Дэвид назвал имя Митека Виркуса, польского эмигранта в США. Митек руководил исследовательским фондом, обучал целителей и занимался собственной практикой. В числе его клиентов были многие высокопоставленные чиновники и ученые. Меня удивило, что Митек нашел время для встречи со мной.

День, на который была назначена встреча, начался довольно странно. Я отправилась на машине в офис Митека в Бетезде, под Вашингтоном. Офис располагался в самом центре делового района, и я с трудом нашла место для парковки. Убедившись, что с машиной все в порядке, я перешла через улицу в офис и забыла обо всем на свете, наслаждаясь встречей с Митеком Виркусом выдающимся целителем. Он рассказал, что его жена вскоре тоже будет в Варшаве и сможет познакомить меня с их друзьями-целителями. Кстати, она сейчас здесь, и я могу с ней увидеться. Маргарет Виркус оказалась очаровательной женщиной, и мы долго болтали. Наконец я вернулась к машине и обнаружила, что оставила дверцу незапертой, а ключ торчал в замке зажигания. Меня поразило, что при этом машина никуда не делась; самое удивительное, что я совершенно не помнила, чтобы я оставляла такое откровенное приглашение угонщикам.

На следующий день рано утром мне приснился еще один сон. Я увидела Кхумбулиле Мдлули в ее клинике в Свазиленде. Она пыталась мне что-то сказать. Ее губы шевелились, но я не могла разобрать слов. Я была так рада видеть ее, что даже не обращала внимания на то, что она хотела мне сообщить. Рассердившись, Кхумбулиле схватила лежавший на полу листок бумаги и стала писать: «М-А-Р-Г...», и тут до меня дошло. Я закричала: «Маргарет Виркус?» Кхумбулиле утвердительно кивнула и улыбнулась. На этом сон закончился. Я выскочила из постели и принялась лихорадочно искать какой-нибудь текст, где рассказывалось бы о Кхумбулиле. Все мои вещи были уже упакованы, и только в черновой рукописи моих африканских интервью упоминалось о ее работе. Я немедленно отправила конверт с копией рукописи с курьером на другой конец города Маргарет.

В этот день Маргарет уезжала с лекциями в Италию, но прочла мою рукопись в самолете. По возвращении она позвонила мне. Так началось наше длительное сотрудничество, которое очень помогло мне в моих встречах и работе с польскими народными целителями. Мы поддерживаем деловой контакт и по сей день. Маргарет и Кхумбулиле переписывались и в конце концов встретились в США в июне 1997 года, когда Фонд Виркуса организовал выступление Кхумбулиле на международной конференции народных целителей и профессиональных медиков.

Передача дара

Период обучения традиционных целителей может продолжаться от года до десяти лет. В течение этого времени ученики порой не имеют возможности видеться со своими супругами или детьми, должны воздерживаться от сексуальных контактов и нередко живут в

весьма суровых условиях. Все это составляет часть процесса очищения, призванного подготовить целителей к работе, которой им предстоит посвятить всю свою жизнь. Опыт обучения оставляет глубокий след в их памяти. Целители делились со мной воспоминаниями о тех испытаниях, которым они подвергались в поисках учителей и в ходе обучения.

Миссис Нтобемпхлопхе Дубе рассказывала мне:

— Я три года училась в Бхунья у миссис Вилакати. Моему мужу пришлось остаться одному с нашим двухлетним ребенком. Другие наши дети в это время жили у родственников. Существует правило, что во время обучения мы не можем видеться со своей семьей. Меня предупредили об этом в первый же день. Я скучала по мужу и детям. Труднее всего для меня было переносить эту душевную боль. Но еще до конца обучения я начала привыкать к целителям и к их образу жизни. Мне было очень интересно узнавать о лекарственных растениях и травах. Мой предок постоянно помогал мне, являясь в сновидениях и показывая различные растения, и я стала получать еще большее удовольствие от их изучения. Постепенно я начала ощущать других целителей и учителей своей семьей. Трудно было лишь в тех случаях, когда посещавшие нас целители приезжали со своими детьми.

Не всегда во время обучения вас учит ремеслу именно учитель — скорее, предки посещают вас по ночам и дают вам ваше ремесло. Они учат вас всему, что вам нужно знать о той или иной болезни. Вы Даже можете приобрести специальность, в которой ваш учитель не слишком разбирается. За время обучения мне больше всего запомнился опыт бросания костей. Оно давалось мне легко, и я любила это делать. Теперь я уже не получаю от этого такого удовольствия. У меня высокое кровяное давление. При бросании костей ваши ум и дух очень активны, вам приходится много говорить, и это утомляет. С моей гипертонией это тяжело.

Я закончила обучение, прошла выпускную церемонию и вернулась домой. В то время ко мне обратился лишь один пациент. Поэтому я бросала кости и очень подробно рассказывала ему, что у него не так. Это произвело на него сильное впечатление и мой первый пациент рассказал другим людям о новой целительнице миссис Дубе. Именно так это и начинается. Наша практика растет медленно, давая нам время обрести большую уверенность в себе, научиться более спокойно относиться к нашим способностям и нашей связи с предками. Молва о наших умениях и опыте растет, и через какое-то время у нас уже появляется много пациентов. Мы с радостью целиком отдаемся работе, к которой призвали нас предки.

В самом начале своей практики я встретила человека, который страдал от неизлечимой раны. У меня не было ни знаний, ни опыта работы с подобными ранами. Этот человек уже обращался к очень многим целителям и врачам. Я не хотела, чтобы он приходил ко мне: ведь если я не справлюсь, все станут сомневаться в моих способностях. Я нервничала. Рана находилась в верхней части стопы. На ее поверхности образовывался рубец, и врачам приходилось его иссекать, поскольку он быстро разрастался.

Поскольку я до сих пор не сталкивалась с подобными болезнями, то спросила, почему он обратился именно ко мне. Пациент ответил: «Мне сказали, что вы можете помочь». Я решила, что этот пациент должен уйти, так как считала, что не смогу ему помочь. Я уже собиралась отослать его, как явились предки и сказали, чтобы я этого не делала. Вместо того чтобы прогонять, я должна дать ему пристанище. В эту ночь предки явились и рассказали, как лечить эту болезнь. Предки показали мне нужные травы и много других способов лечения этого человека. На следующее утро я сразу же отправилась в буш и нашла травы, о которых рассказали мне предки. Я ушла, даже не повидавшись с пациентом. Затем я приготовила травы, как научили меня предки, промыла рану и приложила травы, как мне было показано. Я дала ему травы с собой и объяснила, что дома он должен каждые три дня менять повязку, промывать рану и снова прикладывать лекарство.

Пациент вернулся домой. Через три недели он снова пришел ко мне. Разросшийся рубец на поверхности раны исчез сам собой, и рана наконец начала заживать. Теперь я заметила, что на его ступне образовалось небольшое, но глубокое отверстие. Я снова

приложила те же травы и дала ему еще немного с собой, чтобы он прикладывал их дома, и это отверстие затянулось. Это произвело на меня большое впечатление, поскольку я никогда не думала, что смогу лечить подобную рану. Врачи говорили пациенту, что если рана не заживет, то придется ампутировать ногу. Пациент испытал такое облегчение, что дал мне не обычную плату, а целое стадо скота.

Это не стало моей специальностью. Порой так бывает. Предки хотят, чтобы вы вылечили какую-то особую болезнь у какого-то одного человека. Предки сами решают, что нам делать с этим новым знанием. Мы не можем знать, какая у них цель.

Один из моих предков — это мой дед; еще один — мужчина из Мозамбика с двумя сыновьями. И поэтому я должна иметь два дома для этих разных семей. В моей клинике у меня для них два дома. Если я одержима моим дедом, я использую один вид облачения. Для мужчины из Мозамбика у меня есть другая одежда. У каждого предка свое имя. Когда они приходят и овладевают мной, они здороваются, и я их узнаю. Тогда я знаю, что мне следует надеть. Иногда я замечаю, что меня привлекает какая-то определенная одежда. Надев ее, я чувствую себя счастливой. Я понимаю, кто из предков ко мне придет. Когда вы одержимы предком, ваше сознание как бы отключается. Вы не чувствуете, что это происходит. Если предок очень могущественный, вы будете ощущать себя очень могущественной, и это будет сильное переживание. Если предок не такой сильный, переживание будет слабее, но это приятное, а не пугающее переживание.

Нхлавана Масеко рассказывал мне:

— В период обучения ваш дух становится сильным. Временами, особенно когда на протяжении многих недель вам являются чужие духи, это бывает трудно вынести. При этом я к тому же около двадцати дней ничего не ел, а только пил травяные отвары. Мои ноги и руки болели и ныли, но дух мой чувствовал себя очень хорошо. Даже теперь я могу по нескольку дней обходиться только травяными отварами, и силы не оставляют меня. Я ощущаю, что мое тело очистилось. Я чувствую себя здоровым.

Чужие духи не принадлежат к вашей семье. Вот и все. Чужие духи — это не ваши предки. Например, мои праотцы были воинами, и они убивали людей. Когда этих людей убивали, они становились чужими духами моей семьи. У чужого духа с вашими предками есть какая-то связь. Между ними стоит что-то — несправедливость, убийство. Это необходимо отработать, исцелить. Если ваш дух чувствует себя хорошо, а тело болит — значит, ваши предки и чужие духи выясняют между собой отношения. Они должны объединиться, а это непросто.

В период обучения вам нужно вначале полностью уладить отношения со своими предками, и лишь после можно работать с чужими духами. Предки действуют через вас, и все происходит естественным образом. Если чужой дух захочет занять более важное место, то, возможно, ему придется сражаться за первенство с предком вашей семьи. Если вы испытываете неприятные или болезненные ощущения — это значит, что они улаживают свой спор. И если вы следуете указаниям собственных предков, они всегда одерживают верх. Выполняйте их наставления в точности, как они этого требуют. И тогда, если явятся чужие духи, вы поговорите с ними и со своими предками, и все может прекрасно разрешиться.

Чужой дух — это тот, кому вы очень нравитесь, кто хочет вступить с вами в контакт. Я говорю только о добрых духах. Злые духи это совсем иное. Добрые духи дают вам советы, защищают вас, руководят вами. Они всегда готовы помочь. Есть некоторые лекарства и виды одежды, которые вы можете использовать, чтобы наладить отношения между вашими предками и чужими духами. Ваши предки объединяют свои усилия с чужими духами, и тогда все становится гораздо легче. За что бы вы ни взялись — у вас все получается. Дома, где находится ваша традиционная клиника, вы можете построить для своих предков и чужих духов разные хижины. Это им понравится и будет вам полезно.

После завершения обучения я услышал голоса, которые сказали, что умер мой дед — великий целитель. Я должен был вернуться и принять на себя его дела. По дороге домой я

пришел навестить свою школу в христианской миссии. Вы знаете, что я сбежал из дому и меня приютила семья миссионеров. Увидев мое традиционное облачение и волосы, окрашенные охрой, они спросили: «Что случилось, зачем все это?» Мой друг и покровитель, миссионер, не знал, что делать, следует ли им сидеть вместе со мной. И все же они привели своих детей, чтобы мы увиделись. Их сердца были полны любви ко мне, но мой вид и облачение сбивали их с толку. Они видели, что я здоров, но были обеспокоены. Не повредит ли им то, что я традиционный целитель? В проповедях, которые они читали в церкви, говорилось, что традиционные целители опасны. Так учила их вера. И все же они были рады видеть меня.

Затем мой покровитель-миссионер и его семья посадили меня на поезд в Кейптаун, в ЮАР. Там я в 1963 году обучался в Зигаинском колледже лекарственных растений. Мое обучение финансировал этот же миссионер. Кроме того, он оплатил мое пребывание в Африканском колледже лекарственных растений и в Экхананском исследовательском институте лекарственных растений. В институте доктора старались побольше узнать о свойствах лекарственных трав. Я увидел, какой интерес к этому проявляет профессиональная медицина. Я понимал всю важность сотрудничества между традиционным целительством и официальной медициной. Из-за моих знаний врачи были рады работать со мной. Я объяснял им, какие бывают лекарственные травы, как их смешивать, каковы их лечебные свойства. О лечебных травах врачи знали лишь понаслышке, и я мог их кое-чему научить. Я также посещал учебные курсы по гомеопатии в Йоханнесбурге. Именно там я познакомился с некоторыми методами лечения, которые используют немецкие врачи. Позднее, в 1980 году, король Свазиленда послал меня в Германию для дальнейшего обучения.

Наверное, мои предки были заинтересованы в том, чтобы я посвятил себя установлению более тесной связи между традиционной и современной западной медициной. Даже в юности я не случайно убежал из дома моего дяди, самого могущественного традиционного Целителя в регионе, и меня приняла в свой дом и в свои сердца семья христианских миссионеров — семья, которая должна была бы противостоять всему, что я представлял. Несмотря на это, они поддержали меня в самом начале моего главного дела — соединения профессиональной медицины и традиционного целительства. Этому я должен был посвятить всю оставшуюся жизнь. Нужно еще многое сделать, чтобы способствовать этому сотрудничеству. По существу, мое обучение — это история объединения этих двух сторон целительства.

— Раньше я занималась обучением целителей, но больше этого не делаю, — говорит миссис Сибандзе из Матсафы. — Я занимаюсь сейчас только целительством. У меня теперь очень большая практика, и у меня не хватает времени не только на учеников, но и на пациентов. В таких случаях решение принимают предки. И обучать целителей, и лечить пациентов одинаково важно. Мои предки хотят, чтобы пациенты у меня были на первом месте.

Некоторые целители надеются, что им не придется заниматься подготовкой учеников, потому что это очень трудно. Нужно быть очень, очень строгим, но при этом очень добрым и любящим. Учеников нельзя пугать. Они одержимы, и это для них непривычно. Они нервничают. Некоторые бывают растерянны и напуганы или даже серьезно больны перед тем, как прийти учиться. Они должны знать, что учитель заботится о них и не причинит им вреда. Они способны выполнять строгие указания, зная, что находятся в безопасности и что их любят.

Существуют правила обучения, которые необходимо соблюдать. Учителем руководят предки, показывая, как и когда ставить перед учениками новую важную задачу. Каждого учащегося поощряют в соответствии с его способностями; некоторые могут усвоить больше или научиться различным видам целительских практик. От каждого конкретного ученика зависит, чему он готов учиться. Целители, завершившие подготовку, всегда могут вернуться, чтобы повидать своего наставника. Обычно они так и поступают. Всегда приятно узнать, как

идут дела у твоих бывших учеников. Они очень высоко ценят подготовку, которую получили. Поработав практически традиционными целителями, они способны увидеть, какую огромную пользу принесло им обучение. Теперь они понимают, почему так необходимы были строгость и дисциплина. Они приходят с новыми вопросами и рассказывают о том, чего достигли в своей практике. Наши встречи всегда приятны и полезны и для них, и для меня.

Джумайина Вилакати рассказывала:

— У нас дома, в семье, верили в предков. Мой отец проходил обучение целительству. В течение восьми лет он был совершенно больным. Он питался одним речным илом, подобно змеям. Отец был болен из-за предков, которые собирались сделать его великим целителем. Однажды он куда-то исчез и вернулся с водяным питоном — символом целителя. Бывало, он кусал этого питона прямо под челюстью, высасывал его кровь, сплевывал в сосуд и смешивал с травами. Если вы это делаете, вам не нужно проходить обучение. Это совершенно особый способ становиться целителем, он означает, что вам дано особое откровение. Это выше того, на что способны все одержимые целители, в том числе и я сама. Мой отец был исключительным целителем. Это случается лишь с очень немногими людьми. Предки приказывают человеку погрузиться под воду и поймать этого питона. Человек ищет кого-то, кто бы мог сделать его сильным целителем, но понимает, что не нуждается в обычном обучении. Силу он берет у змеи, и она дает ему знание.

Я уже забыла, когда я начала становиться целителем. Помню, что в то время, когда делали пограничный переход Сэндлейн в ЮАР близ Бхунья. Чтобы перейти там границу, мне не нужен был паспорт для въезда в ЮАР. Я отправилась в Коматипорт, чтобы пройти обучение. Теперь мне больше шестидесяти двух лет. Это было больше двадцати лет назад. Я поехала учиться уже взрослой женщиной, имея десять детей.

Через год после окончания учебы я стала учить других. Будет ли целитель учить других и когда он начнет учить — зависит от таланта целителя и от предков. Иногда ко мне приходили люди, у которых уже были другие учителя. В таких случаях их предки в сновидениях или в мыслях советовали обратиться к миссис Вилакати — она знает, как завершить обучение. Иногда, проверяя ученика, я вижу, что он не вполне готов. Я отсылаю этого человека обратно, чтобы он доучился, и только после этого, намного позже, он снова приходит ко мне. Я подготовила около сотни целителей. Кроме того, ко мне приезжали учиться многие целители из ЮАР.

— Я принимаю для обучения людей всех возрастов — и совсем юных, и зрелых женщин, и старушек. Самой молодой моей ученице было 12 лет. Я предпочитаю более молодых учеников. У них нет детей, мужа или других обязанностей. Они могут полностью сосредоточиться на учении. Они сообразительны и схватывают все на лету. Ученики живут прямо здесь, в моей усадьбе в Бхунья. Они должны знать лекарственные травы, где их искать и как их нужно собирать. Не растут ли они в том месте, которое обрабатывали инсектицидами? Если так, то эти травы ядовиты, и их целебные свойства нарушены. Лекарственные травы должны быть чистыми. Затем ученики должны узнать, как готовить и правильно хранить травы, чтобы они не теряли своих лечебных свойств.

Когда обучение закончено и ученики готовы отправиться домой, я даю им с собой список трав и лекарств. У них все должно быть записано на тот случай, если они что-то забудут. Кроме того, это помогает им сохранять уверенность в себе. И еще я готовлю для каждого из учеников комплект костей, который они возьмут с собой домой. Кости не все одинаковые, но среди них могут быть кое-какие общие вещи, например костяшки домино. Когда бросают кости и одна костяшка домино выпадает лицом вверх, это означает, что все будет в полном порядке. Если другая костяшка выпадает перевернутой, это означает, что придет член семьи. Еще одна костяшка означает полицию и автомобили. Открытая рука или символ руки могут означать, что сегодня к вам придут деньги. Для разных целителей подходят разные предметы и символы. Существует символ для отца: если он выпадает

перевернутым — значит отец сердится; если он лежит лицом вверх — значит отец спокоен и счастлив.

После завершения обучения целители будут пользоваться этими костями до конца жизни. Во время обучения они также узнают, когда нужно отказывать пациентам. Бросая кости, они должны узнавать, когда и какое лечение лучше всего применить для того или иного человека. Кости укажут, следует ли лечить пациента традиционными или современными методами, нужно ли его направить в больницу или к другому целителю. Ученики должны уметь определять это, бросая кости.

Самое трудное время в период обучения — это ночь, когда все ученики становятся одержимыми. Ночью они друг за другом приходят ко мне. Я вынуждена совсем не спать. Для меня это очень трудно, но это входит в мои обязанности. Даже моим детям приходится просыпаться и бить в барабаны для одержимых. А ведь на следующий день им нужно идти в школу! Они очень утомляются. Им приходится тяжело. Теперь вы понимаете, что учительство затрагивает всю семью целителя. Эта жертва обязательна для всех нас. Но как только подумаешь, что больше нет сил, предки дают передышку или, когда целитель становится старым, как я, позволяют совсем перестать заниматься обучением. Все заканчивается наилучшим образом.

В учительстве есть и свои приятные стороны. Не всегда в нем все так трудно. Радостно видеть, как ваши ученики постепенно становятся настоящими целителями. Они так стараются. Они скучают по своим семьям и недосыпают. Быть избранными предками — для них нелегкий путь. Мне очень нравится бросать кости. Мне доставляет большое удовольствие передавать это умение ученикам. Когда они бросают кости, то становятся ближе к предкам, и они счастливы. Чтобы руководить учениками в бросании костей, требуется много сил. Теперь я уже не занимаюсь этим так много, так как я стара и быстро утомляюсь.

Те, кого я выучила за все эти годы, продолжали учить других. Когда я последний раз была в ЮАР, мои ученики собрали всех, кого они выучили. Я увидела, сколько поколений учителей пошло от моих собственных учеников. Они передали мне пожертвования для моих учеников. Когда они завершают обучение и начинают собственную практику, они не забывают, что после них будут учиться другие. Они присылают пожертвования, чтобы помочь мне поддержать этих учеников, как я поддерживала их. Всегда будут одержимые целители, потому что их выбирают предки. Эта работа предков будет продолжаться всегда.

Бросание костей — источник откровений

Прошло шесть месяцев моего общения с целителями, прежде чем я спросила у них о практике бросания костей. Некоторые целители предлагали бросить кости для меня. Но в то время это меня не интересовало, и я отказывалась. Когда я в конце концов все же спросила об этом, мне сказали: «Мы наблюдали за вами и ждали, когда вы сами об этом спросите». Кости — это очень мощный диагностический инструмент, и когда европейцы сталкиваются с целителями, они, как правило, интересуются этим в первую очередь. По словам целителей, то, что я не спешила расспрашивать их об этом, было для них добрым знаком. Прежде чем обратиться к методу бросания костей, я должна была понять, кто такие целители, как ими становятся и множество других моментов.

Что же такое «кости»? Это могут быть кости животных — зачастую, кости жертвенной козы, которую съедают на выпускной церемонии посвящения в целители, знаменующей завершение обучения. Кроме того, в качестве «костей» используют костяшки домино, монеты, ноги петуха или мартышки (или их символы), морские раковины, небольшие гладкие камешки или любые другие вещи, на которые указывают целителю его предки.

Кхумбулиле объясняет:

— Вы бросаете кости, и предки сообщают вам в точности, что вы должны говорить.

Если вы одержимы, обучение не важно. Целители, которые не одержимы, могут прибегать к различным приемам, пытаясь бросать кости. Чтобы прояснить мысли, они обращаются к целителям-травникам за *мути*. Это лекарство помогает им слышать своих предков, и они в течение некоторого времени способны бросать и читать кости. Одержимые целители сохраняют эту способность в течение всей жизни. Им не нужно принимать *мути*, чтобы помочь своим мыслям. Эта способность — дар наших предков.

Я бросала кости и ставила диагноз уже через две недели после начала обучения. Я могла видеть и слышать, что именно предки хотели, чтобы я говорила. Мне было все очень ясно, и все давалось легко. Умение бросать кости никогда не усиливается и не ослабевает. Это просто какая-то связь между вами и вашими предками.

Кости, которыми я пользуюсь сейчас, через десять лет после обучения, — те самые, с которыми я начинала. Я добавила к ним несколько предметов — новую кость, камешек. Мои предки сказали мне, чтобы я их добавила. Но даже с теми, что я добавила, у меня немного костей. Некоторые целители используют много костей. Вы можете видеть, что у них полные руки костей, когда они их бросают. Кости — это инструмент. Чтобы правильно все объяснить, у вас должен быть правильный инструмент. Чтобы слышать и понимать, что говорят предки, каждый целитель должен иметь достаточное количество костей нужного вида. Мои предки часто сообщают мне, что говорят кости, еще до того, как они упадут на циновку. Мне даже не нужно определять, как они выпали — предки сразу мне говорят все. Одержимому целителю не всегда нужно бросать кости самому. Предположим, я состарилась, и мои глаза ослабли. Я могу попросить своего ребенка или вас, пациента, бросить кости, и тогда предки скажут мне, что они говорят. Возможно, когда я состарюсь, предки будут говорить со мной напрямую, даже если я не бросаю кости. Это может случиться, особенно если я совсем ослепну.

У каждой кости свой определенный смысл, и его нужно знать. Например, у меня есть кость, которая представляет материнскую сторону семьи. Она всегда будет говорить мне о материнской стороне семьи пациента. Другая кость может всегда относиться к детям и говорить, сколько у человека должно быть детей. Или монета — она будет всегда говорить, будут ли у человека деньги. Маленький зеленый камешек, который у меня есть, всегда говорит о болезни. Наши предки, которые нам сегодня помогают, когда-то, много поколений назад, тоже бросали кости. Но они тогда использовали только настоящие кости. Отсюда пошло и название — «кости». Сегодня мы называем «костями» все наши предметы — монеты, костяшки домино, раковины.

Если, отправившись в поездку, я оставила бы свои кости дома, то, придя к вам, я могу просто подобрать поблизости несколько камешков и бросать их. Предки сообщают мне, что нужно говорить, даже если я бросаю не свои кости. Я всегда пользуюсь одной и той же небольшой циновкой, на которую бросаю кости. Если я забуду ее, то могу использовать обычный носовой платок. Это просто должна быть какая-либо вещь, принадлежащая мне, что-то такое, на что удобно бросать кости. Я могу бросать кости для ваших близких людей, даже если их нет тут рядом. Мне не нужна их фотография — они должны быть в вашем сердце. Ваше желание узнать о них должно быть продиктовано добротой и подлинной заботой об их благополучии, ваши намерения должны быть чисты. Я буду бросать кости и расскажу вам о них все, как если бы они находились рядом.

Если при бросании костей вы сидите с другими людьми, кости могут начать говорить о ком-то из них. Это происходит, если у вас есть связь с этим человеком, и предки, возможно, хотят что-то сказать ему. Хотя кости бросают для вас, предки могут воспользоваться возможностью говорить с человеком, который пришел с вами. Возможно, им нужно что-то ему сказать. Предки будут говорить о том, что для вас в данный момент важнее всего.

Не все целители используют кости, чтобы говорить с предками. Порой предки хотят говорить через меня своими собственными голосами. Предки решают, будут ли они говорить с нами с помощью костей, или овладеют нами и используют наши тела, чтобы напрямую говорить с пациентом. Поскольку у меня есть англоязычные предки, они нередко говорят со

мною по-английски. Когда целители одержимы, они могут говорить на родном языке предка. Однако целитель не может говорить на этом языке в своей повседневной жизни. Обычно, когда одержимый целитель бросает кости, предки говорят с ним на его собственном языке.

Когда предки говорят с нами, это — чудо. Это похоже на сон. Когда пациент сидит рядом, у вас начинают возникать мысленные картины. Предки используют эти картины, чтобы рассказывать о человеке, для которого вы бросаете кости. Предки умные. Когда они говорят с нами, это кажется естественным, и всегда ясно, что они хотят нам сообщить. Мы всегда выигрываем от общения с людьми, к которым мы ощущаем влечение, с которыми мы становимся друзьями, которым хотим помочь. Предки всегда помогают нам принимать правильные решения, совершать правильные поступки. Они привлекают нас к правильным людям.

В ходе своих встреч и бесед с целителями я поняла, что лучше, если при этом будет присутствовать еще один человек, который при необходимости мог бы делать фотографии и слайды. Я поговорила об этом с профессиональными фотографами, работавшими в этом регионе, но была разочарована. Эти люди много лет прожили в Южной Африке и были профессионалами. Некоторым из них уже приходилось фотографировать более крупные, более публичные традиционные церемонии. Их заинтересовала предоставленная мне возможность встречаться с этой группой целителей, и они советовали мне ускорить работу. По их словам, было очень необычно, что целители допустили меня в свой мир, и я должна действовать быстро, пока они не передумали. Интуиция подсказала мне — никаких профессиональных фотографов, делай фотографии сама и попробуй найти фотографов-любителей.

Я отказалась от помощи профессионалов и вернулась к своей работе. Месяц спустя мне случилось упомянуть об этом эпизоде в разговоре с целительницей, которую я посещала в отдаленном районе. Она улыбнулась и сказала, что это объясняет, почему предки сейчас не допускают к ним одного фотографа. Предки сообщили ей и другим целителям, что мне не нужно беспокоиться о фотографиях. У меня будут хорошие снимки, и есть двое друзей из Америки, которые помогут мне, если потребуется. Спустя несколько недель после этого визита я столкнулась с одним из профессиональных фотографов. Он тщетно пытался разыскать для своих съемок группу целителей. Он знал, где они живут, и даже бывал у них прежде, но никакие мог туда добраться. Это приводило его в бешенство. Как только он отправлялся к ним, тут же сбивался с пути. Фотограф в недоумении заявил мне, что это «полный бред».

Во время рождественских каникул вся деловая активность в Южной Африке замирает на целых шесть недель. Во время таких каникул в 1992 году один мой друг попросил взять его с собой в поездку к доктору Мнтсхали. Альберт Кон, доброволец Корпуса Мира из Теннесси, преподавал столярное дело в провинциальной средней школе. Альберт был одним из тех особых друзей, к которым быстро начинают относиться как к членам семьи. Поскольку мы встречались нечасто, то оба были рады, предвкушая долгую поездку в усадьбу доктора Мнтсхали. Альберт рассказал мне, что два года назад он потерял отца, которого жестоко убили. Сам того не зная, Альберт выбрал поездку к целителю, который умел обращаться к предкам за помощью в улаживании дел между пациентом и умершими близкими, особенно в случае внезапной смерти.

Доктор Мнтсхали тепло приветствовал нас и без промедления бросил кости для моего друга. Этот случай оказался для меня весьма поучительным. Доктор отвел меня в сторону и предупредил, что будет лучше, если на обратном пути машину поведу я, чтобы Альберт мог «подольше наслаждаться близостью предков». По дороге домой у меня возникло такое чувство, будто Альберт витал в небесах. Видимо, «встреча с предками» каким-то образом ускорила его душевное исцеление и в какой-то степени примирила с потерей. Всю обратную дорогу до Мбабане мы смеялись и делились пережитыми впечатлениями.

Голос предков

Мы с Альбертом также обсуждали, не сможет ли он сделать несколько любительских снимков в ходе моих встреч с целителями. Он заинтересовался, но мы оба решили попросить об этом еще и Джилл Лапато из Корпуса Мира, которая преподавала физику в той же школе, что и Альберт. Часть моего ума силилась понять, почему мне захотелось взять с собой к целителям еще и Джилл. До этого я лишь однажды встречалась с ней и ощущала себя довольно скованно в ее присутствии. Я всегда была уверена, что таким уникальным опытом следует делиться лишь с близкими друзьями или коллегами. Инженер-электрик из Бостона, Джилл откровенно скептически относилась к моей работе. В ее шутках проскальзывало нечто такое, что меня несколько настораживало. Я осознавала, что не стоит убеждать Джилл ехать со мной. И в то же время я ощущала твердую уверенность в том, что должна ее об этом попросить. И что еще более странно — я знала, что именно Джилл, а не Альберту суждено стать моим основным помощником.

К тому моменту Джилл уже возвратилась из отпуска, который провела в США. Она все еще сохраняла свой скепсис, но согласилась работать со мной. Мы обговорили с ней и с Альбертом кое-какие детали и время нашего первого совместного визита. Предкам было угодно устроить так, чтобы Альберт не смог к нам присоединиться. Мы с Джилл отправились в центр подготовки целителей. Был погожий солнечный день, но наставника не оказалось на месте. В его отсутствие учащиеся чувствовали себя свободней и были необычно оживленны. У нас с Джилл была возможность фотографировать все, что нам хотелось. К концу визита мы все уже чувствовали себя непринужденно и договорились приехать снова, когда вернется наставник. У Джилл появилась масса вопросов, и она подробно расспрашивала меня обо всем по дороге домой. Я никому не хотела навязывать веру в целителей и истолковывать их слова и действия. Мне просто хотелось, чтобы кто-то делал нужные для меня снимки. Наша следующая поездка навсегда изменила характер наших отношений с Джилл и ее мнение о целителях.

Мы планировали посетить Кхумбулиле Мдлули в субботу утром. Альберта снова не оказалось с нами. Как всегда, красивая горная дорога действовала на нас успокаивающе. Джилл буквально засыпала меня вопросами. Что я думаю вот об этом? Как я могла бы объяснить то-то? Что в действительности происходит с этими целителями, разве все это не суеверие? Я начинала терять терпение. Неужели я ошиблась в Джилл?

Помимо всего прочего, я не любила субботние визиты. По субботам целители заняты больше всего, поскольку именно в этот день к ним приезжает издалека множество пациентов. И эта суббота для Кхумбулиле не была исключением. Я чувствовала себя неловко из-за того, что отнимаю время у пациентов Кхумбулиле, однако она, казалось, была искренне рада видеть нас. Я познакомила ее с Джилл. Она тепло приветствовала ее и отозвала меня в сторону. Я ничего не говорила Кхумбулиле о том неудобстве, которое испытывала с Джилл, но она сказала мне мягко и прямо: «Это смелая женщина. Она будет полезна. Это предки заставили тебя привести ее ко мне сегодня. Так и должно быть. Теперь это дело касается предков и Джилл. Успокойся. Ты сделала то, что от тебя требовалось. Это все, что тебе нужно знать». Я сразу же испытала облегчение. Все шло как надо и, что еще лучше, больше от меня не зависело.

Кхумбулиле обещала выделить время для нашего интервью после того, как она закончит с последним пациентом. В ожидании мы с Джилл большую часть утра бродили в окрестностях усадьбы, что позволило ей ощутить дух этого места. Видя, как скромно и почтительно ведет себя Джилл, я была рада, что привезла ее сюда. Несмотря на свой скептицизм, Джилл с уважением относилась к свази и их традициям.

Последним пациентом Кхумбулиле была школьная учительница из близлежащего городка — женщина-свази двадцати восьми лет, одетая в европейский костюм. Это было ее второе посещение клиники. Наконец Кхумбулиле вышла к нам и сказала: «Предки сейчас явятся. Моя пациентка и я разрешаем вам с мисс Лапато войти и присутствовать при

консультации. Идите быстрее, они уже близко. Вы можете фотографировать меня и всех присутствующих, но только не лицо моей пациентки». Чувство волнения, смешанное с нетерпением, сразу же охватило нас с Джилл.

Вместе с Кхумбулиле мы вошли в ее клинику. Строение представляло собой традиционную круглую хижину с соломенной кровлей. Целительское облачение Кхумбулиле висело над чем-то вроде алтаря — местом, где она приветствовала своих самых главных предков перед тем, как начать консультацию или лечение. Вдоль стен хижины стояли бутылки и сосуды с лекарствами из трав. Люди входили, и в комнате становилось тесно. Я никогда раньше не видела, чтобы Кхумбулиле так быстро двигалась. Я не знала, что сейчас будет происходить.

Уровень энергии в комнате был чрезвычайно высок. Я чувствовала себя так, словно мы присутствовали в храме на какой-то возвышенной и одновременно радостной церемонии — наподобие крещения или венчания. Вошли члены семьи и близкие друзья Кхумбулиле. Они улыбались, в руках у них были различные ударные музыкальные инструменты. Вместе с нами в переполненной комнате было пятнадцать женщин и детей. Мы с Джилл сели прямо напротив них. Джилл вручила жестянку с сухими гороховыми семенами и велели ее трясти. Одна из женщин внесла в хижину большой красивый барабан. Барабанный бой помогал Кхумбулиле устанавливать и поддерживать контакт с предками.

Вошла пациентка и села вместе с женщинами и детьми. Эти женщины должны были следить, чтобы с Кхумбулиле ничего не случилось, пока она переживает транс, и внимательно слушать, чтобы они могли потом рассказать ей обо всем, что говорилось и делалось. Затем вошли девятнадцатилетний племянник Кхумбулиле и еще один мальчик помоложе. Они уселись рядом со мной и Джилл. Они уже несколько часов пили вино из марулы, и я сомневалась, смогут ли они помогать Кхумбулиле, как она просила.

Кхумбулиле стояла на коленях перед небольшим сооружением, похожим на алтарь, отдавая дань почитания явившимся к ней предкам. Казалось, она не замечает происходящего вокруг. Она достала небольшой горшочек с медом, который сохранила со своей выпускной церемонии, состоявшейся десять лет назад, добавила крошечное количество меда в травную смесь и омылась этой смесью. Затем она надела бусы и традиционное облачение.

Надев юбку, ожерелья из бус и яркую красно-белую блузку из набивной ткани, Кхумбулиле в заключение накрылась куском черной ткани, накинув ее наподобие капюшона. Она наклонилась над неглубокой тарелкой с горящими в ней травами. Ее глаза остекленели. Предки явились. Я никогда не ожидала, что стану свидетелем одержимости целителя, и не могла поверить, что мне так повезло.

Кхумбулиле неожиданно заговорила очень низким мужским голосом. Это было странно, но почему-то совсем не удивляло. Предок назвал свое имя и поздоровался с каждым из находившихся в комнате. Кхумбулиле вдруг стала совершенно иной. Теперь она была более агрессивной и самоуверенной. Меня поразила эта перемена. Ее племянник вскочил и выбежал из хижины и тут же возвратился с барабанами. Он, мальчик, который был с ним, и еще одна женщина стали бить в эти красивые барабаны *конга*. Особенно хороша была женщина. Я была очарована. Звук ее барабана был таким живым. Где-то глубоко в душе я ощутила чувство полной свободы. Женщины встряхивали жестянки с семенами, и этот мужской голос внутри Кхумбулиле пел.

Кхумбулиле обошла комнату кругом, внезапно прекратила пение и опустилась на колени перед сосудом с травной смесью для омовения. Она издала звук наподобие собачьего лая, и дочери передали ей сосуд. Она окунула в эту смесь жезл с козьим хвостом, стряхнула немного смеси себе на лицо, а потом проделала то же самое с пациенткой. Затем — снова танцы, снова пение, и вот вступили в действие племянник и второй мальчик. Распевая, они накрыли голову пациентки тканью и она стала вдыхать дым из смеси трав, тлеющих на мелкой металлической тарелке. Мальчики были очень сосредоточены и быстро двигались, помогая Кхумбулиле.

Под участвовавший громкий бой барабанов Кхумбулиле начала свой захватывающий

танец. Все движения и прыжки танца были поразительным, немислимым балетом. В столь тесном пространстве она ни разу никого не коснулась, ничего не задела и не потеряла равновесия. Я была изумлена. Мне хотелось, чтобы танец и барабанный бой никогда не кончались. Подняв глаза, я увидела широкие улыбки на лицах женщин, сидевших напротив. Они наблюдали за мной, и мы вместе рассмеялись. Кхумбулиле говорила на языке, которого я никогда раньше не слышала. Одна женщина сказала, что это синдзаве древний язык предков, на котором теперь уже не говорят. Было очевидно, что Кхумбулиле действует как глашатай того, кто вселился в нее. Присутствие этого предка ни в малейшей мере не казалось угрожающим. Одержимость Кхумбулиле окончилась также внезапно, как и началась. Предок ушел. Кхумбулиле совершенно выдохлась. Она села вместе с женщинами и детьми и улыбнулась. Она не помнила, что говорила и что делала. Она запомнила лишь, какое лечение ей следует применить, но забыла все подробности посещения предка. Кхумбулиле повернулась ко мне и ласково спросила: «Ну, и как это было?»

Позднее Джилл рассказывала мне, что в течение всей этой церемонии она буквально тряслась от страха. Я бы, конечно, не оставалась там, если бы почувствовала, что ей сильно не по себе или она в опасности, но теперь я только посмеиваюсь, вспоминая обо всем. От меня тогда было мало толку — я полностью была поглощена происходящим и чувствовала себя хорошо как никогда.

Когда в ходе церемонии я вспоминала о своей фотокамере, я старалась как можно быстрее делать снимки и время от времени толкала локтем Джилл, чтобы она делала то же самое. Но Джилл была слишком захвачена происходящим. Это вызывало у меня улыбку. Когда наши слайды были проявлены, мы обратили внимание на то, что Кхумбулиле танцевала без блузки. Но во время ее танца никто из нас этого не заметил. Мы с Джилл были в нескольких десятках сантиметров от Кхумбулиле, но ни одна из нас не видела, чтобы она снимала свое одеяние. Впоследствии мы тщательно изучили слайды и остались в полном недоумении.

Присутствуя при одержимости Кхумбулиле, мы просто утратили ощущение времени. Я не посмотрела на часы, когда входила в хижину, и потом мы с Джилл не могли понять, сколько мы в ней пробыли — десять минут или час. В общем мы провели в усадьбе Кхумбулиле пять часов. Вполне возможно, что мы находились в хижине не менее двух часов. Я была совершенно поглощена происходившим. Мне кажется, что все присутствовавшие в комнате испытывали такие же чувства — радость, невероятный душевный подъем. Впоследствии ни я, ни Джилл не интересовались диагнозом, который Кхумбулиле поставила своей пациентке. Для меня это не имело значения. Главным для меня был пережитый опыт — дар, который преподнесла мне Кхумбулиле.

Позже я узнала, что болезнь пациентки началась внезапно, прямо на работе. Это было так, будто кто-то «напал на нее сзади». У нее появились боли в пояснице и резь в мочевом пузыре. Она начала чувствовать сильную тяжесть в спине, как будто ей на плечи навалили что-то тяжелое. У нее стали выпадать волосы, а голова болела так, будто волосы кто-то вырвал. Она боялась, не были ли использованы ее волосы для колдовской порчи. Через Кхумбулиле предок рекомендовал наносить лекарство из трав в несколько неглубоких надрезов на голове пациентки. По словам предка, лекарство должно проникнуть в ее тело и устранить источник болей. Предок предупреждал, что если лечение не начать немедленно, то дети пациентки также могут пострадать от этой болезни. Впоследствии, придя на осмотр к Кхумбулиле, пациентка сообщила, что лечение было успешным.

В тот день, покидая Кхумбулиле, мы подвезли пациентку до ее городка. Она была совершенно спокойна и счастлива. Она хвалила Кхумбулиле и неоднократно повторяла, как она благодарна судьбе за то, что живет поблизости от такой талантливой целительницы. Расставшись с ней, мы с Джилл свернули на обочину. У меня в холодильнике были заранее приготовлены бутерброды и прохладительные напитки. Мы открыли заднюю дверцу «лендровера», ели и слушали тишину вокруг нас. Разговаривать не хотелось. Я думала о нашей поездке и ощущала разительную перемену в наших отношениях с Джилл. Мы обе

продолжали молчать. У Джилл не было никаких вопросов. Мы обе были полны благоговения. Теперь я поняла, что Кхумбулиле была права, когда говорила, что я послужила лишь средством, чтобы привести к ней Джилл. От меня требовалось лишь с уважением отнестись к роли Джилл во всем произошедшем. Я знала, что после того, что мы вместе пережили, мы будем с большей терпимостью относиться друг к другу. Это был подарок для нас обеих от Кхумбулиле и ее предка.

Выпускная церемония целителя — последнее испытание

Выпускная церемония — это не официальное признание завершения обучения, как принято в западных странах, а фактически самое трудное испытание, с которым сталкивается целитель в ходе своей подготовки. Через несколько месяцев после того, как я начала встречаться с целителями, мне захотелось присутствовать при выпускной церемонии. Целители восприняли это необычно сдержанно. Они согласились, что мне следует увидеть эту церемонию, но не были уверены, насколько я к этому готова. Со временем была выбрана учебная группа и установлена дата выпускной церемонии. Сотрудники ОЦЦ, помогавшие мне в Свазиленде, связались с нужными людьми, но, к сожалению, обнаружили, что церемония уже состоялась неделей раньше. Мне пытались сообщить еще об одной церемонии, но моя телефонная линия не работала, и сотрудники ОЦЦ не смогли вовремя меня известить. После нескольких подобных инцидентов я сдалась. Видимо, по какой-то причине я не могла еще присутствовать при выпускной церемонии.

В конце концов целители рассказали мне одну историю, которая объясняла их осторожность. Выпускная церемония — это самое экзотическое и примитивное переживание, через которое проходят целители, и потому она больше всего интересует людей Запада. Однако, получив лишь внешнее впечатление от этой церемонии, наблюдатель не в состоянии представить себе достоверную картину повседневной жизни целителей и осознать их значительный вклад в сложившуюся в Африке систему здравоохранения. Около двадцати лет назад целители удовлетворили просьбу одного антрополога, который хотел присутствовать на выпускной церемонии и заснять ее на пленку. Впоследствии антрополог обратился к правительству Свазиленда за разрешением на право распространения фильма в своей стране. Просмотрев фильм, правительственные чиновники были обеспокоены. Они сочли, что он не представляет целителей в их истинном свете. Правительственные чиновники не дали разрешения и отказались содействовать любому распространению фильма.

Многие из более старых главных целителей помнили об этом. Их беспокоило, что если до сих пор мои впечатления были исключительно положительными, то присутствие на выпускной церемонии может вывести меня из душевного равновесия. Я ценила мнение этой группы и не имела ни малейшего желания поступать против их воли. Поэтому для меня явилось крайней неожиданностью, когда спустя несколько месяцев я узнала, что Кхумбулиле организует для меня посещение выпускной церемонии. Кхумбулиле пользовалась среди целителей большим уважением, и если она получила разрешение действовать, это означало, что меня считают готовой к посещению церемонии. Я почувствовала огромное облегчение, узнав, что руководить церемонией выбрана Кхумбулиле, с которой у меня была прочная связь.

Выпускные церемонии целителей в Свазиленде всегда проходят зимой, с июня по август. В этот период созревает растение, играющее важную роль в этой церемонии. Кхумбулиле не возражала, чтобы я взяла с собой Альберта и Джилл — фотографов-любителей, заслуживших уважение целителей. Она полагала, что мои друзья с пониманием отнесутся к увиденному. По мере приближения назначенного срока у меня стала возникать навязчивая мысль, что еще двум моим друзьям, жившим в Йоханнесбурге, также следовало бы присутствовать на церемонии. Я обсудила это с Кхумбулиле, которая сочла эту мысль

указанием моих предков. Я пригласила Джесси и Анну-Мари, не зная, смогут ли они поехать с нами, но была уверена, что сделала для этого все возможное.

31 июля 1993 года мы присутствовали на выпускной церемонии пяти будущих целительниц, которые проходили подготовку у того же наставника, что и сама Кхумбулиле. Усадьба учителя — уважаемой старшей целительницы — находилась в сельском районе Свазиленда, неподалеку от границы с ЮАР. Вдень проведения церемонии я рано утром отправилась в Нтфоджени, чтобы захватить с собой Кхумбулиле. Со мной были Джесси, американка, работавшая в Йоханнесбурге, и Анна-Мари, кинезиолог из ЮАР, а также Альберт и Джилл — в качестве фотографов. Мы выехали из Мбабана в 4 часа утра. Было темно и холодно, стоял туман. Видимость была минимальной, трудно было даже разглядеть идущую впереди машину. Мы ползли до Нтфоджени почти два часа.

Приехав к Кхумбулиле, мы узнали, что с нами поедет еще и ее сестра Ольга. Я восприняла эту новость без особого энтузиазма, поскольку в машине и так было мало места. Я специально заранее написала Кхумбулиле, что мы не сможем взять лишних пассажиров. Но письмо так и не дошло. Кхумбулиле объяснила, что скоро «явятся» ее предки. В состоянии транса она уже не сможет с нами общаться, и Ольга нужна ей не только для собственной защиты, но и для того, чтобы разъяснять нам все, что будет происходить в течение этого дня. Кхумбулиле была совершенно спокойна. Она заявила, что место — не проблема, и мы как-нибудь устроимся. Она села впереди рядом со мной, а Джесси и Ольга с большим трудом втиснулись сзади, среди багажа, одежды и сумок с едой.

На место проведения церемонии мы прибыли около 8 часов утра. Солнце едва взошло, и было еще холодно. Присутствовавшие сидели у огня, завернувшись в одеяла. Их было довольно немного — быть может, всего человек тридцать. Ученики — будущие целители — тихо сидели в своей хижине. Нам объяснили, что они проплясали всю ночь и только сейчас прекратили танец, чтобы отдохнуть. Они были совершенно измотаны физически и эмоционально, так как призывали своих предков и большую часть ночи были «одержимы».

На соломенной крыше хижины, где находились посвящаемые, я заметила коллекцию рогов. Я уже видела подобное на крышах клиник традиционных целителей. Кхумбулиле объяснила, что это — рога животных, которых приносят в жертву предкам. Животных забивают и устраивают пир в честь предков, которые говорят и дают указания через наставников. Предков благодарят за помощь, которую они оказывают. Потом рога помещают на крышу хижины, в которой лечат пациентов или обучают целителей.

Я ожидала увидеть большую толпу — возможно, несколько сотен свази и множество вооруженных фотоаппаратами европейцев, постоянно живущих в Свазиленде. Это была совершенно особенная церемония; учитель — или «наставница»⁵ как они ее называли — пользовалась здесь всеобщим уважением. Мне сказали, что если до отъезда из Свазиленда мне удастся увидеть хотя бы одну выпускную церемонию, то ею должна быть именно эта. Получить приглашение на нее было большой честью.

Кхумбулиле занимала особое место среди бывших выпускников этой наставницы, и все относились к ней с уважением. Она несколько раз посетила наставницу, чтобы добиться для нас разрешения присутствовать на церемонии. У Кхумбулиле нет своего автомобиля, а наставница живет в целом дне пути от ее дома. В тот момент я оценила те усилия, которые пришлось предпринять Кхумбулиле. Нас принимали по-царски и позволяли свободно ходить по территории усадьбы. Нам даже разрешили заглянуть в хижину посвящаемых.

Когда мы приехали, я сразу ощутила сильный, но приятный запах — это был запах леса и саванны, с отчетливым мускусным оттенком. Для этого в качестве благовония сжигают особую кору. На каждой выпускной церемонии дым от горящей коры в течение всего дня стелется над головами людей. Это благовоние не обладает галлюциногенными свойствами, однако говорят, что его запах усиливает связь с предками. Все, что мы наблюдали в тот день — танцы, монотонное пение, барабанный бой, сжигание лекарственных трав, прием *мути*,

⁵ У автора — «матрона», что имеет примерно то же значение. (Пр. пер.)

служило одной цели — усилению контакта с предками.

В тот день мои мысли и чувства, казалось, медленно куда-то уплывали. Все утро я чувствовала себя очень умиротворенно. Я бродила среди посвящаемых и старших целителей и все время находилась рядом с ними. В какой-то момент после полудня я подняла глаза и увидела поодаль около сотни зрителей, наблюдавших за происходящим. Я даже не заметила, когда они пришли.

К середине дня я стала ощущать, как возросла энергия толпы, как накалилась обстановка. В Свазиленде принято платить работникам раз в месяц. Церемония пришлась как раз на выходные дни после выдачи зарплаты — самые буйные выходные месяца. Многие люди в толпе уже в течение нескольких часов угощались местным пивом. В какой-то момент я забеспокоилась о своей безопасности. Не станем ли мы мишенью для насмешек или даже насилия, если под влиянием алкоголя настроение толпы изменится к худшему? Но вдруг я ощутила вокруг себя нечто вроде защитного кокона и больше не сомневалась, что нахожусь в безопасности.

Кхумбулиле вошла в транс через десять минут после нашего прибытия к месту церемонии. Она направилась прямо в хижину, где находились посвящаемые. Мы услышали низкий голос, голос мужчины, который мы с Джилл уже однажды слышали, когда Кхумбулиле входила в транс в своей клинике в Нтфоджени. Кхумбулиле и посвящаемые, также в состоянии транса, танцуя, вышли из хижины, выкликавая голосами овладевших ими духов. Все они были в традиционном облачении. Кхумбулиле руководила танцем. Пританцовывая, они приблизились к наставнице и стали восхвалять ее, выказывая почтение ее исключительному таланту учителя и целительницы.

Пение прекратилось: предки покинули их тела. Внезапно наступила драматическая тишина. Посвящаемым вручили красивые головные уборы из ярких красных и лиловых перьев. После того как одержимость оставила их, Кхумбулиле и остальные хранили молчание — предки забрали их голоса.

Танец Кхумбулиле и посвящаемых способствовал мощной вспышке энергии. Она была непродолжительной, но я почувствовала слабость в коленях и села. Помню, я подумала: «Слава Богу, теперь можно расслабиться». Во время отдыха Кхумбулиле показала нам специальный жезл, который она получила во время своего обучения. Сегодня посвящаемые тоже должны были получить такие же жезлы с волосами из хвоста носорога на конце. На тот конец жезла, который держит в руке целительница, наносится *мути* (специальное лекарство). Вокруг и поверх *мути* укреплены особые маленькие морские раковины. *Мути* издает специфический запах, который помогает предкам общаться с целителем, когда он встряхивает жезлом во время работы с пациентами.

Мы успели передохнуть лишь несколько минут, когда посвящаемые вдруг словно вылетели из хижины. Я была захвачена врасплох и ощутила мгновенный эмоциональный подъем. Зазвучало неистовое ритмичное пение, сопровождавшееся громким рокотом барабанов. Старшие целители, когда-то учившиеся у этой наставницы, присоединились к танцующим ученикам.

Затем каждой из посвящаемых дали козу, на которую указали наставнице их предки. Этим козам тут же перерезали горло. Посвящаемые выпили козьей крови, затем настоя из трав, после чего их вырвало. Затем их накормили овсяной кашей, чтобы снять желудочные спазмы и предки могли бы быстрее прийти к ним. Если у посвящаемой не начиналась немедленная рвота, это означало, что она совершила что-то позорящее предков или не слушалась их во время обучения.

Это испытание связано с правилами воздержания. В период подготовки, который может занимать до трех лет, ученикам запрещены сексуальные контакты. Я заметила, что непосредственно перед этим испытанием посвящаемые проявляли необычную нервозность, сильно потели и тряслись.

Я спросила Ольгу: «Почему они так нервничают? Что случится, если их не вырвет?»

«Они умрут», — заявила она. Меня ошеломила спокойная обыденность ее слов. Я

спросила: «Неужели случилось, что посвящаемые действительно умирали из-за того, что не прошли это испытание?»

«Да», — ответила Ольга.

Мне стало не по себе, и я пыталась собраться с силами, готовясь к тому, что может последовать дальше.

Кхумбулиле вспоминает тот день:

— После испытания воздержания я повела учениц к реке. Каждая взяла с собой кровь своей козы и обмазала ею все тело. Ученицы оставались в таком виде около четверти часа. Обычно это делается у реки, чтобы можно было быстро обмыться. Пока ученицы смывают кровь, наставница и ее помощницы прячут козьи хвосты, мех и другие части животного. Когда мы возвращались, предки уже руководили посвящаемыми, помогая им в поиске спрятанных вещей.

Когда посвящаемые спустились к реке, одна из них вернулась в усадьбу. Во время испытания ее недостаточно вырвало. Она вся дрожала. Это происходило потому, что она чем-то обидела предков. Она спустилась к реке с другими, чтобы обмыться, но в этот момент почувствовала сильное головокружение. У реки посвящаемым впервые вручают красную пятнистую юбку и другие детали облачения традиционного целителя. Этой женщине стало дурно, и ей пришлось возвратиться, так и не получив своего одеяния. Во время обучения она нарушила какой-то запрет. Возможно, она встречалась с мужчиной, и именно поэтому предки так обошлись с ней на выпускной церемонии. Но все же они были к ней милосердны, поскольку эта женщина не умерла, а лишь понесла наказание.

Когда ученицы вернулись с реки, старшие целители уже спрятали сосуды с кусочками шкуры и меха жертвенных коз. Каждой ученице нужно было быстро отыскать сосуд с частями животного, принадлежавшего именно ей. Предки должны были указать, где спрятаны сосуды. Только одна наказанная предками женщина не смогла быстро найти спрятанные предметы. Это испытание далось ей труднее, чем другим. Теперь все, кто наблюдал церемонию, все старшие и члены общины знали, что предки от нее отвернулись. Они не показали ей, где находятся спрятанные сосуды. Женщина чувствовала сильный стыд и смущение. У других четырех учениц затруднений не возникало. Предки все время оставались с ними. У этих учениц не было никаких проблем, поскольку предки помогали им во всех испытаниях.

Женщина, которой пришлось трудно, теперь должна опять обратиться к предкам и просить их о помощи. Предки скажут, что ей нужно делать, чтобы примириться с ними. Если она точно последует их указаниям, у нее будет все в порядке. Но пока она не наладит с ними отношения, она не сможет работать с пациентами. Перед тем как вернуться в свою общину, ей придется провести месяц в усадьбе учителя в хижине для посвящаемых, а затем вновь пройти обряд очищения. После того, что произошло, все присутствовавшие на выпускной церемонии станут сомневаться в ее целительских способностях. Старшие признанные целители не будут направлять к ней пациентов. Чтобы создать свою практику, ей понадобится теперь гораздо больше времени.

Вот так предки наказывают вас, если вы во время обучения нарушаете правила. В конце концов предки помогли женщине найти спрятанные предметы, но теперь те, кто это видел, будут сомневаться в ее способностях.

На церемонии присутствовали люди, особо пристально наблюдавшие за происходящим. Возможно, они пока этого не осознают, но вскоре сами придут учиться целительству. Они теперь знают, что происходит, если в точности не соблюдать правила обучения и указания предков. Они этого не забудут.

До того как я пришла сюда учиться, мне не приходилось видеть выпускную церемонию, и я не знала, чего ожидать. Это очень трудно — учиться, а потом еще пройти посвящение! Нам дают наше питье в миске. Мы должны становиться на четвереньки и лакать, как животные... пить из сосуда с травами, которые надо пропустить через себя.

Трудно пить, подобно корове. Мы — человеческие существа, но должны проявлять смирение перед своим наставником и своими предками — и во время обучения и, особенно, на выпускной церемонии. Мы выпиваем большое количество горького снадобья, и это нелегко. Нас рвет, и наши голоса изменяются. Это неприятно. Пройти выпускную церемонию — нелегкое испытание.

После двухдневной выпускной церемонии посвящаемые должны целый месяц оставаться вместе в одной специальной хижине в одной комнате. Они не выходят наружу. Если им приходится выйти из хижины, их тела должны быть полностью закрыты. В течение всего этого времени они не разговаривают друг с другом и ни с кем в усадьбе. Пищу для них готовят другие люди, живущие в усадьбе. Посвящаемые остаются внутри, одетые в шкуры коз, кровь которых они пили во время церемонии. Снаружи хижины они укрепляют рога и кости этих животных — впоследствии эти предметы будут помогать целителям в их практике. Через месяц посвящаемые снова подвергаются испытанию. Они выходят из хижины, идут к реке и совершают омовение. Наставник опять прячет сделанные ими предметы. Их предки должны явиться и в последний раз помочь им найти эти вещи.

Кхумбулиле вспоминает свою собственную выпускную церемонию:

— В моей группе было восемь учениц. Моя выпускная церемония проходила зимой, но нам не было холодно — ведь с нами были предки. Моя одежда была тех же цветов, что и у моей наставницы. У меня была красная юбка с черными пятнами, как на шкуре леопарда. Это специальная одежда, которую положено носить на выпускной церемонии. У каждого наставника собственная одежда. Такую же одежду носят и его ученики, и по ней можно определить, у кого учился целитель. Предки решают, какую одежду носить. Когда мы у реки надеваем ее, мы начинаем говорить на языке предков — ндзаве.

Церемония продолжалась два дня. Особенно тяжелым был второй день. Мы спустились к реке и должны были на коленях ползти назад в усадьбу наставницы. Каждая из нас убила козу и положила ее себе на плечи. От реки мы поднимались на крутой холм и двигались по неровной, грязной дороге, по камням и скалам. Перед нами бросали циновки. Нам приходилось перескакивать с циновки на циновку, используя только верхнюю часть тела. Это было очень трудно. Мы были с ног до головы в крови. Потом наставница и ее помощницы смешивали с кровью внутренности козы и обмазывали нас ими. Мы сразу же возвращались к реке и мылись. Там нам являлись предки, и мы говорили их голосами.

Затем на наших телах делали надрезы. Во время обучения обычно делают небольшие, неглубокие надрезы. Но в тот день надрезы были глубокими и кровоточили. В надрезы втирают *мути*. В эти надрезы можно втирать только *мути*, предназначенное для вызывания предков, и никакое другое. Только наставница знает, какое *мути* вносить в каждый надрез на теле каждой посвящаемой. Ею руководят предки этих учениц. *Мути* может быть разным для разных людей. Все зависит от того, что указывают предки.

Во время выпускной церемонии для меня было труднее всего пить козью кровь. Я вся дрожала, мне было так страшно ее пить. До этого я не ела даже козьего мяса. В тот день я должна была пить эту кровь и проглотить немного вареного козьего мяса. Нам нельзя его жевать, мы должны его глотать. Считается, что тогда оно сразу же пойдет вверх и нас немедленно вырвет. Если оно тут же не выходит со рвотой, значит, вы сделали что-то неправильное — как та женщина, которую мы видели. Значит, вы чем-то обидели предков и должны все выяснить и загладить свою вину. Во время испытания можно даже умереть, если предки того пожелают.

В тот день во время церемонии были моменты, когда, наблюдая за Кхумбулиле и посвящаемыми, я чувствовала себя совершенно отстраненной — я словно выпала из пространства и времени. Я не могла бы сказать, как долго мы там находились. Но в какой-то момент я призналась Джилл и Альберту, что совершенно измучена и мне хотелось бы поскорей отправиться домой. Мне казалось, что уже далеко за полночь, но было всего три часа дня — мы пробыли здесь всего семь часов. Я опасалась, что будет невежливо просить

Кхумбулиле уехать прямо сейчас. Обычно было не принято уезжать до окончания церемонии. Я нашла Кхумбулиле в одной из хижин, где она консультировала моих друзей из Йоханнесбурга. Она удивила меня, сказав, что они с сестрой тоже готовы к отъезду. В этот день между нами было полное согласие.

Чтобы попрощаться с наставницей, нам пришлось протиснуться сквозь плотную толпу. Мы подошли к ней и ее мужу и поблагодарили их за все. Кхумбулиле переводила наши слова. Я понимала не все странные и удивительные вещи, происходившие на церемонии, но была очень довольна увиденным.

Кхумбулиле сказала, что даже простое наблюдение выпускной церемонии усилит мой собственный контакт с предками. Моя связь с предками и защита, которую они мне оказывают, станут для меня более ощутимыми. И действительно, присутствие на выпускной церемонии глубоко повлияло на меня. Только спустя шесть недель, 15 сентября 1993 года, я почувствовала, что способна написать о пережитом. Я не в состоянии была даже обсуждать, какое впечатление и какое почти физическое воздействие все это на меня произвело. Всякий раз, как только я пыталась говорить об этом, меня переполняла глубокая радость. Это было переживание, которое я никогда не забуду.

Целительница в Транскеи с просветительскими материалами министерства здравоохранения на семинаре по ВИЧ/СПИД

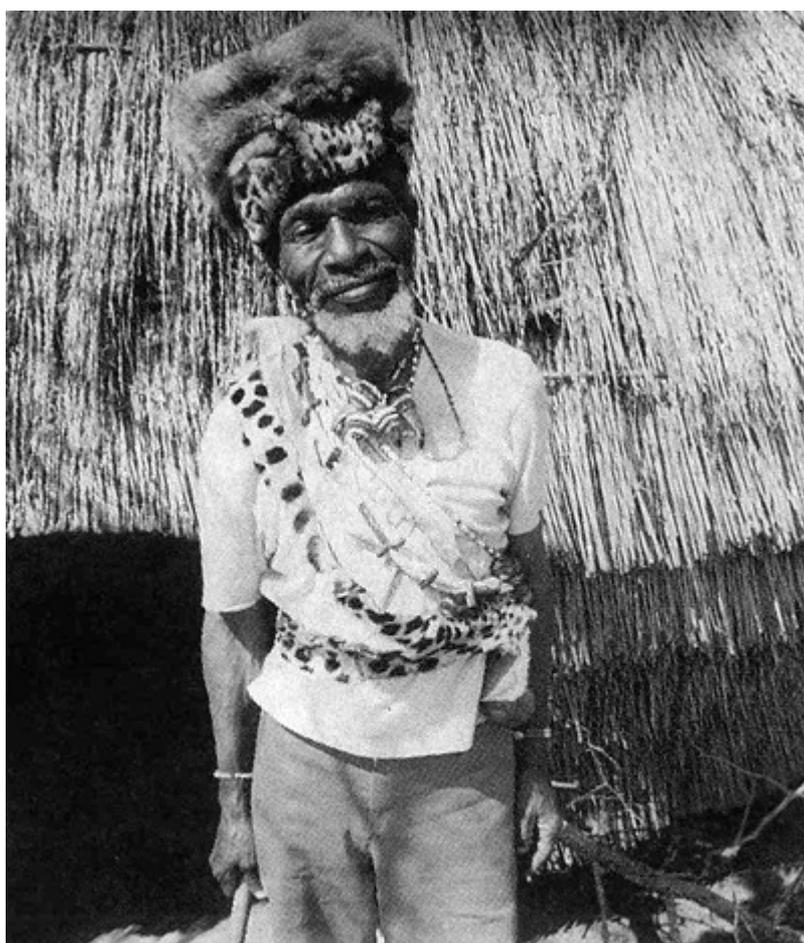
Этих учеников привели к наставнице Маге Йекелеза
(в центре, в головном уборе с пером)
видения и сновидения

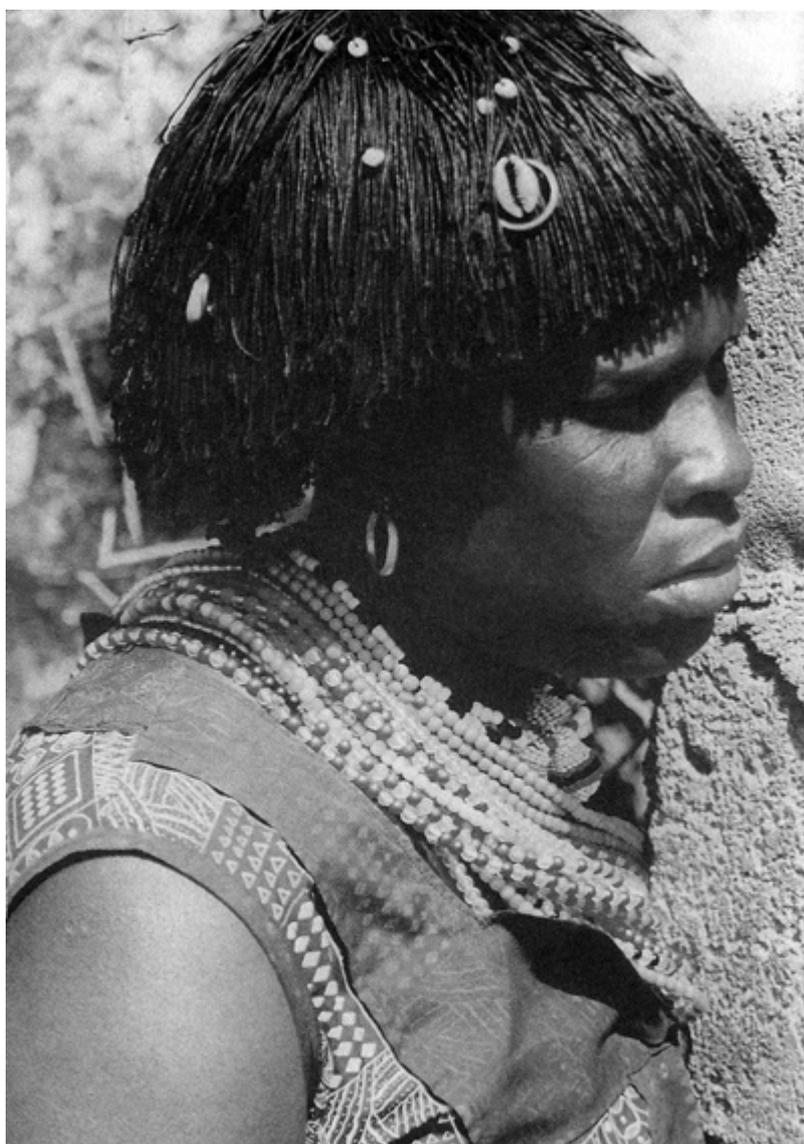
Будущие целители растирают травы
для традиционных лекарств

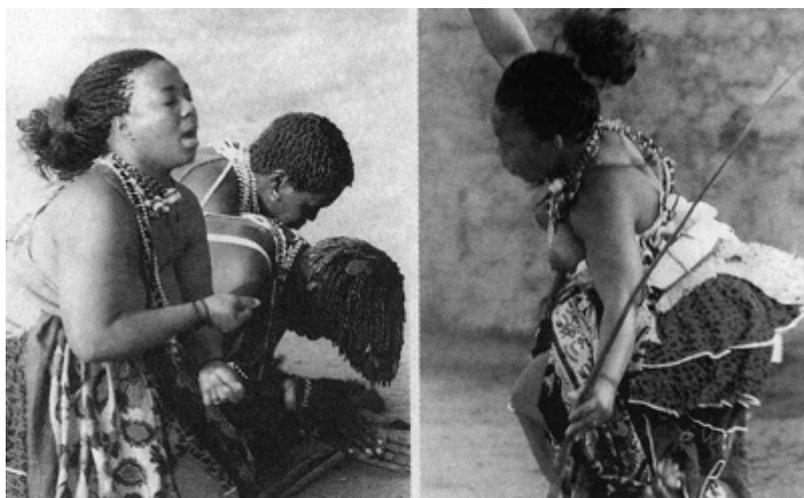
Часть учебной группы во время занятий

Доктор Мнтсхали - человек с высшим образованием,
который получил свое "призвание",
работая в частном секторе

В свазийской традиции только традиционные
целители могут носить охру в волосах
таким особым образом

Кхумбулиле Мдлули
на выпускной церемонии целителей

Кхумбулиле Мддули читает кости

Джоуберт Дламини в своей традиционной аптеке

Номса Дламини, целительница из Организации практиков традиционной медицины с своей клинике в Соуэто

Мы с господином Сибандзе в его хижине для хранения *мути* - на складе трав и традиционных лекарств

**Исаак Майенг - целитель и международный
исследователь в своем магазине трав в Гугулету
в Кейптауне**

Номса Вилакати не получила систематического образования и почти не сопротивлялась призыванию к жизни целительницы

Часть вторая. Целители

Очерк 1. Исаак Майенг — целитель-тсвана и международный исследователь

Исаак Майенг, сотрудник Программы традиционной медицины (Трамед) Кейптаунского университета, на протяжении почти двадцати лет был практикующим сангома. Он рос в семье прозападной ориентации и не был знаком с традиционными лекарственными растениями африканцев. В 1976 году Исаак начал изучать западную медицину в университете, а в 1978 году, неожиданно для себя, ощутил духовное призвание к традиционному целительству и успешно завершил серьезный двухгодичный курс обучения. В 1984 Исаак выдержал большой конкурс и получил стипендию для участия в учебной фармакологической программе в Нью-Йоркском университете. В дальнейшем он продолжил работу в области медицинской химии и современной органической химии. С 1991 года Исаак сотрудничает с Кейптаунским университетом в создании южноафриканской сети исследователей для изучения биологически активных веществ в традиционных лекарствах из трав.

Программа традиционной медицины Кейптаунского университета располагает базой данных, объединяющей в себе информацию по химии, токсикологии и фармакологии растительных веществ. Ядро базы данных состоит из примерно 46000 кратких описаний и результатов собственных испытаний, 350 видов растений. Лекарственные растения широко применяются южноафриканскими народными целителями, равно как и местными жителями для самолечения. Помимо лечения болезней, известных современной медицине, средства из трав используются для магических, ритуальных и символических целей, а также для лечения «традиционных недугов». Обычно собирают дикорастущие растения и применяют их без переработки. ЮАР отличается огромным биологическим разнообразием; в ней произрастает около 3000 видов растений, используемых в качестве лекарственных средств. Из них наиболее активно применяется и продается по всей стране приблизительно 350 видов. Хотя точная статистика отсутствует, ежегодный объем стихийной торговли лекарственным сырьем в виде корней, коры, клубней и листьев оценивается в 1 миллиард рэндов. Ежегодный доход от продажи только 35 видов наиболее популярного лекарственного сырья в одной лишь провинции Гаутенг составляет порядка 21 миллиона рэндов. В дополнение к информации о растениях Исаак подчеркивает важность понимания традиционных концепций болезни и традиционных стратегий укрепления здоровья, профилактики и лечения. В базе данных Трамед, кроме того, содержится информация о лекарственных растениях народностей зулу и коса, а также сведения о традиционных целителях и устной традиции.

— Я родился 13 июля 1954 года в Кимберли. В моей семье не было традиционных лекарей. Мои родители были директорами школы. Они ориентировались на западную медицину и не использовали травы или традиционные природные средства. Я тоже не верил в традиционные методы лечения. По правде говоря, я собирался стать врачом. Я учился в Северном Университете ЮАР, но из-за студенческих забастовок 1976 года посещать занятия стало трудно, и в 1977 году я был вынужден оставить университет. Я преподавал естественные науки и языки в школе Сент-Бонавельда, одновременно продолжая дальнейшее обучение на заочных курсах университета ЮАР.

В начале 1978 года я неожиданно, безо всякой видимой причины, серьезно заболел. Я переживал «целительскую болезнь». Мои предки пытались заставить меня последовать призыванию к традиционной медицине. Я сопротивлялся. Я советовался с множеством медицинских специалистов, но это не помогало. В конце концов мне принесла облегчение поездка к одному старику в городок Хершель в бывшем хоумлэнде Транскеи. У меня было видение, в котором мне показали именно этого человека и сказали, что он будет моим учителем. Я проходил подготовку у этого старика, этого целителя. Я стал его учеником — *тхваса* (на зулу) или *мокома* (на сетсвана). Чтобы стать традиционным целителем под руководством этого старика-учителя, я должен был по его требованию переживать и понимать видения. Уже с самого начала у меня были частые и устойчивые видения, особенно в первые пять месяцев. В ходе подготовки видения ускоряли мое обучение, и не прошло и двух лет, как я стал целителем-иньянга или сангома.

Мой наставник и его ученики проявляли осторожность в использовании символов и обрядов. В обычной повседневной жизни я не ношу бусы и другие внешние знаки принадлежности к целительской профессии. Они считаются священным облачением, которое используется только для целительских целей, — наподобие того, как христианские священники надевают стихарь, наплечники и тому подобное исключительно для совершения определенных обрядов. Для особых и высших обрядов традиционные целители применяют специальные облачения и символы. Важно, чтобы целители не злоупотребляли целительскими символами. Если их использовать не по назначению, они могут утратить свой смысл и свою целебную силу.

Кто угодно может надеть на себя бусы и делать вид, будто он целитель. Сейчас много таких самозванцев. В некоторых случаях социальные или экономические причины заставляют их выдавать себя за сангома. Но они безрассудно играют с крайне сложным и специальным знанием. Такие люди могут нанести пациентам только вред. Целителю необходимо точно знать, как действуют лекарства. Сангома должно быть известно все о травах, которые они используют, все об их свойствах, токсичности, лечебных дозах.

Есть много разных целителей, но позвольте мне объяснить две основные категории, на которые я подразделяю целителей Южной Африки. К первой относятся те, кто «призван» к целительской профессии. Такой человек получает мощное духовное призвание от предков, которому очень трудно противиться. Нередко они пытаются сопротивляться, но тогда сильно заболевают. У одних появляются незаживающие раны. Другие сходят сума. У кого-то начинается хронический понос, а у некоторых — мигрень или проблемы со зрением. Симптомы могут быть самыми разными, весьма серьезными и даже опасными для жизни.

У целителей, «призванных» предками, чрезвычайно строгие правила поведения. Это наиболее духовные из всех целителей, отличающиеся высочайшей нравственностью. Они проходят обучение под руководством наставника. Обучение очень суровое и требует от ученика полной физической и эмоциональной отдачи. Во время обучения необходимо придерживаться определенных правил — мы не можем есть некоторые виды пищи, нам нельзя обижать детей или причинять боль кошке или собаке, мы не должны слушать громкую музыку и обязаны воздерживаться от сексуальных контактов даже со своим партнером по браку. Нам приходится строго соблюдать эти правила, чтобы должным образом усвоить обучение и следовать своему «призванию».

Как и все члены этой группы «призванных» целителей, я верю в Бога. Мы верим в существование высших сил и в то, что предки — это посредники между нами и Богом. Это глубочайшее призвание. Мы не можем изменить ему до самой смерти. Мы не выбирали миссию целителей — мы были избраны Богом и нашими предками. Мы молимся своим предкам и Богу, прося у них ясного руководства, и мы должны следовать этому руководству. Наша ответственность столь же велика, как и наш целительский дар. Мы не способны приносить вред. Мы не способны убивать.

«Призванные» целители — люди тихие и незаметные, обычно не привлекающие к себе внимания. Быть «одержимым» целителем — это личный опыт. Это не коллективный дар, и его невозможно применять организованно. В ЮАР некоторые целители впадают в транс коллективно — иногда это происходит во время отправления их религиозных обрядов. Но с нами, сангома, так не бывает. Например, когда я жил у своего учителя, мы с ним никогда не переживали одержимость одновременно. Это всегда происходит с конкретным человеком, который ощущает побуждение к обучению. Так хочет Бог, и предки не являются одновременно всей группе.

Целители, принадлежащие ко второй основной категории, могут проходить подготовку и обучение по собственному выбору, из интереса или любопытства. Они осваивают техническую сторону целительства, пренебрегая духовной. У них нет строгих правил поведения. Не существует никакого контакта с высшей силой, которая обязывает исцелять, не нанося вреда. У них нет глубокого убеждения, что целитель — это просто орудие в руках

предков и Бога.

Некоторые из этой группы занимаются траволечением только из-за денег. Они могут интересоваться лекарственными травами, а затем оставить свое увлечение и заняться другой работой. Они сами могут решать, что им делать со своими знаниями. Кое-кто из них изучает травы в школе или даже самостоятельно. Отдельные талантливые учителя могут развить способности у членов этой группы, но эти люди никогда не пересекают границы, отделяющей их от целителей, избранных предками. Они не имеют необходимых психических способностей, лишены дара ясновидения и не могут вступить в контакт с предками. Некоторые целители из этой группы способны входить в транс и говорить от имени предков. Они могут пройти трех — шестимесячную подготовку, но даже этого все равно недостаточно для развития истинного дара предсказания. Они могут изучить и разбираться в применении некоторых лекарственных трав, но они не обладают всесторонним знанием и пониманием. Они никогда не переходят в группу «одержимых», или сангома.

Трудно провести границу между отдельными целителями. Подобно целителям верой, они обладают недостаточными способностями по сравнению с группой сангома. Стоит присмотреться к результатам работы целителя, и становится понятно, к какой группе он принадлежит. Иногда встречаются неплохие целители и среди тех, кто не избран предками, но их компетентность ограничена отсутствием духовного «призвания».

После завершения своего целительского обучения я не слишком верил в собственный дар, но пациенты все равно обращались ко мне. Мое умение ставить диагноз и лечить казалось мне чем-то вроде магии. Это слегка раздражало, и мне нужно было какое-то время, чтобы привыкнуть к своему дару. Я решил вернуться к преподавательской работе и заниматься ею до тех пор, пока полностью не разберусь в своих целительских способностях и не стану относиться к ним более спокойно. Я преподавал математику в первых-третьих классах и даже пошел работать на рудник. Но все равно пациенты продолжали меня отыскивать.

Мне потребовалось некоторое время, чтобы приспособиться к своему дару. Эта традиционная практика целительства казалась мне архаичной и не согласовывалась с моим образом мыслей. Постепенно я обнаружил, что могу посещать многих пациентов и не утомляюсь, занимаясь целительством, потому что через меня действуют предки. Лечение не требовало от меня никаких усилий. То же происходит и с моим учителем, который, будучи сегодня глубоким стариком, по-прежнему может принимать пациентов весь день без перерыва, и это его лишь омолаживает. У целителей особый обмен веществ. Когда я спросил своего наставника, отдыхает ли он когда-нибудь, он сказал: «Разве Бог когда-нибудь отдыхает?»

В этот период моей жизни какая-то мощная сила заставляла меня читать Библию. Я мог читать только ее. Всякий раз, когда я пытался читать еще что-то — газету, научные статьи, беллетристику, — текст перед моими глазами всякий раз начинал расплываться. Знаете, когда я проходил подготовку у этого одаренного старика, мне ни разу никто не сказал, что я не должен принадлежать к христианской церкви или посещать богослужения. По правде говоря, в комнате, где я принимаю больных, и по сей день стоит та самая Библия.

В 1984 году что-то произошло — я снова мог читать любую литературу, и буквы при этом не расплывались. У меня появилась возможность учиться в Нью-Йорке. Я поступил в фармакологическую школу при университете и готовился стать фармакологом. Мне стоило немалого труда попасть в эту группу. Чтобы удержаться в ней, мне приходилось работать очень напряженно. Я даже проходил дополнительные курсы повышенного типа по медицинской химии. В конце концов я решил, что квалификация фармацевта может помешать мне заниматься традиционным целительством, так как западная фармацевтика ориентируется только на приготовление лекарств, но не на их применение.

Разумеется, изучение медицинской химии было по-своему интересным. Например, если у человека аллергия к пенициллину, что происходит в организме при его приеме и почему?

Какие существуют противоядия? Как и почему они действуют? Каким образом бактерии становятся устойчивыми к ранее эффективному антибиотику? Как мутирует вирус? Все это было мне чрезвычайно интересно. Однако исследования в этой области целиком относились к химическим веществам и синтетическим препаратам, а не к природным лекарствам. На этом этапе я начал изучать новейшие достижения органической химии.

1989 году я получил в США ученую степень и вернулся в Южную Африку. Случайно я заметил в газете «Стар», выходившей в Йоханнесбурге, объявление о вакантной должности на химическом факультете Кейптаунского университета. Я подал заявление и был принят на работу, хотя на это место претендовали сотни кандидатов со всех концов страны. К счастью, моя учебная и исследовательская подготовка оказалась соответствующей их требованиям. Я проработал на химическом факультете почти два года, прежде чем снова стал ощущать, что и это мне не подходит. Я подал в отставку и тут же узнал, что факультет фармакологии организует исследовательскую программу по традиционной медицине. В 1991 году я стал участником этой программы и по сей день продолжаю отдавать все силы этой волнующей работе. Кроме того, у меня есть собственная фирма по производству и поставке лекарств из лечебных трав, а также традиционная целительская практика.

Хорошо, что я знаком и с западной наукой, и с традиционной народной медициной. Думаю, теперь мне следует больше узнать о работе объединений традиционных целителей. Между их группами иногда возникают серьезные разногласия. Мне уже приходилось председательствовать на собраниях, когда страсти между различными группами накалялись до предела. Меня нередко приглашают в качестве третьей стороны, чтобы вернуть дискуссию в нормальное русло. Я более или менее разбираюсь в том, что происходит в целительских кругах.

Я знаком с лидерами наиболее известных целительских ассоциаций ЮАР. Бывает, что правительство, фармацевтические компании, исследовательские институты и другие организации хотят, чтобы я выступил перед профессиональными объединениями целителей с обращением или информацией по определенным вопросам.

Сам я не вхожу ни в какие ассоциации. Это позволяет мне оставаться объективным. И даже выступая с конструктивной, но острой критикой, я всегда сохраняю присутствие духа.

К примеру, фармацевтической компании необходимы данные о состоянии рынка традиционных лекарственных средств. Но это огромный рынок международного уровня, и на нем существует жесткая конкуренция. В использовании африканских лекарственных трав заинтересованы такие крупные участники мирового рынка, как Германия, США, Австралия и многие другие страны. Существуют компании, которые разрабатывают программы медицинской помощи для тех, кто пользуется услугами традиционных целителей. Для изучения конъюнктуры рынка лекарственных трав компаниям необходим доступ к различным профессиональным объединениям целителей.

Правительству нужно уделять больше внимания сотрудничеству целителей и официальной медицины, чтобы, дополняя друг друга, они могли лучше служить пациенту. Представим себе простую вещь. Обычно, если пациенту прописывают антибиотик, то он должен принять, к примеру, двадцать таблеток в течение семи дней. На пятый день он чувствует себя гораздо лучше и прекращает прием лекарства. Однако вскоре его болезнь возвращается, причем в более тяжелой форме. Этот человек, выполняя назначение врача, одновременно советуется со своим традиционным целителем. Если целитель понимает, как действуют антибиотики, он подтвердит указания врача и объяснит, почему необходимо пройти полный курс лечения. Целитель во многом может помочь врачу. Врачу же, в свою очередь, необходимо уметь определить, что пациент консультируется у целителя. Он должен знать, что традиционное лечение в сочетании с официальными медицинскими препаратами могут вызвать у больного аллергическую реакцию или даже отравление. Поэтому врачу иногда следует подождать, пока пациент завершит курс лечения у традиционного целителя.

Это необходимо понимать и врачу, и традиционному целителю.

У меня существуют некоторые сомнения в отношении профилактических программ и организации медицинской помощи, в которые собираются включать традиционных целителей. Среди них множество самозванцев. По каким критериям будут выявляться и отбираться только подлинные, высококвалифицированные и опытные целители? Что собой представляют целители, которые проходят регистрацию? Каков их образовательный уровень? На данный момент достаточно и того, чтобы целители и врачи координировали свои действия и направляли друг к другу пациентов. Но мы пока не готовы, чтобы эти два направления медицины полностью объединились, и, возможно, этого вообще не следует делать. Подлинные, одаренные традиционные целители не возражают против сотрудничества с врачами и медсестрами. Нам всем следует понять, что здесь затрагивается множество разнообразных проблем. И чтобы их уладить, необходимы время и добрая воля обеих сторон.

Некоторые целители считают, что если они сотрудничают с официальной медициной, то правительство обязано платить им жалованье. Но это невозможно. Каким образом чиновники могут определить, кому из них следует платить? Дело в том, что на государственном уровне к этому вопросу быстро подключаются соображения власти и алчности, экономические и политические мотивы. Любые попытки узаконить сотрудничество на государственном уровне еще больше все усложняют.

Другое дело — забота о концентрации общих усилий и расширении возможностей. Врачам необходимо еще многому научиться, чтобы понимать целителей. Целителям нужно повышать свое мастерство. При включении целителей в какую-либо государственную программу здравоохранения следует укреплять связи на организационном уровне. Для этого должен быть организован независимый регистрационный орган, не подчиненный Совету по медицине и стоматологии. Этой организации необходимо точно определить свои функции, свои задачи и поле деятельности. Кроме того, важно изменить настроения, бытующие в медицинских кругах. Настоящий целитель не должен оказаться в подчиненном положении по сравнению с официальными медиками. Я знаю, что все это трудно, но для любой проблемы всегда можно найти решение.

Если правительство считает, что целители должны сами улаживать эти проблемы — что ж, я могу понять такую позицию. Однако целители заслуживают поддержки и действительно нуждаются, чтобы им оказывали помощь. На частном уровне сотрудничество между традиционными целителями и официальной медициной существует в ЮАР уже много лет. У целителя и у врача единая цель — лечить людей. И в этом нет никакой политики. Каждый из них лечит по-своему, и они должны уважать друг друга как равных. И те, и другие одинаково важны для пациента. В их различных подходах к лечению больных нет никакого противоречия — они просто дополняют друг друга.

Невозможно переоценить роль традиционных целителей Южной Африки при оказании первой медицинской помощи. Они не только первыми вступают в контакт с пациентом, но и наблюдают его в течение всей болезни, являясь основным связующим звеном с официальной медициной ЮАР. С большой долей вероятности можно утверждать, что в Южной Африке будет продолжаться параллельное существование систем традиционной и профессиональной медицинской помощи. Очевидна также тенденция к сближению этих двух направлений, к более активному проведению консультаций и взаимному обмену опытом и информацией. Эпидемия СПИДа в Южной Африке может оказаться именно той критической ситуацией, которая заставит сблизиться эти две системы.

Многие традиционные целители провели внушающие доверие эксперименты по борьбе со СПИДом с помощью траволечения. Но эта работа не была закреплена документально, а в некоторых случаях, когда документация оформлялась в сотрудничестве с ученым или врачом, результаты преподносились ими как достижения официальной медицины. Некоторые целители обнаруживали свои работы опубликованными в журналах под

фамилиями врачей, с которыми они сотрудничали. В этих работах не было ни малейшего упоминания о тех, кто в действительности разработал и применил методику лечения, кто вел наблюдение за состоянием пациента. Многие целители вполне обоснованно считают, что их работу украли. Поэтому они стали неохотно делиться своим опытом и информацией.

Например, был один случай с традиционным целителем в Кении, который, как рассказывали, получил неплохие результаты влечения СПИДа. Учитывая доступность трав, которые он использовал, эти результаты вселяли определенную надежду. Целитель не хотел обнародовать свои данные, у него были некоторые опасения в отношении этических норм представителей официальной медицины. В Найроби должна была состояться международная конференция целителей, врачей и ученых, и он согласился представить на ней свои открытия. В ночь накануне своего выступления он был убит. Все данные, которые он взял с собой в Найроби, и документы, оставшиеся в деревне, бесследно исчезли.

Всякий раз, когда представителям фармацевтических фирм становится известно то или иное лекарственное растение, фармакологи пытаются выделить его активную лечебную фракцию. Они воспроизводят ее синтетическим путем и запускают в производство в виде лекарственной формы для массовой продажи на рынке, всячески препятствуя распространению натурального природного средства. Теперь традиционному целителю приходится платить большую цену за то же самое лекарство, которое давала ему природа. Разумеется, он считает, что ему лучше применять свои средства и помалкивать об их действии и результатах лечения. Он служит своим пациентам, своей общине и делится своими находками только с теми коллегами, которым доверяет. Дальше он не идет — и его легко можно понять.

Но несмотря на все препятствия, я все же сохраняю оптимизм в отношении совместной работы традиционных целителей и ученых и полагаю, что проблема лечения СПИДа может послужить пробным камнем для перспектив сотрудничества между представителями официальной и традиционной медицины. К сожалению, у некоторых врачей твердо укоренилось негативное отношение к традиционным целителям, и для них перспектива сотрудничества будет нелегким испытанием. Но без этого сотрудничества официальная медицина может оказаться бессильной в борьбе против «чумы XX века». Медицинской науке крайне необходимы опыт и знания традиционных целителей.

Очерк 2. Номса Дламини — активистка национальной организации, медсестра и сангома из Соуэто

Сорокапятилетняя Номса Дламини — одна из трудолюбивейших матерей-одиночек, с которыми мне когда-либо доводилось встречаться. Энергии этой женщины хватило бы на двоих. Она по праву считает себя «мостом» между современной и традиционной медициной. Ее уверенность и энтузиазм кажутся безграничными. Мне приходилось видеть ее за работой в ее традиционной клинике и общаться с ней в ходе встреч с руководством министерства здравоохранения ЮАР. Для нее всегда было характерно сочувствие к пациентам и ясное

понимание того, как лучше удовлетворять потребности здравоохранения в регионе с богатой целительской культурой.

— Моя мать, из народа коса, родилась в районе Софиятаун в Йоханнесбурге. Мой отец был солдатом армии Свазиленда. Он решил переселиться в ЮАР после того, как во время отпуска познакомился с моей матерью. Она была красивой женщиной, и отец знал, что женится на ней. Среди наших мужчин не принято оставлять свой дом, чтобы последовать за женой. Как правило, женщина поселяется в семье мужа, но у моей матери не было братьев и сестер, к тому же отец очень любил свою тещу. Среди моих предков было множество смешанных браков, поэтому в нашем роду перемешалось множество племен — коса, тсвана, свази. Моя бабушка была из племени Мотсвана и родилась в Габейне, в Ботсване. Дед со стороны матери был целителем-сангома, и он оказался первым из предков, вступившим со мной в контакт. Он и по сей день самый сильный из предков, которые мне помогают.

Мы с сестрой были близнецами и родились 21 февраля 1952 года в Восточном Орландо, в Соуэто. Моей сестры не стало в 1954 году, когда ей было два года. Родители рассказывали мне, что произошло, но я не могла ничего понять, пока сестра сама не объяснила мне это в сновидении. В тот день, когда она умерла, отец ехал домой на грузовике. Я спала в доме, а сестра не спала и вышла наружу. Отец не заметил ее на подъездной дороге, и она попала под его машину. Когда я думаю об этом несчастном случае, я с ужасом представляю, какую боль должен был испытывать мой отец. Он многие годы мучился из-за этого и был даже на грани самоубийства. На его долю выпало тяжкое бремя.

Я училась в школе в Восточном Орландо. Ребенком я совершенно не думала, что стану целителем, хотя мне часто снились странные сны — например, что какой-то человек вскоре умрет. Бывало, я говорила родителям: «Что-то произойдет». Во сне я молилась за этого человека. Мои родители, особенно мать, знали, что я стану целителем. Она сама стала целителем и отец тоже. Как и я, они принимали пациентов у себя дома. К ним приходило лечиться множество людей.

Как и я, моя мать была медсестрой до того, как стала целительницей. Она оставила эту работу в 1959 году. С того времени и до 1984 года, когда ее не стало, она активно занималась целительством. Когда я была маленькой, то мечтала стать медсестрой. Дома я ухаживала за больными, молилась за них. Когда у людей появлялись какие-то проблемы, я обычно выслушивала их — действительно выслушивала! — так мне хотелось им помочь.

Обучаться профессии медсестры было для меня интересно и доставляло удовольствие. Знания давались мне легко. В 15 лет я уже стала медсестрой в Барагванат — самой большой больнице в Соуэто. Я также работала в больнице в области Ваал. Мне нравилась моя работа и я хорошо с ней справлялась. Особенно я любила работать с детьми. На протяжении всех этих лет я часто советовала пациентам обращаться к традиционному целителю, если лекарство, которое им прописали в больнице, не помогало. В некоторых случаях традиционное природное средство из трав лучше подходило человеку. В те времена медицинские институты и врачи совершенно не понимали традиционной системы лечения. Неудивительно, что они не разрешали применять природные лекарства в своих больницах и не допускали туда целителей. Обычно я брала у матери кое-какие лекарственные травы для своих пациентов. Я знала, какие травы могут дополнить медицинское лечение и не вызовут при этом токсикоза. И я всегда молилась за своих пациентов.

Бывало, мать говорила мне: «Я не хочу, чтобы ты занималась традиционным целительством. Быть целителем — большая ответственность, и ты будешь страдать. Ты потеряешь все». Моя мать мечтала, чтобы я стала врачом и избежала трудной судьбы целителя. В то время традиционных целителей не уважали. Люди плохо относились к целителям, считая их злыми колдунами. Моя мать была великой женщиной. Она давала мне добрые советы и хотела, чтобы я отличилась, чтобы я внесла заметный вклад в любую работу, какую выберу.

Мне очень помогла медицинская подготовка. Целитель может быть чрезвычайно

одаренным, но порой, когда требуется помощь официальной медицины, возникает необходимость посоветоваться с врачом. Без медицинской подготовки мне было бы нелегко разговаривать с профессиональными медиками и быть уверенной в их способности помочь больному. Если традиционный целитель может находить общий язык с врачами и медсестрами и понимает их, то сотрудничество становится очень полезным. Профессиональные медики ценят знание анатомии. Традиционные целители, обладающие еще и практическим опытом в западной медицине, дополняют их работу. Мы наводим мосты между двумя мирами — мирами традиционной и профессиональной медицины.

Предки точно «указывают» целителю, что не в порядке у их пациента. Это совсем не то, что слушать больного через стетоскоп, находить признаки болезни и на их основе ставить диагноз. Нам показывают истинную природу болезни. Именно поэтому, еще до того, как вы начнете говорить, мы способны точно описать, что вы ощущаете. Никакое образование и успехи, которых вы добились в медицине, не дадут вам этих способностей. Здесь речь идет о целительском даре, полученном от предков и Бога — об особой интуиции, особой проницательности. В Южной Африке тысячи традиционных целителей, однако далеко не все достаточно владеют этим даром. Возможно, лишь один из ста достигает высшего мастерства, высшего уровня одаренности. Таких среди нас совсем немного.

Работая медсестрой, я без каких-либо видимых причин внезапно заболела. Я подозревала, что это «болезнь сангома». Мне не хотелось становиться традиционным целителем, но я знала, что должна послушаться предков и пройти обучение целительскому искусству. Кроме того, это казалось мне последней надеждой на избавление от моих страданий. Болезнь началась в 1978 году с постоянных, ужасных мигреней. Она продолжалась до 1986 года, когда я наконец начала свое обучение целительству.

Головные боли мучили меня ежедневно. Когда начиналась мигрень, я чувствовала вялость, затем тошноту, меня трясло, а затем наступало полное изнеможение. Я не могла выносить ни малейшего шума, и мне постоянно нужно было уединяться в тихом и спокойном месте. Таблетки от головной боли не помогали. Я могла отдохнуть и почувствовать себя лучше только вдали от других людей. Начальство в больнице было обеспокоено состоянием моего здоровья, но они не хотели, чтобы я проходила целительское обучение, поскольку считали меня разумной и сообразительной. Они были довольны моей работой и не хотели лишаться хорошей медсестры, поэтому отговаривали меня от обучения традиционному целительству. Из-за постоянных болей я была на грани умственного расстройства. Эти боли настолько выводили меня из душевного равновесия, что в 1985 году я едва не убила себя и своих детей. Тогда я поняла, что у меня нет иного выхода, кроме как пройти обучение сангома ради себя самой и своей семьи.

Во сне я видела то место, куда мне следовало отправиться для обучения, но, просыпаясь, не могла вспомнить, где оно находится и к кому мне там нужно обратиться. У меня даже был сон, в котором мне показали, какие лекарственные травы я должна принимать, но я не знала, где их взять. Я слыхала, что встретить многих целителей и разыскать необходимые травы можно на Джеппе-стрит в деловой части Йоханнесбурга, и потому отправилась туда. Оказавшись на месте, я сразу увидела мужчину, стоявшего у двери своей лавки. Он обратился ко мне: «Зачем ты теряешь время? Твои предки сказали мне, что ты придешь сюда и что я должен тебе помочь». Я подумала, что этот человек — грабитель, которому нужны мои деньги. Это был африканец, одетый во все белое, что делало его похожим на врача. Он вел себя очень скромно и вежливо. Дав мне свой номер телефона, он сказал: «Позвони мне. Я тебе понадоблюсь». Он был сангома, но по его внешнему виду это трудно было предположить.

Два месяца спустя я познакомилась еще с одним целителем. Я рассказала ему о своей встрече на Джеппе-стрит. Целитель предложил: «Давайте зарежем козу в честь предков и будем молить их снять с вас это призвание». Я последовала его указаниям. Мы зарезали козу и почтили предков. Знаете, что произошло после этого? Болезнь еще больше усилилась!

Теперь предки совсем потеряли терпение. И я каждый день страдала от боли и плакала.

Я потеряла над собой контроль. Я раздавала свои деньги и ценности. Я осталась ни с чем. Мне казалось, что я умираю. Я написала предсмертную записку: «Я страдаю, я не отвечаю за свои действия. Я хочу лишиться жизни себя и своих детей, чтобы избавить их от страданий». Неподалеку от моего дома находилась железнодорожная станция. Я собиралась лечь на рельсы вместе со своими детьми. Тогда, в 1986 году, написав эту записку, я спрятала ее под матрац. Люди нашли бы эту записку после моей смерти и поняли бы мое душевное состояние.

В течение всего этого времени мне продолжало сниться место, куда я должна была отправиться для обучения. Наконец мне показали одно место в Свазиленде. Мне также показали женщину. «Видишь эту женщину? Ты ее узнаешь? — говорили голоса в сновидении. — Эта женщина будет помогать тебе, но она очень, очень жестокая. Она тебе поможет, но ты должна быть терпеливой».

Я решила вернуться к мужчине, которого встретила на Джеппе-стрит. Я снова отправилась в центр города и нашла его на том же месте. Увидев меня, он сказал: «Сегодня ты сядешь в поезд и отправишься в Свазиленд». Я спросила: «Откуда ты знаешь, что я пришла сказать тебе об этом?» Он ответил: «Я ждал, что ты придешь и будешь готова приступить к обучению. Мне это известно». Я хотела начать обучение в июле 1986 года, но медлила.

Как только я приняла решение пройти это обучение, мои мигрени сразу прекратились. Ужасная боль вдруг отступила. Я испытала огромное облегчение и подумала: «Быть может, предки наконец от меня отступились, и я могу теперь вернуться к нормальной жизни». Я не пришла снова к тому мужчине, как обещала, и не виделась с ним в течение месяца. В августе головные боли возобновились, и я чувствовала себя совершенно больной. Тогда я сказала себе: «Поеду учиться. Сделаю все, что угодно, лишь бы прекратилась эта боль». Моя сестра согласилась присматривать за детьми в мое отсутствие. Мои братья и сестры очень беспокоились обо мне.

Я пошла опять к тому же мужчине — он терпеливо ждал моего возвращения. Я рассказала ему о женщине, которую видела во сне. Он выслушал меня и достал из кармана фотографию, показал ее мне и спросил: «Это женщина из твоих снов?» Это была именно та женщина, которая мне снилась! «Ты найдешь ее в Свазиленде, — сказал он, — в Нкулунгване, сразу за границей округа Ошоек». Потом он проводил меня к этой женщине — она оказалась его женой. Ее звали Лиззи Нкози и она, как и ее муж Лазерус Нкози, тоже была сангома. Лиззи до сих пор обучает целителей под руководством Лазеруса. Он — более одаренный целитель.

Я прожила у Лиззи три месяца. Обычно на подобное обучение уходит от года до двух лет, однако мой случай был особым. Предки учили меня в сновидениях. Они показывали мне многие вещи, например, как бросать кости. Я училась быстро, день и ночь без перерыва. Кроме того, я уже многому научилась, наблюдая за целительской практикой моих родителей. Моя мать была очень терпеливой, очень открытой. Она была мне настоящим другом и наставником. Я так по ней скучаю. Теперь мать приходит ко мне в снах и видениях. Она рассказывает, когда ко мне обратится тот или иной пациент, кто это будет, как я должна ему помогать, какие виды лечения и какие травы использовать. Она оказывает мне огромную помощь.

Мое обучение и мое посвящение были традиционными. Я должна была зарезать козу, пить кровь, находить спрятанные вещи с помощью предсказания и тому подобное. Я зарезала козу в Свазиленде и корову здесь, в Соуэто. Корову спрятали от меня, и я должна была найти ее с помощью своих предков. Накануне моего приезда сюда предки совершенно ясно показали мне в сновидении, где будет спрятана корова. Мне было нетрудно ее найти. Когда я вернулась домой, люди были удивлены, узнав, что я сангома. Они помнили, как я помогала своим родителям в их практике, и как я работала медсестрой в больнице Барагванат. Теперь им приходилось привыкать к моей новой роли традиционного целителя.

Окончив обучение, я решила оставить работу медсестры. С самого первого дня, как только я начала свою целительскую практику, ко мне постоянно приходили пациенты. Я была все время занята, у меня не хватало времени для другой работы. Мой муж, отец троих моих детей, умер в 1994 году. Он оказывал мне большую поддержку в моей работе традиционного целителя. Когда я проходила обучение, он приезжал в Свазиленд повидаться со мной. Он был таким добрым. Он был зулу родом из Натала. Благодаря целительской практике я сумела обеспечить своих детей. Один мой сын изучает медицинскую экологию в Витс-Текникон. Мои младшие сыновья учатся в частных школах. Я у них одна, но я хорошо забочусь о нашей семье. Мой старший сын хочет сменить профессию и учиться медицине в университете. Он следующий, кому предстоит работать в области целительства и здравоохранения.

Во время обучения я нередко собирала вокруг себя учащихся и целителей, чтобы обсудить с ними возможность объединения и совместной работы. Я говорила: «Вы знаете наш обычай — если кто-нибудь умирает, то на похоронах мы помогаем друг другу. Почему бы нам не завести обычай, по которому сангома могли бы помогать друг другу в работе?» Эти люди не имели опыта в организационных вопросах и плохо разбирались в подобных делах. Я знала, как поддерживать чистоту в клинике, содержать в порядке традиционную аптеку; у меня были идеи относительно того, как следует организовать практику, и еще кое-какие дельные мысли. Я помогала им со всем этим.

Теперь, занимаясь подготовкой новых целителей, я учу своих *тхваса* тому, как вести бухгалтерию, как обеспечивать порядок и соблюдать правила гигиены в клинике. Все травы следует хранить в специальных сосудах, снабженных этикетками, истории болезни пациентов нужно вести подробно, с описанием методов лечения. Кроме того, я внушаю ученикам, что никогда нельзя нарушать указания, которые им дают предки. Например, целителя просят принять пациента, но у него появляются дурные предчувствия. В подобном случае целитель никогда не должен поступать вопреки своему чувству, исходящему от предков, даже если он нуждается в деньгах. Иначе у него могут возникнуть проблемы. Традиционные целители должны внимательно прислушиваться к предкам и строго следовать их указаниям.

В течение долгого времени я встречалась со многими целителями из всех уголков ЮАР. Все они были согласны с тем, что нам нужна национальная организация, которую со временем могло бы признать правительство. В 1993 году была создана Организация Практиков Традиционной Медицины. В 1994 году компания «Айси Хот» пожертвовала 30000 рэндов на проведение однодневной конференции. Мы пригласили целителей со всех концов ЮАР — двери были открыты для всех. Мы стремились создать центральный орган, под эгидой которого могли бы действовать многие более мелкие организации — от этого выиграли бы все традиционные целители. Необходимо было сформировать единый орган, от имени которого целители могли бы говорить с правительством, с частными предпринимателями и международными спонсорами. Мы объехали со своей программой все девять провинций ЮАР. В 1995 году мы обратились в правительство к мистеру Масондо. Он просил нас продолжать нашу организационную деятельность. Однако не все целители и не все мелкие организации стремились к объединению. Но это нас не обескуражило, поскольку мы видели все преимущества централизованного профессионального объединения. Мы продолжали свои поездки по стране, продолжая убеждать своих коллег-целителей.

27 марта 1996 года мы обратились в парламент с предложением о принятии законодательства, признающего права целителей, а затем начали проводить общенациональную переключку всех традиционных целителей, заинтересованных в том, чтобы иметь собственный Совет и собственное бюро регистрации. 26 октября 1996 года мы собирались в Венде, чтобы обсудить выработанные нами законы и результаты продолжающейся переключки. В Венде мы сформировали официальный орган, в который вошли целители из всех регионов. Этот орган будет заниматься вопросами организационной

структуры Совета целителей и регистрационного бюро. Совет целителей может давать рекомендации правительству, ясно формулируя наши требования. Я вхожу в состав исполнительного комитета из шести человек, которые стоят во главе всего организационного процесса.

Регистрационное бюро поможет установить необходимые критерии для определения приемлемого образовательного уровня и квалификации целителей. Нам также хотелось бы иметь своего человека, представляющего в парламенте сообщество целителей. Нам нужен министр традиционного целительства, который бы представлял наши интересы в южноафриканском регионе и на международном уровне. Мы хотим, чтобы ЮАР была лидером в вопросах здравоохранения и сотрудничества между традиционной и западной медициной. Нам необходимо организовывать конференции и выработать другие формы общения между целителями и профессиональными медиками. Мы хотим иметь возможность задавать вопросы, решать наши проблемы и делиться нашими достижениями.

Очерк 3. Нана Макханья — советник правительства по вопросам СПИДа и традиционная целительница

Меня заинтриговала совместная работа Наны Макханья и ее коллеги Хейди ван Роойен — психолога-клинициста. Их сотрудничество интересно тем, что Нана Макханья — штатный советник правительства и менеджер проекта по борьбе со СПИДом — широко известна также как традиционная целительница. Кроме того, Нана работала с Роуз Сمارт, главой Национального Проекта ЮАР по борьбе со СПИДом, в Питермарицбурге. В Квазулу-Натал они вместе проводили подготовку 250 традиционных целителей по проблемам СПИДа.

Сегодня Хейди, Нана и все сотрудники Центра подготовки, информации и коммуникации по проблемам СПИДа (ЦПИКС) в Питермарицбурге признают, что традиционные целители жизненно необходимы для их программы. Они также считают, что участие целителей может иметь решающее значение в исследовательских программах, особенно в том, что касается сбора данных и работы на местах. Члены общин доверяют целителям и не стесняются давать им истинную информацию, которую не всегда удается получить профессиональным медикам. Одновременно целители являются носителями национальных культурных ценностей, способствующих усвоению молодежью традиционных моральных норм в сфере сексуальных отношений, что помогает уменьшить заболеваемость СПИДом. Кроме того, массовое обучение целителей методам профилактики этого опасного заболевания позволяет свести к минимуму риск заражения матери и ребенка, а также и самой акушерки во время принятия родов. Не вызывает сомнений, что традиционные целители являются важным звеном в общих усилиях по профилактике СПИДа в регионе Квазулу-Натал в ЮАР.

Целительская деятельность Наны не всегда встречала позитивное отношение. Ревностная католичка, она подверглась остракизму после того, как прошла традиционное

обучение. Но ее репутация целительницы преодолела даже это серьезное препятствие, и в ноябре 1966 года в католической церкви была проведена церемония. Нану, облаченную в одеяние сангома, вновь приняли в лоно католической церкви и признали как традиционную целительницу. Нана говорит, что теперь католическая церковь включает раздел по традиционному целительству в программы подготовки будущих священнослужителей.

Принадлежность к западной церкви и практика древнего африканского целительства не вступают в противоречие в мировоззрении Наны. На правительственной службе она одевается также, как и другие специалисты, но приходя домой, она переодевается в традиционное облачение целительницы. Перед тем как консультировать своих пациентов, Нана молится. Она просит Бога прислать ее предков, ее ангелов-хранителей. Духи ее предков рассказывают Нане о болезнях пациентов и руководят ею в выборе лекарств. Говоря о важности целительства, Нана заявляет: «Мое призвание позволяет мне использовать только силы добра. Я знаю, что есть целители, способные причинять вред, но я не такая. Я только помогаю людям. Мои предки — мои ангелы — не позволяют мне поступать иначе».

— Мне было трудно вступить на этот путь традиционного целителя. Моя семья и все мои друзья получили западное воспитание и не поддерживали мой выбор. Когда мне было десять лет, я начала видеть сны о лекарственных травах, которые я собирала, но я никому об этом не рассказывала. Мои родители были ревностными католиками и верили, что все проблемы можно разрешить молитвой. И я молилась, но сны не прекращались. Повзрослев, я обрела дар предвидения. Но несмотря на все, что со мной происходило, я и вообразить не могла, что стану традиционным целителем. Для меня и моей семьи это было совершенно чуждо.

Когда умерла моя бабушка, со мной стало происходить что-то странное. Я не могла сосредоточиться во время занятий. Порой у меня в глазах все чернело, и я просто ничего не могла видеть. Так продолжалось несколько лет. В 1987 году я начала чувствовать недомогания других людей. Если окружающие нервничали, это сразу же передавалось и мне. Если у кого-то болел живот, я начинала ощущать такую же боль. Тогда я решила стать умтхандази — целительницей через веру. Мне казалось, что этот вид целительства с помощью молитвы и святой воды не противоречил моей вере и моему воспитанию. Но беспокойство не оставляло меня, и мои проблемы не исчезли.

Лишь гораздо позже, когда я была беременна вторым ребенком и продолжала испытывать все те же проблемы, друзья отвели меня к традиционному целителю. Целитель сказал, что моя бабушка хочет, чтобы я стала сангома. Как только я приму это призвание, все неприятности прекратятся. Его слова оказались для меня полнейшей неожиданностью, поскольку покойная бабушка была ревностной католичкой. Бывало, мы даже поддразнивали ее: «Ба, тебе стоило бы стать монахиней». Она совершенно не верила во всю эту «традиционную ерунду».

Примерно в то же время у меня начались видения, которые меня напугали. У меня было видение ужасного насилия над жителями небольшого городка Ричмонд близ Питермарицбурга, с мэром которого я была знакома. Эти события вскоре действительно произошли. Как и прежде, я продолжала ощущать, где люди находятся, что они говорят, что делают. Иногда я посещала других целителей верой в надежде, что они помогут мне разобраться в сновидениях, смысла которых я не понимала. К несчастью, эти люди оказались завистливыми. Вместо того чтобы помочь, они хотели ослабить мои способности. Я уже начала думать: «Может, мне и вправду суждено принять призвание предков». Но я не знала, где найти учителя, и к тому же слыхала, что обучение сангома слишком дорого стоит. Поэтому я продолжала заниматься проблемой профилактики СПИДа, своей практикой целительства верой и даже участвовала в избирательной кампании 1994 года в ЮАР.

Однажды мне позвонила из Йоханнесбурга моя старшая дочь. К тому времени мне было уже тридцать четыре года, я была матерью четверых детей, которых воспитывала одна, и недавно даже стала бабушкой. Моя дочь серьезно заболела и, как к последней надежде, обратилась к традиционному целителю. Я никогда не встречалась с этим целителем, и моя

дочь не говорила с ним обо мне. Несмотря на это, он сказал ей: «Если твоя мать не последует своему призванию стать сангома, ты не поправишься». Помню, это случилось приблизительно через неделю после выборов 1994 года, и мне только что заплатили за работу. Внезапно я услышала голос бабушки: «Разве сейчас у тебя нет денег? Не кажется ли тебе, что человек, к которому обращалась твоя дочь, и будет твоим учителем? Разве не его ты ждала?» Это было для меня последним знаком.

Именно этот целитель стал моим главным наставником. Он учил меня разбираться в травах, диагностике, лечению, традиционным танцам и познакомил меня с традиционной системой иерархии целителей. Наши бусы и одеяния подобны нагрудным табличкам, которые носят медсестры. Сегодня я очень горда, что стала настоящей сангома и что в конце концов обратилась к моему истинному призванию. Это не противоречит моему католическому воспитанию, потому что я верю в Бога и предков, которые подобны ангелам-хранителям и являются посредниками между нами и Богом. Мне больно наблюдать лицемерие верующих людей по поводу традиционного целительства. Многие из тех, кто считает себя истинными христианами, утверждают, что никогда не обращаются к традиционным целителям, но по ночам они выстраиваются в очередь у моего дома. Нет нужды делать это вот так, тайком. Христианскую веру и традиционное целительство можно сочетать открыто и не теряя достоинства.

Даже сегодня, как и во время моего обучения, очень многое о лекарственных растениях я узнаю во сне. Например, кто-то приносит мне травы, которые мне незнакомы. Я оставляю их у себя, поскольку знаю, что мне обязательно приснится сон, в котором мне подскажут, что это за травы, как их следует использовать и даже для кого они предназначены. Я не бросаю кости. Просто я молюсь, и мои предки, мои ангелы-хранители подробно рассказывают, что я должна делать. К целительству меня привела бабушка, и до сих пор она остается моим самым близким предком и советником. Именно она часто показывает мне новые лекарственные травы и то, как их использовать для лечения.

Как сангома, я должна действительно благодарить предков, которые мной руководят. Но даже обычный человек может многому у них научиться. Предки говорят с каждым из нас множеством способов. Они могут явиться нам во сне или в видении. Их голос может зазвучать у нас в голове и подсказать какую-нибудь мысль. Мы всегда можем рассчитывать на помощь предков. Нам просто следует сосредоточиться, чтобы услышать их, и без колебаний следовать их указаниям.

Мы в Африке нуждаемся в большем взаимодействии врачей и целителей. Каждый из нас лечит по-своему, у каждой профессии есть свои сильные и слабые стороны. Поэтому нам пора перестать говорить пациентам: «Я могу», зная, что мы не можем. Если мы не в состоянии вылечить пациента, то должны смело направлять их к другому целителю или к врачу. Чтобы наша жизнь стала лучше, мы не должны брать на себя роль судьбы, не должны наказывать из мести. Право судить и наказывать принадлежит Богу и предкам.

У традиционных целителей есть надежные, вполне безопасные лекарства из трав, но мы знаем, когда пациента необходимо направлять к врачу. В наших общинах у нас сложились добрые отношения с профессиональными медиками. Но именно мы умеем распознавать психические аспекты болезни. Например, у беременной женщины начинается кровотечение. Это очень серьезный симптом. Она может потерять ребенка, и я направляю ее в ближайшую больницу. Однако после лечения, особенно если женщина теряет ребенка, ей необходима консультация традиционных целителей. Пациентка должна знать причину случившегося с ней несчастья. Возможно, она чем-то обидела своих предков? Следует ли ей провести какие-либо традиционные церемонии, чтобы ее отношения с предками наладились? Официальная медицина не может в этом помочь. Это — наша специальность.

В настоящее время в ЮАР наблюдается прискорбный упадок нашего природного, традиционного уклада. В крупных городах, особенно в Йоханнесбурге, Дурбане и даже здесь, в Питермарицбурге, люди перестали следовать законам предков. Это порождает

смятение и, как следствие, — насилие и преступность, причем даже в собственных семьях. В современном мире нет порядка, люди начинают забывать традиции и правила, которым следовали в течение веков. Чтобы браки оставались долговечными, а семьи — прочными, чтобы правильно растить и воспитывать наших детей, необходимы именно наши традиционные методы.

Есть хорошие врачи и медсестры, которые понимают, что их пациенты все равно обращаются к нам. Эти профессиональные медики действительно работают с нами в контакте, но их не так уж много. Доктор Роз Коулмен сотрудничает с учебным центром Аматикулу, укрепляя контакты между целителями и врачами. Такие государственные клиники, как Инанда, направляют своих ВИЧ-инфицированных пациентов к традиционным целителям. Пациентам с положительным результатом теста на ВИЧ врачи говорят, что их болезнь неизлечима. А в культуре зулу «неизлечимую болезнь» может лечить только традиционный целитель. Целители приходят к нам в ЦПИКС, а мы выезжаем к ним с учебными семинарами — мы все хотим понять и остановить эту ужасную болезнь, которая слишком быстро распространяется.

Порой нам приходится бороться, чтобы заставить больницы работать с ВИЧ-инфицированными и с больными СПИДом. Возможно, персонал больниц действительно перегружен из-за слишком большого числа пациентов, но все равно известно много случаев равнодушного отношения к больным СПИДом. Медицинский персонал не всегда понимает всю важность консультирования ВИЧ-инфицированных. В больницах Дурбана есть палаты для больных СПИДом, но среди медицинского персонала нет специалистов-консультантов. Они считают консультирование больных СПИДом дополнительной нагрузкой, отрывающей их от основных обязанностей. Легко понять, какие проблемы при этом возникают. Традиционные целители тоже бывают очень перегружены работой, но они ответственно относятся к своему высокому призванию. Они в ответе перед высшим «начальством» — своими предками. И они изо всех сил стараются помочь людям, больным СПИДом, их семьям, всей их общине. Целитель никогда не осудит больного, чем бы он ни был болен. Поэтому неудивительно, что медики направляют к нам своих пациентов. Со временем наше партнерство должно укрепиться и стать более прочным.

Очерк 4. Куин Нтули — целительница-зулу в первой традиционной лечебнице ЮАР

Традиционная лечебница в Дурбане — первая независимая клиника подобного рода в ЮАР. Именно здесь традиционная целительница Куин Нтули лечит пациентов и одновременно обучает работников здравоохранения. Подобно Исааку Майенгу и Номсе Дламини, Куин принадлежит двум мирам — миру науки и традиционного целительства. Она бросает кости для установления диагноза, но кроме этого, может сверять «ответы, полученные от предков» с показаниями тонометра и термометра, а также учитывать результаты анализов, которые по ее направлениям проводятся в медицинских лабораториях. В этой лечебнице используются только природные лекарственные растения. Для Куин

специально собирают травы, корневища и кору на территории ЮАР и за ее пределами. Это лекарственное сырье поступает в лабораторию на Уорвик-авеню в Дурбане, и для его переработки используются процессы, не нарушающие чистоты и натуральных свойств трав.

Эта уникальная традиционная лечебница располагается в самом центре шумного делового района Дурбана — рядом с рабочим общежитием и недалеко от государственных больниц и клиник. Куин и доктор Квади, врач клиники, находящейся по соседству на Филд-стрит, нередко направляют друг к другу своих пациентов. Куин полагает, что некоторые болезни следует лечить традиционными африканскими методами, тогда как с другими успешнее справляется западная медицина. Например, считается, что западная медицина идеально подходит для оказания экстренной помощи и интенсивной терапии, и для подобных случаев у Куин есть круглосуточная диспетчерская служба скорой помощи. Для многих пациентов наиболее эффективным нередко оказывается сочетание различных методов лечения. Куин говорит: «Люди на протяжении многих поколений верили в традиционное целительство, но в то же время они постоянно слышат о чудесах современной науки. Мы стараемся предлагать все лучшее, что сочетают в себе оба эти направления».

Независимая традиционная лечебница произвела на меня большое впечатление — настолько чистой, аккуратной и уютной выглядела она во время моего посещения. Несмотря на исключительную занятость, Куин всегда приветливо улыбалась. Когда она входила в комнату, казалось, что в ней становится светлей. Мне прежде никогда не приходилось видеть в крупном медицинском учреждении столько смеха, улыбок и доброжелательности в отношениях между персоналом и пациентами. Несмотря на напряженную работу, каждый сотрудник четко знал свои обязанности и свое конкретное дело. Кто-то наклеивал этикетки на сосуды с лекарственными травами и корой и расставлял их вдоль стены. Медсестры проверяли и заполняли истории болезней. Работа клиники напоминала хорошо отлаженный механизм. Люди постоянно советовались друг с другом, и все здесь было пронизано искренним желанием учиться.

— Мои родители не верили в традиционное целительство. Мой отец был священником методистской церкви, которая запрещала своим прихожанам обращаться к целителям. Но когда меня поразила болезнь сангома, родители обнаружили, что медицина бессильна что-либо сделать. Они обращались в больницы, потом к целителям верой из «Апостольской церкви». В конце концов у них не осталось иного выбора, как прибегнуть к помощи традиционных целителей.

Я родилась 13 октября 1959 года в Квамгваназе в провинции Квазулу-Натал, недалеко от Мозамбика. Когда я была ребенком, мои родители переехали в Дурбан, и там я училась в средней школе, а затем поступила в высшее учебное заведение. В школьные годы у меня начались проблемы с глазами и появились такие сильные головные боли, что порой я теряла сознание. У меня часто возникали внезапные кровотечения. Я болела почти непрерывно, и это очень пугало и беспокоило меня.

Болезнь продолжалась во время моего обучения в педагогическом колледже, она не оставляла меня и в период преподавательской работы в школе, и даже позднее, когда я проходила секретарский курс в Меребанк-Текникон. Головные боли становились все сильнее. Я не могла есть, меня беспокоили дурные сновидения. В конце концов я все же посетила традиционного целителя, который бросил для меня кости и приготовил специальное лекарство из трав. В тот вечер моя головная боль прекратилась, и я прекрасно уснула. Во сне меня посетили мои предки и сказали, что я должна учиться, чтобы стать сангома.

Я сразу же почувствовала облегчение. Это было похоже на чудо — мучившая меня постоянная боль мгновенно прошла. Наконец нашелся кто-то, способный мне помочь. Я снова отправилась к этому традиционному целителю. Он пригласил меня учиться в его доме на королевских территориях Нимфуме на южном побережье. В моих снах предки подтвердили, что это подходящее место для того, чтобы учиться. Я оставила свои занятия и

приняла предложение целителя. Таким образом, в 1983 году я прошла годичное обучение. Пожилая дама, которая меня учила, была целительницей-сангома. Она исцеляла верой и занималась траволечением. За время обучения я узнала все о лекарственных растениях, о том как диагностировать и лечить болезни, как и когда заглядывать в будущее, чтобы помогать пациентам. Предки продолжали приходить ко мне в сновидениях и учили еще многому, в том числе этике целительства. Мои предки отличаются высокой нравственностью и требуют от меня того же.

Когда я завершила обучения в 1984 году, предки дали мне указание начать собственную целительскую практику в Дурбане и, кроме того, заняться подготовкой собственных учеников. Впервые в моей взрослой жизни я была довольна своей работой. Я старалась использовать все, чему научилась у наставницы, и была счастлива делиться знаниями со своими учениками. Они нашли дорогу ко мне так же, как нашла ее я к своей наставнице.

В моей целительской практике мне очень помогала моя мать — квалифицированная акушерка. Наши пациенты только выигрывали от нашего сотрудничества. Таким образом, с первых дней моей целительской работы у меня установился контакт с официальной медициной. Кроме того, я сразу же вступила в Ассоциацию традиционных целителей «Саншайн», где смогла изучить множество различных методик лечения, гомеопатию и западную медицинскую науку. В Ассоциации целителей «Саншайн» я познакомилась с доктором Квади — человеком, который оказал большое влияние на мою жизнь. И по сей день мы сотрудничаем и проводим совместные консультации. Он ознакомил меня со своим подходом к лечению СПИДа и объяснил, как в еще большей степени сочетать традиционную и современную медицину.

Я практикую как сангома и целительница верой. Это приносит хорошие результаты, поскольку некоторые пациенты не верят в лечебное действие лекарственных трав, и мне приходится молиться за их излечение от недугов. Чтобы помочь этим больным, мне приходится молиться от трех до семи дней. В течение этого времени пациенты остаются у меня. При таком лечении я использую святую воду, свечи и Библию. Однако большинство своих пациентов я лечу и молитвой, и лекарственными травами. Обычно редко кто пользуется для лечения только молитвами или только травами. Большинство целителей применяют и то, и другое. Благодаря своему воспитанию и призванию я знаю, каким образом и когда сочетать эти методы. Сегодня, занимаясь традиционным целительством, исцелением верой и гомеопатией, я могу помочь почти всем своим пациентам. Кроме того, я советуюсь с хирургом, который работает в моей клинике, и учусь у него. Некоторым из моих пациентов нужны лекарственные травы и исцеление верой, но есть и люди настолько больные, что нуждаются в неотложной помощи врача. Именно поэтому я попросила своего коллегу-хирурга открыть свою практику в помещении моей клиники.

Я живу в местечке Фоллвени, где отсутствуют коммунальные службы, нет ни больницы, ни поликлиники, ни государственного или частного врача. Больные приходят к моему дому, и я должна вызывать для них скорую помощь. В ином случае им пришлось бы идти пешком в полицейский участок и звонить оттуда. Тяжело больные люди могут даже умереть, дожидаясь помощи. В этой области, в Фоллвени, часто случались мятежи, поджоги домов и массовые беспорядки. Люди, желавшие нам помочь, были напуганы, так как здесь было небезопасно. Сейчас в Фоллвени более спокойно, строится клиника. Община захотела, чтобы новая клиника находилась рядом с моей, и мне это приятно.

После окончания обучения в ноябре 1983 года я вернулась домой и была представлена общине как сангома. Мне пришлось пройти положенную церемонию: я зарезала козу, затем корову, а потом нашла спрятанные вещи. Я должна была доказать общине, что я действительно сангома. Сразу после этой церемонии ко мне начали приходить пациенты. Я заметила, что если у пациента болит голова, я ощущаю эту боль и в своей голове. Информация о человеке и о его болезни приходит ко мне очень быстро. В течение мгновений я узнаю, где и почему пациент испытывает боль и как ее исцелить.

В таких местах, как Свазиленд, особенно в сельских районах, люди верят сангома, которые бросают для них кости. Пациенты ожидают этого. Если сангома не бросает кости, пациент может чувствовать себя очень стесненно, не доверять целителю и не верить в исцеление. Однако сангома могут и не использовать кости для получения информации. Информация может просто напрямую приходить к ним от предков. Из уважения к пациенту, ради его спокойствия целитель может бросать кости — но он и без этого уже все знает, прежде чем они упадут на циновку.

Мы открыли независимую традиционную лечебницу в июле 1996 года. Начинали мы с небольшой клиники, в которой лечили пациентов и обучали традиционной медицине будущих медсестер, которые интересовались народным целительством. Обучение медсестер длилось один год, и прежде чем приступить к практической работе, они прошли четырехмесячную теоретическую подготовку. Им нужно было многое узнать о народных традициях ухода за больными. Медсестры сами просили меня обучить их всему этому. Чтобы стать квалифицированной медсестрой, необходимо иметь десятилетнее образование, сертификат об окончании курса по оказанию первой помощи и пройти подготовку домашней медсестры. Если оказывается, что медсестры слабо подготовлены, мы с моим коллегой-доктором Квади помогаем им пополнить недостающие знания.

Плата за обучение медсестры составляет 400 рэндов. Эти деньги не покрывают наших затрат полностью, но все же служат нам некоторым подспорьем. Одновременно мы обучаем до пятидесяти медсестер. Большинство из них будут работать в традиционных лечебницах подобного типа. Обученные нами сестры умеют разбираться в симптомах различных болезней, знают способы их лечения, знакомы с методикой приготовления лекарственных трав — но они не сангома. Если подготовленная нами медсестра будет работать в государственной больнице, то ее знания традиционной медицины могут послужить источником крайне полезной информации для медицинского персонала, и ее помощь может оказаться бесценной для больных. Представители министерства здравоохранения уже посещали нашу лечебницу, но они не в состоянии оказать нам финансовую поддержку, так как мы — частная организация. Но мы все же продолжаем переговоры, и я надеюсь, что со временем они найдут способ нам помочь.

Мои пациенты приезжают отовсюду — из Йоханнесбурга, Кейптауна, Зулуленда. Наша клиника стала известна во всей Южной Африке. Пациентов, которые к нам обращаются, вначале опрашивает медсестра. Некоторые не возражают против беседы с медсестрой, и таким образом можно собрать предварительную информацию о больном и занести ее в историю болезни. Другие по разным причинам не желают отвечать на вопросы медсестер и хотят сразу увидеться со мной. По традиции сангома, я сама должна объяснить пациенту, что с ним происходит. Только тогда он сможет мне доверять и будет считать меня хорошей сангома. После нашей встречи они не возражают против помощи медсестер. Я обязана принять и выслушать любого человека. С июля по октябрь 1996 года я приняла около тысячи пациентов.

Со мной работает традиционный целитель Мнтсхали. У него исключительный дар, и он очень любит свою работу. Это заметно по тому, с какой любовью к нему относятся персонал и пациенты. Мнтсхали с двенадцати лет глухой и, общаясь с пациентами, он пользуется ручкой и блокнотом. Кроме того, у него есть помощник, который записывает все, что пациент говорит во время консультации. Но когда Мнтсхали получает сообщения от своих предков, он не пользуется никакими записями, а говорит четко и уверенно.

Скорее всего, я не могла бы выполнять свою работу в одиночку, так как мы ведем прием пациентов круглосуточно. Некоторых мы сразу направляем в госпиталь короля Эдуарда или в другие больницы. Если пациент сильно обезвожен, его нельзя лечить травами. Его необходимо немедленно отправить в больницу. Пациенты, страдающие астмой, нуждаются в особом уходе, который могут обеспечить только в больнице. Больным с серьезными травмами также необходима срочная медицинская помощь. И разумеется, тесты

на ВИЧ тоже проводятся только в медицинских лабораториях. Ознакомившись с результатами тестов, мы, чтобы не допустить дальнейшего распространения вируса, принимаем соответствующие меры безопасности — это и хирургические перчатки, и одноразовые скальпели и др.

Мы тщательно и подробно ведем истории болезней и строго соблюдаем меры гигиены. Лекарственные травы в нашей клинике хранятся в чистой посуде, снабженной этикетками с указанием дозировки. Я считаю, что мои занятия гомеопатией в дополнение к целительской подготовке помогают мне поддерживать в своей клинике нормы гигиены, необходимые для настоящего медицинского учреждения.

Многих людей присылают к нам официальные медики. Они не дают им письменных направлений, как следовало бы, поскольку правительство пока не приняло законов в отношении традиционного целительства и сотрудничества с такими организациями, как наша. Однако на неофициальном уровне практика направлений существует. Например, иногда больные туберкулезом приходят к нам с запиской от своего врача, в которой сообщается, какие лекарства им нужно принимать. Я надеюсь, что со временем у меня появится возможность установить более тесные связи с официальными медиками по всей стране. Многие обращаются к нам с просьбами помочь в организации таких лечебниц, как наша. Но пока мы крайне стеснены в средствах. У нас даже нет собственного транспорта — а ведь часто приходится лечить людей из отдаленных мест. Мы должны обучать специалистов, чтобы они могли создавать свои собственные лечебницы. Мы должны учить будущих наставников, которые будут работать с нашими медсестрами.

Какая у меня специализация? Я лечу множество разных болезней, в том числе и такие тяжелые, как инсульт, диабет и астма. Кроме того, мне приходится помогать пациентам решать их личные и эмоциональные проблемы, связанные с неудачами на работе, в семейной жизни и т. п. Иногда врачи-психиатры считают некоторых своих пациентов психически больными. Однако возможно, что эти люди нуждаются лишь в изгнании злых духов. Зачастую это просто «шаманская болезнь», которую западные врачи не умеют лечить и поэтому объявляют таких пациентов сумасшедшими и недееспособными. Эти пациенты нередко приходят к нам, и мы помогаем им.

Одна женщина привела ко мне свою домработницу, которой поставили диагноз — истерия. Я излечила ее от этой болезни традиционными средствами, и сейчас она снова вернулась к работе и очень счастлива. Бывает, что пациент не способен говорить или поддерживать нормальную беседу, а издает лишь животные звуки. Такие случаи я тоже излечивала. Кроме того, я успешно лечила эпилептические припадки, ночные кошмары, тягу к самоубийству, бесплодие, избавляла от финансовых и личных неурядиц.

Нам в ЮАР так много пришлось страдать. Сегодня целители нужны больше, чем когда-либо. В случаях издевательств и сексуального насилия над детьми мы консультируем всю семью. Сейчас наблюдается рост преступности и насилия, происходит все больше случаев сексуального надругательства над детьми. Эти насильники и преступники утратили свои традиции и забыли свои обычаи. Такие люди способны надругаться над собственной дочерью. Все это просто ужасно. Эти люди больны, и им необходимо возвратиться к их обычаям и естественным законам человеческой жизни.

Сейчас все больше появляется больных астмой и диабетом. Некоторые из этих пациентов вдыхают ядовитые отходы заводов, расположенных вблизи их жилья. Заводы, отравляя воздух, оказывают вредное воздействие на многих людей. У некоторых пациентов диабет появляется из-за плохого питания. Для таких пациентов мы применяем программу очищения организма от ядов. При необходимости мы используем клизмы, рвотные средства и другие очистительные процедуры. Мы учим их правильно питаться. В западных странах люди живут дольше. Они регулярно занимаются спортом, потребляют натуральные продукты. Они хотят жить лучше. Сидячий образ жизни — это противоестественно для человека. Раньше мы много ходили пешком и ели лишь то, что сами выращивали. Теперь все изменилось, мы живем в городах, но еще полностью не приспособились к городской жизни.

Многие болезни происходят от того, что мы до сих пор не научились жить в городе.

Постепенно я наблюдаю, как болезни моих пациентов отступают. Я замечаю это даже у больных СПИДом. Конечно, я не могу утверждать, что способна излечить все болезни, к тому же мы не имеем необходимого оборудования для проверки результатов лечения. Однако я уверена, что мы продлеваем людям жизнь и улучшаем ее качество с помощью диет, лекарственных трав и специальных упражнений. Эти люди могут лучше и с большей пользой прожить свою жизнь. Главное, что мы даем больным СПИДом, — это надежда. Мы консультируем таких больных и предлагаем им изменить свой образ жизни. Мы снабжаем своих клиентов презервативами.

Некоторые ВИЧ-инфицированные еще не больны СПИДом. Возможно, они, не ощущая никаких симптомов заболевания, сдавали анализ крови на ВИЧ просто для страховки, и им сообщили, что результаты теста положительны. Эти люди бывают очень напуганы и убеждены, что скоро должны умереть. Они впадают в панику, они перестают есть и заботиться о себе. Персоналу лабораторий и больниц необходимо учиться правильно и тактично относиться к таким пациентам, быть внимательными и доброжелательными в общении с ними. Необходимо проводить консультации до и после тестирования.

Медицинский персонал нуждается в переподготовке. Медики должны быть более чуткими к пациентам. А пока этого не произошло, пациенты обращаются ко мне, и мне приходится исправлять ошибки врачей. Я должна возратить им уверенность, снять чувство беспокойства и подавленности.

Многие считают, что СПИДом заболевают люди, ведущие неправильный образ жизни, то есть плохие люди. И когда человек больше всего нуждается в поддержке и понимании, он оказывается в полной изоляции. Поэтому семья и община больного СПИДом нуждаются в достоверной информации. По вполне понятным причинам пациенты хотят сохранять в тайне результаты тестирования, но я должна помочь им понять, что их партнеры также должны пройти проверку на ВИЧ. Это нельзя держать в секрете. Консультации, которые я провожу с семьями и общинами, обычно дают хорошие результаты. Если люди понимают все правильно, они могут оказать серьезную помощь своим близким.

В случае венерических заболеваний мы сразу же посылаем пациента к профессиональному врачу, который обычно назначает лечение антибиотиками. Это очень важно. Если пациент не пройдет курс лечения антибиотиками, он не вылечится и может заразить других. Лечение антибиотиками я дополняю лекарствами из лечебных трав. В течение всего курса такого лечения пациент должен пользоваться презервативами. Мы стараемся не допустить дальнейшего распространения болезни. Кроме того, мы консультируем пациентов с заболеваниями, полученными половым путем. Некоторые из них обращаются к нам, считая, что их околдовали или что их болезнь вызвана недовольством предков. Но я объясняю им истинную причину болезни и назначаю лечение.

Куин принимает *тхваса*, или учеников, которые увидели ее во сне и которых привели к ней их предки. Она учит их, постепенно передавая свой опыт. Продолжительность обучения зависит от способностей человека и уровня его исходных знаний. Куин говорит, что некоторые *тхваса* после завершения обучения возвращаются к своим прежним профессиям, так и не открыв целительскую практику. Обучение просто помогает им обрести душевное равновесие и чувство уверенности. В этих случаях обучение равносильно лечению.

Куин предвидит создание более совершенной системы здравоохранения в ЮАР. Она отдает много времени и сил подготовке целителей нового типа, которые должны работать в такой системе, в которой пациент может рассчитывать на лечение в полном объеме, сочетающем профессиональную медицинскую помощь с традиционными народными методами врачевания. Куин готовится к будущему сотрудничеству, следуя указаниям своих предков и рекомендациям коллег-медиков. А пока сотни пациентов находят дорогу к ее двери, и ее благородная работа, сочетающая в себе древнюю мудрость с современной медициной, продолжается.

Очерк 5. Мерси Манси — целительница из народа коса и основатель организации традиционных врачей Ньянгазезизве

Мерси Манси — опытная целительница из народа коса — 1111 пользуется большим уважением в сообществе традиционных целителей. Она рассказывала о своей работе в Японии, Германии, США, на Ямайке и в нескольких африканских странах. В 1989 году Мерси основала Организацию традиционных врачей Ньянгазезизве, объединяющую традиционных целителей для совместного решения профессиональных вопросов, а также для обмена информацией и учебными программами. Эта организация со штаб-квартирой в провинции Гаутенг в настоящее время насчитывает 4585 практикующих традиционных целителей из пяти регионов ЮАР.

Ньянгазезизве признает важность экономической независимости как для своей организации, так и для общин, которые она обслуживает по всей территории ЮАР. Члены этой организации основало ряд программ самопомощи, в том числе трехмесячную школу шитья, выпускники которой способны производить разнообразные потребительские товары (одежду, одеяла, простыни и т. п.), а также пекарню, кирпичное и свечное производство. Кроме того, были созданы курсы по ликвидации неграмотности среди взрослых, преподаются навыки машинописи и работы на компьютере. Поскольку традиционные целители — первые, к кому обращается большинство сельских жителей, Ньянгазезизве считает, что грамотные целители могут оказать большую помощь в организации медицинской статистики. Эти статистические данные помогут правительству разработать и принять законы, необходимые для правильной организации национальной системы здравоохранения. Кроме того, Ньянгазезизве добивается официального признания традиционных целителей.

В 1994–1996 годах усилия Ньянгазезизве, направленные на объединение руководства традиционных целителей вокруг проблем СПИДа, получили поддержку международных спонсоров. Они финансировали разнообразные учебные семинары, конференции и мероприятия в рамках Всемирного Дня борьбы со СПИДом. К сожалению, координационный совет, состоявший из 36 ведущих традиционных целителей, просуществовал недолго. Когда лидеры традиционных целителей соперничают за положение и власть (что случалось и в прошлом), в первую очередь страдает дело. Однако, как считают, объединить усилия традиционных целителей сейчас может единственная угроза — эпидемия СПИДа. И все же попытки Ньянгазезизве создать дееспособную организационную структуру, судя по всему, потерпели неудачу. Возможно, существует необходимость создания какого-либо независимого органа, который объединит все ассоциации традиционных целителей. Разумеется, такой орган должен финансироваться государством или серьезными спонсорами. Кроме того, все понимают, что для объединения традиционных целителей в профессиональную организацию необходима их добрая воля — здесь не поможет никакое давление извне. Существует множество свидетельств неформального успешного сотрудничества традиционных целителей друг с другом и с медицинским

сообществом. Когда дело касается больных и их лечения, политика уходит в сторону.

Прекрасным примером сотрудничества может служить Ньянгазезизве. Заключив контракт на осуществление программы подготовки целителей для борьбы с ВИЧ/СПИД, Ньянгазезизве пригласила лидеров организаций традиционных целителей из восьми регионов ЮАР. Во время совместной подготовки у этих целителей не возникало никаких разногласий.

Деятельность Организации традиционных врачей Ньянгазезиеве началась в 1989 году в Хвахлвази — родной деревне Мерси. Вскоре растущее количество административной работы, которую из-за отсутствия коммунальных служб невозможно было вести в сельской местности, потребовало открытия конторы в близлежащем городке Флагстаф.

Во время моего приезда в Транскеи меня сердечно приветствовали руководитель филиала Ньянгазезизве во Флагстафе и Хвахлвази Мари Номнква и группа традиционных целителей. В конторе повсюду были развешаны плакаты, посвященные профилактике СПИДа, работали компьютер и копировальные аппараты, пожертвованные пивоваренной компанией «Соргхум». Контора имела опрятный и деловой вид. Меня принимали шесть традиционных целителей в возрасте от тридцати пяти до пятидесяти лет. У каждого из них был по меньшей мере десятилетний опыт практической работы в Хвахлвази, Бизане, Тхабанкулу, Лусикисики, Кокстаде и Флагстафе. Хотя им и пришлось добираться на эту встречу из разных, порой отдаленных мест, они выглядели очень оживленными и возбужденными, искренне желая поделиться своими мыслями и опытом.

Их в первую очередь волновала проблема СПИДа — и растущее число пациентов, с которыми им приходится встречаться, и нехватка ресурсов. Все эти сельские целители участвовали в программе подготовки по проблеме ВИЧ/СПИД и включили этот новый курс в обучение будущих сангома. Эти целители-энтузиасты и их коллеги по Ньянгазезизве сумели повысить эффективность и масштабы просветительской работы по проблеме СПИДа и другим вопросам первой медицинской помощи. Они обсуждали эти вопросы на собраниях «Це-Це». «Це-Це» — это собрание, на котором могут присутствовать сотни целителей со всего региона. Они съезжаются, чтобы представить нового целителя, недавно прошедшего посвящение, его общине. На этих собраниях традиционные целители из Ньянгазезизве организуют семинары, демонстрации и курсы переподготовки. Кроме того, они делятся отечественной и зарубежной информацией, которую получают из своей штаб-квартиры в Гаутенге.

На первых порах целители испытывали затруднения, обсуждая вопросы секса друг с другом и со своими пациентами. Со временем, приобретая опыт и благодаря подготовке по проблеме ВИЧ/СПИД, они сумели преодолеть чувство неловкости. Узнав больше о болезнях, передающихся половым путем, эти целители из народа коса стали чаще направлять своих пациентов в медицинские лаборатории для проведения анализов. Сейчас при обработке открытых ран, чтобы избежать распространения инфекции, целители используют для нанесения лекарств специальный инструмент наподобие шпателя. Таким образом они избегают прямого контакта с кровью пациента. Конечно, чтобы сохранить лечебный контакт с пациентом, целители предпочли бы в подобных случаях хирургические перчатки. Но перчатки стоят дорого, и их трудно найти в сельских районах.

Целители из народа коса сталкиваются и с другими серьезными проблемами. Анализы крови на ВИЧ сейчас уже не делают ни в Умтата, ни в других более мелких городках или поселках. Теперь образцы крови нужно отсылать еще дальше, в Ист-Лондон. Анализы слишком дороги для сельских жителей. Когда у целителей возникает подозрение, что человек инфицирован ВИЧ, «пациент просто отправляется домой и со временем умирает. Никаких анализов крови не проводится. Когда полностью развивается СПИД, пациенту не дают никаких лекарств для облегчения боли и страданий». В государственных клиниках недостает даже самых необходимых медикаментов. Старшая медсестра, которая позднее присоединилась к нашей дискуссии, рассказала, что ей часто приходится просить у традиционных целителей презервативы, поскольку ее собственные запасы зачастую не

пополняются.

Несмотря на отсутствие в Транскеи телефона, радио, телевидения и транспорта, меня поражала информированность местных целителей. Многие из них к тому же неграмотны и для них недоступны даже те печатные материалы, которые к ним попадают. И все же целители Ньянгазезизве, используя личные беседы и простейшие плакаты, оказывают влияние на тысячи людей в общинах.

— Я родом из деревни Хвахлвази, что в Восточной Капской провинции ЮАР, примерно в тридцати минутах езды от Флагстафа, — рассказывает Мерси. — Родилась я 28 сентября 1955 года. У матери нас было девять детей — три девочки и шесть мальчиков. Мать так и не вышла замуж, и у ее детей были разные отцы. Моим отцом был суто из Кокстада. К несчастью, он умер в 1980 году. Моя мать — не сангома. Когда я росла, традиционным целительством занималась мать моей матери, но она вышла замуж за христианского священника. В наши дни христиане понимают традиционных целителей и даже консультируются у них, но в те времена моя бабушка, будучи женой христианского священника, больше не могла проводить свои целительские церемонии. Ее муж этого не принимал. Поэтому она обратилась за помощью к традиционному целителю.

Этот целитель говорил с ее предками. Предки были недовольны: она получила дар целительства и не использует его. Тогда сангома зарезал черную корову, чтобы умиловить предков. Он просил их не заставлять мою бабушку выполнять церемонии, которых не одобряет ее муж. Бабушка не утратила дара целительства, и продолжала исцелять, но уже без ритуалов. Она ходила в лес и собирала лекарственные растения. Она тайно помогала пациентам и лечила их, но теперь не брала за это никакой платы. Вы понимаете, она любила своего мужа. Из уважения к его вере, к его положению в общине она закрыла свою дверь перед предками. Сделать это ей было очень трудно, но ее муж был в общине уважаемым человеком, занимавшим важное место. Она решилась на эту жертву из уважения и любви к своему мужу.

Предки моей бабушки поняли, в какой ситуации она находится, но, поскольку она приложила такие усилия, чтобы связаться с ними, поддержали ее решение. Они знали, как трудно ей было отказаться от традиционного образа жизни и не проводить больше целительские церемонии с танцами и барабанным боем. Они видели, насколько велика сила ее убеждения. Поэтому они решили выбрать другого человека для выполнения ее обязанностей и позволить ей продолжать заниматься целительством по-своему — тайно. Предки оставались с ней. С предками так бывает — иногда они просят сделать что-либо крайне затруднительное в вашей ситуации, что даже может обидеть ваших близких. В этом случае вы должны поговорить с предками, рассказать им о своих проблемах.

Предки не оставят вас просто потому, что вы не можете выполнять их требования. Они видят, насколько истинно и искренно ваше стремление, и они могут пойти вам навстречу. Даже после того, как бабушка решила отказаться от некоторых церемоний и внешних знаков традиционного целительства, она не утратила способность «видеть» и знать, что происходит с людьми. Поэтому община продолжала обращаться к ней за помощью. Если бы предки рассердились на нее или сочли слабой или неправой, тогда бы ее способности пропали.

Моя бабушка не бросала кости, чтобы определить, чем болен пациент. В ЮАР традиционные целители ставят диагноз по-разному. Одни бросают кости, другие входят в особый транс, и предки напрямую говорят через них с пациентом. Некоторые получают информацию посредством молитвы — все это зависит от дара и особенностей подготовки каждого целителя. Бабушка принадлежала к тем, кто входит в транс и говорит с пациентом. Но это говорила не она — через нее говорили предки. После консультации пациент мог убедиться в правильности всего, что ему сказали.

Понимаете, с предками всегда так — мы должны связываться с ними, потому что мы не живем там, где они. Мы живем здесь, среди людей, и должны говорить с предками, помогать им понять наш мир. Поэтому когда я бросаю кости и что-то произношу — на самом деле

через меня говорят предки. Я их посланец, я доставляю их слова. Но независимо от того, входит ли целитель в транс или бросает кости, ему нельзя мешать, пока через него говорят предки. Пациенты не должны перебивать предков. Как только предки умолкают, пациент может рассказать целителю обо всем, чем обеспокоен. Общение должно быть двухсторонним. Пациент обязательно должен что-то сказать: «Да, я знаю, что это так» или: «Да, но меня также беспокоит эта боль, или эти отношения, или что-то еще в моей жизни». Целитель должен дать пациенту возможность и время, чтобы он ответил на то, что услышит от предков. Так поступают все хорошие африканские целители.

— Чтобы помочь пациенту, — говорит Мерси, — я всегда должна помнить: в первую очередь меня беспокоит не оплата. Оплата будет, если предки сочтут это правильным. Некоторые традиционные целители больше думают о том, сколько пациент сможет им заплатить: «Потребуется ли для лечения этой болезни столько процедур и лекарств, чтобы мне хорошо заплатили?» Это совершенно неправильно. Вначале пациент, вначале лечение — целитель не должен думать, сколько он заработает. Такое отношение к пациентам и лечению может запутать и даже погубить целителя. Этого не должно быть. Целительский дар дается от Бога и от предков. Указывать нам путь и обеспечивать нас — это их дело. Предки очень умны, и они будут присматривать за нами, если мы относимся к своему целительскому дару с надлежащим почтением и скромностью.

Однажды я спросила свою мать: «Почему другие целители указывают на меня пальцем, почему они иногда грубо обращаются со мной? Наверное, я выгляжу как-то не так. Должно быть, во мне есть что-то неправильное». Тогда мама объяснила мне, что при рождении я была покрыта белой пеленой, «сеткой», как она ее назвала. Вообще-то люди просто рождаются без этого, но со мной было иначе. Это необычно. Когда мама с бабушкой увидели меня в таком виде, они сразу же поняли, что я особое дитя, дар от Бога. Такой ребенок когда-нибудь станет вождем. В то время они не знали, что я стану целителем, они лишь верили, что мне повезет в жизни. Чтобы родиться так, нужно особое покровительство.

В детстве я чувствовала, что меня выделяют среди других. Это было особенно заметно, когда была жива бабушка, поскольку мама много работала. Она была домработницей в Дурбане и обычно оставляла детей на попечение своей матери. Так что нас с братьями и сестрами воспитывала бабушка. Бабушка учила меня быть ответственной. Я должна была ходить за водой и готовить еду для всей семьи, следить за тем, чтобы в доме всегда была вода, чтобы хватало дров для приготовления пищи, чтобы котлы были чистыми, чтобы был смолоть маис для мягкой каши, которую я варила каждое утро, чтобы был собран коровий навоз для выравнивания полов.

Мне нужно было приходить домой из школы раньше, чтобы присматривать за домом. Если являлся гость, я должна была готовить чай. Кроме того, в мои обязанности входило следить за тем, чтобы у бабушки было достаточно ее нюхательной смеси. Обычно именно я молола эту смесь. Жернов был такой большой! Бабушка сажала меня рядом с собой и показывала, как с ним обращаться и как молот, чтобы смесь получалась нужного качества. Когда я заканчивала, мне приходилось относить на место этот большой тяжелый жернов — но он был слишком тяжелый, и я не могла его удержать... Он падал и разбивал мне пальцы на ногах. В подобные моменты этот «дар», который делал меня особенной, казался мне наказанием. Бывало, я раздумывала — почему я должна делать всю эту работу, почему именно я? Для такой юной девушки это была огромная ответственность.

Теперь, когда я руковожу другими целителями, я поняла: все, что я испытала в детстве, было для меня хорошей школой, хотя эта школа была очень суровой. Существуют другие способы научить ребенка многим вещам, не прибегая к такой жестокости. Сегодня я думаю, что можно просто все время говорить с ребенком, шаг за шагом помогая ему разобраться в его ситуации. Ему нужно объяснить, чем он отличается от других, как должен готовиться к принятию своего призвания. Я уверена, что ребенок способен все понять и всему научиться.

Я посещала школу и одновременно несла тяжелое бремя ответственности, а денег у нас

в семье не хватало. Я не могла себе позволить школьную форму или обувь. Кроме того, в школе, как и дома, учителя возлагали на меня ответственность за моих одноклассников. Я всегда была старостой класса. Я должна была следить за тем, чтобы учащиеся вовремя приходили на занятия, выполняли домашние задания, убирали классную комнату. Если возникали проблемы — а их было множество, — меня тут же вызывали к директору для ответа.

Это было суровое время. Помимо множества обязанностей в школе и дома, мне приходилось следить за растениями, которые мы использовали в пищу. К концу дня я очень уставала. У меня совершенно не оставалось времени, чтобы поиграть с подругами. В моей жизни была только работа. В старшем классе, когда мне исполнилось восемнадцать, я бросила школу и вернулась домой. Это было в 1974 году.

Дома я сосредоточилась на церкви. Но и теперь все было по-прежнему. Я принадлежала к католической церкви и вступила в общество «Крест Иисуса», куда принимали взрослых женщин. Мы носили красную ленту — знак принадлежности к этому обществу. Это было счастливое время, время подготовки к монашеству. Если бы я продолжила свое послушание, то стала бы монахиней. Нас обучали и испытывали нашу веру и преданность церкви. Нас готовили к жизни в безбрачии, посвященной Иисусу. Мы должны были стать невестами Иисуса и отдать себя служению католической церкви.

Но даже тогда на меня возлагали ответственность за нашу группу. Одной из наших обязанностей было навещать больных и молиться за них. Мы читали молитвы с четками. Я молила Бога: «Этот человек в твоих руках, Господи. Его боль велика. Молю тебя, Боже, спаси его от страданий — исцели его или заведи в мир иной». Некоторые люди были настолько больны, что не могли говорить. Они ничего не ели и медленно угасали. Но после моих молитв с ними наступала перемена. Они открывали глаза, смотрели на меня и на других, начинали говорить и просили воды. Они постепенно выздоравливали. Все стали замечать это необычное явление. Поэтому монахини и больные часто просили меня помолиться с ними.

Позднее меня захватила — да, это можно назвать захватом — другая семья. Я жила в деревне, в бедном сельском районе. Если какая-то семья хотела взять жену для кого-нибудь из своих мужчин, но у них не было ни денег, ни двадцати коров для *лобола* (выкупа за невесту), то девушку могли попросту украсть. Одна такая семья захотела, чтобы я стала женой их сына. Однажды вечером, когда я мылась у реки, появились двое мужчин и схватили меня за руки. Я боролась и отбивалась, но они были сильнее. Я узнала этих мужчин — один из них был соседом моей матери. Он был еще молод, примерно моего возраста. Мужчины притащили меня в дом, и один из них ушел. Теперь я поняла, что они предназначали меня этому мужчине. Они заперли дверь, и я не могла выбраться наружу.

Много, много позже он пришел поговорить со мной. Я не хотела иметь с ним дела. Он принес мне миску супа. Я не взяла ее. Я ничего не хотела брать у этого человека. Потом он опять пришел и просто сорвал с меня одежду. Я была одна, некому было помочь мне, остановить его. У меня не было выбора. Он вскочил на меня и овладел мной. Я была так потрясена. Ведь я еще была девственницей.

На следующий день я не могла бы пойти домой, даже если бы меня отпустили, потому что теперь я больше не была девственницей. Поэтому я осталась с этим мужчиной. Прямо в тот же день мы пошли поговорить с моей бабушкой. Бабушка не могла представить, что со мной такое случится. Однако был своего рода знак, на который мы не обратили внимания вовремя. Эта семья жила по соседству с бабушкой. Они переехали в этот дом со своим сыном, но обычно они жили не здесь. Он и его семья были из Цискеи, а не из Транскеи. Было необычно, что они тут поселились. Нам следовало бы отнестись к этим людям с подозрением. Что-то тут было не так.

В качестве выкупа за меня бабушка потребовала у этой семьи семь коров, но они могли отдать только четыре. Я жила с семьей этого мужчины, но впоследствии они переселились

обратно в Цискеи и забрали меня с собой. Этот мужчина, который взял меня, был немолод. Будь он моложе и девственником, ему пришлось бы, как принято, обратиться к моей семье с предложением брака. Однако он пожадничал или побоялся, что я ему не достанусь. Он долгое время следил за мной, хотел меня. Кроме того, он знал, что я принадлежала церкви и не могла стать его женой таким способом. Он знал, что церковь учит: «К браку нужно идти через дверь, а не лезть в окно». Он знал, что путь к браку с соблюдением всех церковных обычаев слишком долг. Он не хотел ждать.

Так что именно там, в Цискеи, и родилась моя дочь. Позже муж стал оставлять меня со своей семьей в усадьбе и ходить к другим женщинам. Мы не были обвенчаны, только прошли традиционную брачную церемонию. Перед лицом моих предков эта семья заявила, что мы женаты. В этом браке не было ничего хорошего. Как может мужчина жениться, а потом бегать от жены к другим женщинам? А ведь этот мужчина взял меня девственницей! Это означало, что он собирается развестись со мной. Тут-то я начала понимать, что у него на уме. Поэтому я сказала себе: больше я не буду иметь детей. Я буду учиться дальше и закончу свое образование. Порой я мечтала стать медсестрой. Я решила, что так и поступлю, и послала из деревни Мхлалга, где я тогда жила, письмо в колледж Дэймлин, который находился в Леди-Фрир в Цискеи. Я знала, что могу учиться заочно.

Мой муж начал работать на руднике. В январе он уезжал из дома на целый год. Он присылал деньги — по тем временам их вполне хватало. В декабре он возвращался домой. Хотя он виделся со мной лишь раз в году, даже в это время он ходил от меня к другим женщинам. Я боялась, что он разведется со мной раньше, чем я закончу учиться на медсестру. Мне нужно было заняться чем-то, чтобы обеспечить себя, когда это произойдет. Прислужгой я становиться не захотела. Я решила, что лучше будет работать где-нибудь в конторе — секретаршей или что-то в этом роде.

Из колледжа Дэймлин мне присылали учебники, и я купила пишущую машинку. Обычно я запирала дверь, училась и упражнялась. Кроме того, я пошла в клинику и попросила противозачаточные таблетки. По нашей традиции, женщина не может принимать такие таблетки. Ей даже не разрешено просить их в клинике. Мужчина женится, чтобы иметь детей, и женщина должна рожать. Так обстоят дела. Но я пошла в клинику и обратилась к старшей сестре. Я рискнула объяснить ей свою ситуацию. Я честно рассказала ей, что, судя по всему, мой брак скоро распадется и я не хочу остаться с кучей детей на руках, когда это случится. Сестра меня поняла. Одну дочь я еще могла бы держать при себе и заботиться о ней, но с кучей детей это было бы не так легко. Сестра дала мне таблетки, и я продолжала учиться.

Потом появился мой муж. Понимаете, в этой семье я тоже за все отвечала. Я вела все хозяйство, носила воду — в общем, все было так же, как когда я жила дома. А когда я начала тратить время на свои занятия и учиться машинописи, его семья стала этому завидовать. Когда мой муж приехал, они сказали ему: «Ах, ей вечно некогда, она переменялась, и с ней что-то не так. Она все время возится с книгами и машинкой. У нее нет для нас времени». Он ужасно разозлился, отобрал все мои книги и устроил из них большой костер, он пинал и ломал пишущую машинку, пока не разбил ее на куски. Я сказала ему: «Ты можешь сжечь книги, но знания останутся у меня в голове». Я была очень рассержена — но мне пришлось отказаться от занятий.

Позже он повел меня к традиционным целителям, поскольку хотел понять, в чем дело. Моя дочь подрастала, ей было уже четыре года, но больше детей у меня не было. В то время я презирала целителей. Из-за своего церковного воспитания я старалась держаться от них подальше. Мне не нравились церемонии, танцы, барабанный бой, все эти вонючие шкуры, в которые они рядились. В детстве, когда я видела этих целителей, я, бывало, даже грубила им. Я не понимала всего этого.

Муж водил меня к нескольким традиционным целителям. Одна целительница была из Аливал-Норт — это очень, очень далеко от того места, где мы жили. Эта женщина сказала:

«Ладно, рассказывайте, в чем дело». Тут я поняла, что она не сангома, — ведь иначе она не стала бы ни о чем спрашивать! Она бы узнала от предков, что именно не в порядке. Атак муж рассказал ей, что я никак не могу забеременеть, и спросил, не околдовали ли меня.

Целительница заявила, что если я чем-то околдована, она снимет чары. Она пошла в свой дом и вернулась с миской и бритвенными лезвиями. Она сказала, что я должна встать на колени и снять одежду. Я очень рассердилась, что мне приходится раздеваться. Она порезала меня в трех местах, было очень больно. Затем она стала сосать из меня кровь, и это тоже было больно. Она не накладывала никаких лекарственных трав, просто начала сосать и даже кусать меня. Я попробовала протестовать, но она на меня прикрикнула, и я стала просто молча терпеть.

Я знала, что со мной не было ничего плохого, ничего такого, что бы она могла «удалить». Потом она закричала: «Кое-что выходит!» Из моего тела ничего не выходило, но в миске была змеиная кожа. Она вытащила эту кожу у себя изо рта и выплюнула в миску. Это был трюк. Потом она опять стала изо всех сил сосать порезы на моем теле и выплюнула пучок коричневых волос, потом снова сосала и выплюнула изо рта что-то вроде кусочка мяса. Она сказала, чтобы члены семьи подошли поближе и посмотрели на эти вещи. Она обманула их. Я даже сама заметила, что эти вещи выходили не из моего тела, а всего лишь у нее изо рта.

Она показала эти вещи семье и сказала, что я была околдована. Змея не давала мне забеременеть, волосы были взяты с лобка мертвеца, а маленький кусочек мяса — из плаценты. Потом целительница вышла во двор, чтобы закопать эти вещи. Я тоже попросилась наружу, чтобы подышать воздухом. Выйдя, я увидела ее. Она делала вид, будто что-то зарывает в землю. Когда она вернулась в дом, я немного задержалась, чтобы взглянуть на это место. Земля была лишь чуть взрыхлена сверху — она ничего не закапывала. Она сохранила эти вещи, чтобы потом обманывать других людей. Я знала, что она нас обманывала, но я была уверена, что однажды ее разоблачат.

Эта целительница взяла с семьи 800 рэндов. Это было дорого. Она сказала, что я должна оставаться у нее неделю, чтобы лечение продолжилось. Моя семья должна была вернуться и забрать меня через неделю. Я очень обрадовалась. Я надеялась, что смогу наблюдать за ней и поймать ее на обмане.

На следующий день к ней пришел мужчина, который испытывал ужасную боль. Я заметила, что эта женщина, эта так называемая целительница, всегда садится около двери, чтобы заранее увидеть, что к ней кто-то идет. Тогда она успеет приготовить все нужное, чтобы обмануть посетителя. Я наблюдала за ней очень пристально. Наконец я сумела заметить, как она притворяется, будто ест что-то, а на самом деле прячет эти предметы у себя во рту, чтобы использовать их для своих фокусов с пациентом. Когда вернулась моя семья, эта обманщица сказала, что поедет с нами, чтобы приглядывать за мной и посмотреть, как обстоят дела у нас дома. Я была очень рада этому. Теперь я разоблачу ее, когда она примется за свои трюки в моем доме! Я знала, что на этот раз я ее по-настоящему поймаю.

Когда она приехала, чтобы лечить меня дома, многие захотели посмотреть, как она это делает. Эта женщина собиралась вытащить из семьи моего мужа еще денег. Это было так нехорошо! Я сказала мужу, что эта женщина — обманщица. Он мне не поверил. Он сказал: «С тобой что-то не так, и теперь наконец тебе помогут». И вот пришли соседи, целая толпа. Но эта женщина всегда работала, завесившись одеялом, она пряталась от тех, кто за ней наблюдал. Потом я следила за ней и видела, где она «закапывала» то, что «высосала», но, конечно же, там не было никакой ямки и ничего не было закопано.

Наконец настал последний день ее пребывания у нас, а я все еще ее не поймала. Когда ее не было в комнате, я заглянула в ее медицинскую сумку, но не нашла ничего из того, что она использовала в своих трюках. В тот последний день я утром подавала ей чай и воду. Она выпила чай, съела завтрак и помылась. Потом она вышла наружу в туалет. Я кинулась к ее сумке. Что-то подсказало мне: «Посмотри под креслом». Я заглянула туда и увидела там сумку — даже, скорее, кисет, в котором обычно хранят жевательный табак. Этот кисет был

очень грязным и битком набитым всякой всячиной. Я приоткрыла его и увидела, что там полно всех этих вещей — змей, волос и прочей пакости, что она использовала. Я забрала его, но не знала, что мне с ним делать.

Я побежала в дом дяди моего мужа. Я показала им кисет и сказала: «Видите, все так, как я вам говорила. Все, что она делает, — обман».

Они сказали: «Быстрее отнеси это ей обратно».

Я пошла обратно и начала готовить обед. Женщина вернулась в свою комнату, а потом вышла и села с нами за стол. Она была очень, очень расстроена. Она даже не могла разговаривать. Она все время что-то искала. Вокруг нее начали собираться люди. Они хотели видеть, как она станет высасывать из меня это злое колдовство.

Но она заявила: «Нет, сегодня я не могу работать, я неважно себя чувствую, эта погода не по мне». Люди упрашивали ее провести лечение, но она твердила, что не может.

Пора было нам везти ее на станцию, чтобы она успела на поезд. Что-то у меня в голове сказалось: «Ты убедилась, что она обманщица, так зачем тебе ее вещи? Этими грязными трюками она жила все эти годы. Отдай ей то, что принадлежит ей». Но я подумала: «Ох нет, как же я теперь могу это ей отдать?» Так что, пока она собиралась, я просто положила сумку на пол в том месте, где, я знала, она должна будет пройти.

Она была уже около ворот и шла очень медленно. Я остановилась около этой сумки и закричала: «А это что такое?»

Муж отвечал: «А, это мусор. Выбрось».

«Нет!» — завопила она и бросилась к нам через двор. Она схватила сумку и спрятала ее в свои вещи. Она сказала, что приедет в следующий раз и будет лечить всех остальных. Но она не вернулась, поскольку мы знали о ее трюках.

Я так и не забеременела. Сестра мужа знала, что я принимаю я противозачаточные таблетки. В конце концов она рассказала об этом моему мужу. Он ужасно разозлился и снова припомнил мне книги и пишущую машинку. Он сказал, чтобы я уходила, потому что я так и не вышла из девичества и не готова быть настоящей женой и рожать ему детей.

Я сказала: «Если ты действительно этого хочешь, просто напиши об этом моей семье, поскольку ты взял меня насильно. Ты должен освободить меня от брака».

Он написал письмо и отослал его, но прежде чем пришел ответ от моей бабушки, он отвез меня на железнодорожную станцию.

Я чувствовала боль, глубокую грусть. Я больше не была девушкой, потому что он лишил меня девственности. Кто же я? Я не была девушкой, но больше не была и замужней женщиной. Меня просто использовали и выбросили. Я не могла вернуться домой. Там не было для меня места, коль скоро я больше не была девушкой. Когда в 1974 году меня захватили и изнасиловали, я сразу же забеременела. Мой ребенок родился в августе 1975 года. Я оставила дочь в семье своего мужа. Ей было пять лет. Я написала письмо своей матери, объяснив, что я больше не замужем, и направилась прямо в Йоханнесбург.

Я остановилась у моего дяди по матери в Соуэто, в районе Мофоло-Норт, и попыталась найти работу. В то время это было трудно, поскольку у меня не было удостоверения личности. Я родилась в Транскеи, на африканской территории в ЮАР. У нас не было настоящих удостоверений личности, настоящих паспортов, которые требовались в ЮАР. Мой дядя слышал, что одному врачу нужна медсестра-ассистентка. Приемная этого врача находилась на Вандерерс-стрит, в деловой части Йоханнесбурга, как раз в том районе, где я сейчас живу. Врач, чернокожий мужчина, работавший с мусульманами, взял меня на работу. Я назначала часы приема пациентов, получала от них оплату и вела истории болезней. Впоследствии врач захотел, чтобы я проводила процедуры с пациентами. Он показывал мне лекарства и говорил: «Этому человеку сделаешь припарку, этому пригостишь ванну», — и все такое прочее. Этот врач частично использовал африканскую традиционную медицину.

Я любила парить и купать пациентов, но мне не нравилось, как врач ставил диагноз. Для этого он просил меня вскипятить чистую воду, налить ее в миску и принести ему. Затем

он брал чистый лист бумаги и просил меня выйти из комнаты. Когда он оставался наедине с пациентом, он лил воду на бумагу, и на ней появлялись слова. Бывало, я спрашивала пациентов: «Как у него это получается?» Одни пациенты говорили, что это нехорошо. Порой пациенты выходили очень расстроенными и печальными, потому что врач говорил им, что они скоро умрут. Это было неправильно. Но, конечно, это был просто трюк. Он просто пугал их.

Этот врач пользовался невидимыми чернилами, вроде тех, какие продают в игрушечных лавках. По фамилии пациента в медицинской карте он узнавал, к какой языковой группе тот принадлежит — коса, суто или еще какой-нибудь. Потом он подбирал нужные слова из их языка и записывал их этими чернилами, которые становятся видимыми, только когда бумага намокнет. Когда приходил пациент, врач говорил: «Пожалуйста, заходите, снимите обувь и слегка коснитесь ступней этой бумаги. Теперь идите с Мерси и примите ванну, приготовьтесь к консультации». Вот такое надувательство. Мне было очень неприятно это наблюдать. Но лекарственные травы у этого врача были настоящими и хорошими средствами, и я видела, что все препараты чистые. Мне очень нравилось работать с травами.

Кроме того, этот врач ставил диагноз с помощью зеркала. Действительно, в ЮАР некоторые традиционные целители используют этот метод диагностики. Кое-кто из них — обманщики, вроде этого врача, но, быть может, другие — настоящие. Я не знаю. Может быть, некоторые подлинные целители, владеющие даром этой техники, действительно могут ставить диагноз с помощью зеркала. Но тот врач проделывал это вот как. Он давал пациенту зеркало и говорил: «Пройдите вон в ту комнату и там посмотрите в зеркало. Изображение, которое вы видите в зеркале, — это человек, который наводит на вас порчу».

Как-то раз доктор попросил меня проводить пациента в ту комнату. Мне было любопытно, и я спросила пациента: «Кого вы видите в зеркале?»

Он сказал: «О, это брат моего отца, это он наводит на меня порчу».

Я попросила: «А можно мне взглянуть в зеркало?»

Оказалось, что в зеркало вставлена фотография. Доктор вырезал много фотографий и морочил голову пациентам. Пациент быстро заглядывал в зеркало и видел именно того, кого подозревал. Допустим, пациент подозревает, что порчу на него наводит его отец. Он смотрит в зеркало — и видит изображение мужчины, в котором узнает своего отца. Ведь люди во многом похожи друг на друга. Понятно, что пациент встревожен и напуган, он отчаянно нуждается в помощи. И врач наживался на этой растерянности.

Я посмотрела на обратную сторону зеркала и увидела фотографию. Я сразу же показала ее пациенту и мягко сказала: «Видите, это просто фото. Это просто трюк. Не беспокойтесь и не верьте тому, что скажет этот человек».

Эти пациенты никогда не возвращались. Доктор брал за такое лечение до тысячи рэндов. Бог мой, для пациентов это была такая куча денег! Это было так неправильно. У таких врачей не было никакого высшего призвания исцелять, у них не было даже простой этики.

Я начала искать новую работу. Я потихоньку спрашивала пациентов, которым могла доверять, не могут ли они найти для меня какую-нибудь хорошую работу. Помните, я должна была вести себя тихо, потому что у меня не было *домпас*, южноафриканского удостоверения личности. Я была родом с африканских территорий, из Цискеи и Транскеи. В те дни нам не разрешалось искать работу в Йоханнесбурге. Однажды я встретила человека, который отвечал за охрану здания, в котором я работала. Я спросила его, не знает ли он о какой-нибудь работе для меня. Быть может, в его компании найдется место? Или в профсоюзах? В то время профсоюзами руководили именно чернокожие, и они принимали чернокожих на работу. Я не хотела работать на белых.

Мой друг-охранник помог мне, и в конце концов я поступила на работу к мистеру Лекготло, в Национальный профсоюз рабочих кирпичной промышленности. Я работала у него в 1982–1983 гг. К сожалению, мистер Лекготло страдал астмой и его положили в

больницу. Он так сильно мучился, что в больнице покончил с собой. Должность генерального секретаря профсоюза занял другой человек. Оставаться без официального разрешения на работу было все опаснее. Ситуация была очень неустойчивой, и я решила поехать обратно домой, чтобы получить паспорт Транскеи. В 1984 году я возвратилась в Соуэто с новыми документами.

— Именно тогда у меня начались сновидения. Во снах я видела, что танцую с традиционными целителями, кого-то лечу и вижу исцеление своих пациентов. Мне снилась старуха, очень похожая на мою бабушку, которая показывала мне, что за люди ко мне приходят и в чем их проблемы. Например, в сновидении она могла сказать: «Вот идет женщина, она никак не может забеременеть. Вот лекарство, которое ты ей дашь, и вот как его готовить». Что-то вроде этого. Она до мельчайших подробностей объясняла мне, что я должна делать. Затем в сновидении приходила пациентка, я выкапывала растение и готовила для нее лекарство, и пациентка действительно выздоравливала.

Я не могла понять этих сновидений и потому днем выкидывала их из головы. Но время шло, а я не могла избавиться от этой проблемы (поскольку, как вы понимаете, я считала сновидения проблемой). Утром я просыпалась и шла на работу. По дороге я чувствовала себя потерянной. Я могла внезапно поймать себя на мысли: «Где я? Что со мной?» Я оглядывалась вокруг и видела, что сижу в конторе и работаю! Порой это случалось в поезде по дороге на работу. Я вдруг переставала понимать, куда и откуда я еду. Еду ли я из Соуэто? Я выглядывала в окно и видела — ох, поезд подходит к Соуэто, значит, я, должно быть, еду с работы домой.

Я открывала дверь в квартиру моего дяди, входила и просто садилась у плиты. Дядя помогал мне, доставал кастрюли с готовой едой, чтобы я ее разогрела. Я ставила мясо на плиту, садилась рядом и засыпала. Он думал, что я очень устала, потому что много работала. Он будил меня и говорил: «Вот еда, поешь и отправляйся в постель». Ему приходилось будить меня и на работу. Нам обоим это казалось странным. Я не могла понять, что и почему со мной происходит — и почему именно со мной? Что означали эта болезнь и эти сновидения? Я очень злилась. На работе меня стали попрекать тем, что я болею. Обычно я носила туфли на высоком каблуке и одевалась со вкусом, но теперь я быстро стала худеть. Эта болезнь поразила не только разум, но и тело.

Позже я по-настоящему заболела. У меня начались кровотечения, но случались они только тогда, когда я находилась рядом с мужчиной. Это было так странно. В то время у меня был парень, который тоже работал в профсоюзе. Мы не спали вместе. Если я была с ним, кровотечение усиливалось. Если я ехала в переполненном поезде, мужчины уступали мне место, чтобы я могла сесть и отдохнуть. Но от этого было мало толку, поскольку, когда я вставала, чтобы выйти, сиденье подо мной и мое платье были мокрыми от крови.

Мой парень предложил отвести меня к традиционному целителю в Мидоулендс. Он очень беспокоился о моем здоровье. Мы пошли к целителю, который бросал кости. Целитель огорчился и сказал: «Ты меня обижаешь. Ты пришла за советом, но кости ясно показывают, что ты сама — целитель». Он дал мне какое-то средство, чтобы я принимала с ним ванну. Он сказал: «Ты не больна. Ты просто противишься своему призванию стать целителем. Ты должна была последовать ему уже давно. Предки ждали тебя слишком долго». Я взяла лекарство, но так и не воспользовалась им.

Потом у меня появились боли в матке. Я обратилась в больницу Барагванат. Это было в 1985 году. Врачи думали, что у меня что-то с маткой, но не знали, что именно. В «Барагванат» главным гинекологом тогда еще был доктор Мбере — первый чернокожий гинеколог в ЮАР. Меня отвели в операционную, но здесь я впала в кому и не выходила из нее целых три дня. Я очнулась внезапно, потому что услышала, что кто-то говорит со мной. Врачи и медсестры вокруг были потрясены, что я проснулась. Я тоже была в шоке, обнаружив, что нахожусь в больнице.

Врачи и сестры спрашивали: «Что случилось?»

Они смотрели на меня, я смотрела на них.

«Что произошло? — спрашивали они. — Из-за чего вы проснулись?»

Я рассказала докторам, что проснулась от того, что моя бабушка кричала на меня: «Почему ты здесь? Разве я не просила тебя взять на себя мою работу? Почему ты не хочешь меня слушать? Почему ты не принимаешь свое призвание?» Она повернулась, недовольная мной, и двинулась прочь. Я стала кричать ей вслед, звать ее. Я хотела говорить с ней. Именно в этот момент я и проснулась.

Врачи сказали, что я должна отдыхать. Позднее ко мне зашла медсестра и рассказала, что меня положили на операционный стол (это я еще помнила) и врач сделал разрез, но не смог ничего найти. Сестра сказала мне, что она совершенно уверена: моя болезнь необычна, и с ней нужно обращаться к традиционному целителю.

Наконец меня выписали из больницы, и я вернулась к работе. Я не пошла к целителю, поскольку теперь чувствовала себя нормально. Однако сновидения продолжались. Начались и другие странности. Я просыпалась после сновидений и в одеялах на своей постели находила лекарство. Это было именно то лекарство, которое мне только что снилось, которым бабушка рекомендовала мне лечить определенного пациента. Это повторилось три раза. Я сказала себе: «Нет, это невозможно. Я просто перееду на другую квартиру». И я уехала из Соуэто и поселилась в деловом центре Йоханнесбурга.

Я продолжала работать в профсоюзе. Моей обязанностью было рассматривать жалобы, которые приносили в контору члены союза. Кроме того, я назначала встречи для генерального секретаря, вела переговоры с главным управлением и посещала собрания рабочих. Я работала в администрации, в бухгалтерии, повсюду. Я ездила в банк, делала вклады, затем отправлялась на почту. Однажды я взяла всю почту, которую нужно было отправить, и все деньги, которые сняла со счета в банке, и опустила все это в почтовый ящик. Я даже не понимала, что делаю. Я вернулась в контору и продолжала работать. Чуть позже пришел водитель, чтобы получить деньги на бензин. Я сказала: «Деньги? Какие деньги?» Он напомнил мне, что я сегодня взяла деньги из банка. О Боже! Теперь я вспомнила, что я натворила. Я сразу же позвонила почтмейстеру, они смогли задержать отправку почты и все нашли.

Мое состояние начинало меня беспокоить. После работы я приходила домой и запиралась в своей комнате. Я старалась ни с кем не общаться вне работы. Мои приятели стучали мне в дверь, но я не отвечала. А по ночам повторялись все те же сновидения. Я недоумевала: как это бабушка может хотеть, чтобы я стала традиционным целителем? Кто будет учить меня? Как все это будет происходить? В Транскеи и Натал они надевают на себя эти вонючие шкуры — это не для меня. Когда целители в Транскеи предсказывают будущее, они впадают в транс и издают низкие утробные звуки. Я не хочу походить на них, не хочу издавать эти странные звуки. Да и учиться в Йоханнесбурге я не смогу. Нельзя учиться на целителя в этом шумном городе. Это надо делать в чистом месте, с чистой водой и чистой жизнью, на природе.

Так что, как видите, я постепенно начала задумываться: «Каким образом я смогу обучаться на целителя?». Все это происходило очень медленно, потому что я действительно этому противилась. В некоторых сновидениях я летала по всему миру, над землей, на чем-то плоском вроде кровати. Порой мне снилось, что я лечу из ЮАР над Красным морем. «С чего бы это?» — недоумевала я. Иногда мне снилось, что я летаю и все мое тело покрыто леопардовыми шкурами. Когда я во сне пыталась говорить, у меня изо рта выходило красное пламя. У меня были усы, красные глаза и голова, как у леопарда. Я была летающим леопардом и летала над миром.

Кроме того, мне теперь каждую ночь снился тот сон, в котором я была целительницей. Я танцевала с другими традиционными целителями. Бывало, я приходила домой, запирала дверь и сидела в тишине и одиночестве. Однажды вечером я во сне услышала голос, который велел мне отпереть дверь. Я открыла дверь и увидела, что там стоит старая женщина, совсем старуха, без зубов. Она велела мне идти за ней. Я огляделась вокруг и подумала: «Это мне не

снится, я не сплю». Я больше не знала точно, когда я нахожусь во сне, а когда — наяву. Сновидения были такими ясными, такими похожими на явь!

Эти странности продолжались и в 1986 году. Начальник сказал мне: «Подлечись, или ты потеряешь работу». Он дал мне две недели отпуска, чтобы я могла обдумать все и отдохнуть. Он сказал, что если мне нужно уехать, чтобы заняться здоровьем, то по возвращении я смогу вернуться на свою работу. Я просидела две недели дома, в своей комнате. Я была так озабочена, что даже не могла есть. Сновидения продолжались. Затем, в последнюю ночь из этих двух недель, мне приснилось, что я нахожусь в другой стране, не в Южной Африке. Жители этой страны ходили, завернувшись в ткань. Я была одета так же, как они. В Южной Африке, когда люди выкрикивают «амандла», они поднимают руки определенным способом. В той стране они делали это по-другому.

Дело происходило в 1986 году, и в моем сне присутствовала певица Летта Мбули. Мы слушали ее песню, но тут в толпе стали взрываться гранаты со слезоточивым газом. Все бежали в панике. Во сне я добежала до группы небольших деревьев. Со мной была женщина, которая оказалась сестрой Саморы Машела.

Она сказала мне: «Посмотри на эти истребители в небе, красно-коричневые военные самолеты. Эти самолеты прилетели из ЮАР, чтобы воевать с Саморой Машелом».

Я взглянула вверх и увидела, как в небо поднимаются серебряные военные самолеты.

Она сказала: «Видишь эти самолеты — эти серебряные самолеты сражаются с южноафриканцами на стороне Саморы Машела».

Пока мы смотрели, южноафриканский самолет начал стрелять. Вокруг нас засвистели пули. Что-то подсказало мне взглянуть в сторону. Я посмотрела и увидела на земле недалеко от нас мать и брата Саморы Машела, Его мать была ранена с самолета и боролась с болью. Тот же голос сказал мне: «Пойди и помоги ей, исцели ее».

Я подошла к ней. Ей было очень больно. Мальчик, ее младший сын, пытался помочь ей, но не знал, что делать.

Голос сказал мне: «Поговори со своими предками. Спроси их, что делать».

Тогда я опустилась на колени, потеряла траву и попросила предков о помощи. Посыпалась пыль. Появилась бутылка с каким-то молочным снадобьем. Предки сказали, что это лекарство я должна дать раненой женщине. Я встала и попросила мальчика, чтобы он открыл своей матери рот. Он помог мне, и мы влили ей в рот все лекарство. Все пули сразу же выпали из ее тела. Мальчик был потрясен, а женщина, мать Саморы, взглянула на меня и сказала: «Ты — исцелительница мира». Я оглянулась и увидела, что женщина, с которой мы перед этим сидели, также ранена. Помочь ей было моей единственной мыслью. И тут я внезапно проснулась.

На следующее утро я вернулась на работу. Я сказала своему начальнику, что я должна учиться на традиционного целителя, что я должна уехать из ЮАР, увидеться с Саморой Машелом и рассказать ему об этом сновидении. Если я не могу выехать за пределы ЮАР, поскольку у меня нет южноафриканского паспорта, а есть лишь документы хоумлэнда⁶, то я должна по крайней мере поехать в район Комати, к границе Мозамбика. Место, где мне предстояло учиться, называлось Бушбак-Ридж.

Но начальник сказал: «Никому не говорите об этом сновидении, иначе вас будут подозревать в покушении на Машела. Если вы заговорите об этом в ЮАР, вас могут арестовать».

Не прошло и двух недель, как все, что я видела во сне, произошло на самом деле. Я прочитала в газетах, что Машел погиб при взрыве самолета, но вся история таки осталась загадочной. Самолет Машела разбился именно в том месте, которое я видела во сне. Если бы я что-то рассказала о своем сне, меня могли бы посчитать осведомителем.

Итак, то, что мне приснилось, произошло на самом деле. Я должна была начать

⁶ Хоумлэнды — своего рода резервации, территории, выделявшиеся для проживания коренного населения ЮАР в период апартеида. (Прим. пер.)

обучение. Мой начальник привез меня на машине в Коматипорт, к границе. Сновидения показали мне мою будущую учительницу, беззубую старуху — ту самую, что в одном из снов приходила к моей двери. Но я не знала, где она живет. Начальник мог говорить на шангаан — языке жителей этой местности. Он стал расспрашивать, где живет эта целительница. Мы нашли одну такую старую женщину в Коматипорт и еще одну — в заповеднике Маньялети, но ни одна из них не была той, что мне снилась. На следующий день мы расширили круг своих поисков и продолжали расспрашивать людей.

Наконец один мужчина сказал: «Да, тут есть одна женщина, такая, как вы описываете». Мы пошли с ним, и она встретила нас, стоя у двери, в точности как во сне. Я была совершенно счастлива. К тому времени я уже приняла решение стать целительницей. Старая женщина тоже была рада меня видеть, так как ей снилось, что я приду. Она сказала мне, что мой предок, моя бабушка — большой человек, важный человек. Она хотела, чтобы все было сделано как следует. Я должна поехать домой и рассказать всей семье, что я была призвана и что я это принимаю. Я должна зарезать козу.

Моя семья была рада за меня. Они с самого начала знали, что я была избранной. Это не было для них неожиданностью.

В 1988 году, когда мое обучение завершилось, мне было сказано во сне, что я должна создать организацию, которая будет называться по имени, данному мне при обучении, — Ньянга Йе Сизве. К моей наставнице во сне приходила моя бабушка и сказала, что таково должно быть мое имя. Ньянга Йе Сизве означает «Целитель мира». Организация, которую я создала, называется Ньянгазезизве, или «Целители мира». Мне приснилось, что эта организация сумеет помочь всем южноафриканским целителям. Сперва мы работали у меня дома, в Транскеи. Это было очень хлопотно, а кроме того, мне приходилось принимать многих пациентов и работать в профсоюзе. В 1990 году я начала встречаться с другими традиционными целителями в Зимбабве и других местах. В 1991 году мне пришлось отказаться от работы в профсоюзе. Пора было полностью посвятить себя работе моей бабушки — целительской деятельности.

Очерк 6. Нхлавана Масеко — целитель королей Свазиленда

Доктор Масеко — как его называют и в традиционных, и в медицинских, и в правительственных кругах — это, пожалуй, самый признанный и уважаемый традиционный целитель в Свазиленде. Основатель Организации традиционных целителей Африки (ОТЦ) и личный целитель предыдущего и нынешнего королей Свазиленда, доктор Масеко — преданный своему делу, увлеченный и порой весьма несговорчивый человек. Бывали времена, когда, приезжая в штаб-квартиру ОТЦ в Ситеки, чтобы захватить с собой переводчицу, я надеялась, что доктора Масеки не окажется на месте. Я знала, что если он будет там, это может означать для меня задержку на несколько часов. У него очень много дел, и его работа связана с частыми поездками. Когда он возвращается в Свазиленд, ему нужно вести дела ОТЦ — устанавливать и отслеживать связи с международными

финансирующими организациями и частными спонсорами.

Я с удовольствием консультировала доктора Масеко по деловым вопросам, как мы и договаривались, но начинала чувствовать сильное давление с его стороны. У меня было мало времени, и его нужно было проводить с самими целителями. Я знала, что нахожусь там с конкретной целью, и она состояла отнюдь не в расширении организационной структуры ОТЦ. Это казалось странным, поскольку мои профессиональные навыки хорошо подходили именно для решения организационных проблем. Но когда я сблизилась с миром предков и целителей, заботы делового мира часто становились для меня раздражающей помехой. Моя миссия оказалась для доктора Масеко не столь важной, как он вначале надеялся. Он был разочарован, что я не смогу внести решающий вклад в достижение финансовой независимости ОТЦ. Но мое отношение к нему стало более теплым, когда он сказал, что должен смириться с моей ролью и моей миссией. Ему было нелегко говорить со мной об этом. К тому же человеку, занимавшему подобное положение, не было необходимости решать такие вопросы. Я всегда буду ценить этот жест с его стороны. Он открыл мне путь, чтобы я могла следовать собственному призванию.

Доктор Масеко и целители, с которыми я встречалась, были весьма одаренными и опытными в том, что касалось их целительских способностей, но, сталкиваясь с реальным миром бизнеса, они порой оказывались в невыгодном положении. В этом нет ничего необычного. Я знаю по собственному опыту, что люди, обладающие «даром» или большим талантом, могут быть очень непрактичны в обыденной жизни. У меня есть подруга, которая, обладая блестящим академическим складом ума, может застрять по дороге на конференцию потому, что забыла заправить машину. Что же касается целителей, то преодолевать препятствия и ловушки повседневной жизни им помогает, прежде всего, их вера в предков и прочный контакт с ними. В конечном итоге тонкая интуиция помогает им получить необходимую финансовую поддержку. Зачастую они получают помощь от той бюрократической системы, в которой они абсолютно не разбираются.

В 1993 году Нхлавана Масеко было шестьдесят три года, и он к тому времени занимался традиционной медициной уже в течение тридцати четырех лет. В отличие от других целителей, с которыми я встречалась, доктор Масеко рос в семье знаменитого традиционного целителя. Более того, его воспитывали в традиционной манере, но он убежал из дома, чтобы жить в семье христианского миссионера. Именно в этой религиозной обстановке он получил свое целительское призвание. Вот как он сам рассказывает свою историю.

— Мой дед был одаренным традиционным целителем, великим провидцем. Я рос у его ног. Он пользовался широкой известностью. У него было много коров, коз и овец. Он был очень могущественным. Между племенами суто и свази существовал закон, касающийся земли. Закон требовал, чтобы мой дед и другие переселились. В то время мы жили в Свазиленде, но дед решил, что мы найдем более обильные пастбища сразу за границей ЮАР. Он подыскал хорошее место вблизи Уитбэнка и переселился туда со всеми домашними и скотом. Он привел с собой множество людей. Он дал этому месту и своей общине название, которое на сисвати означает «дальше мы не пойдем». Дед жил там до самой смерти.

В то время я был совсем маленьким мальчиком, и мне приходилось ухаживать за пациентами моего деда. Я чувствовал, что дед меня поработает. Он бил меня, если его скот не пасся как следует. Однажды я недосмотрел, и скот заблудился. Чтобы избежать очередных побоев, я убежал из усадьбы Сикхууньяне. Мне было десять лет. Я убежал в христианскую миссию. Именно там я начал ходить в школу. В доме миссионера я мыл посуду и работал в саду. Хозяин дома был священником и директором приходской школы. Я начал посещать воскресную школу, а затем и начальную школу. Священник видел, что я быстро учусь. Но у меня были кое-какие проблемы. Я все сильнее и сильнее заболел. Священник и его семья любили меня. Я так хорошо справлялся со своей работой и с учебой в школе. Они хотели, чтобы я поправился, и считали, что в этом может помочь только

современная медицина. Врачи, с которыми они советовались, пытались вылечить меня всеми возможными способами.

Во время приступов болезни я кричал, и они беспокоились, думая, что я схожу с ума, что у меня развивается психическое расстройство, но это было не так. Странные ощущения и галлюцинации всегда проходили, я снова успокаивался и был совершенно нормальным. Так продолжалось до тех пор, пока мне не исполнилось 15 лет. Я продолжал свое обучение. Каждый вечер я занимался с этим миссионером, несмотря на то что порой ко мне возвращалась болезнь. Я мыл посуду и потом учился. В классе я был первым учеником.

Но болезнь становилась все хуже. Жители миссии опускались на колени и молились, и молились. Они плакали, я плакал. Мы потеряли надежду. В отчаянии они посадили меня на спину одной из своих служанок и отправили в больницу. В больнице я очень исхудал. Вот почему я такой худой даже теперь. Эта женщина, которая доставила меня в больницу, услышала, что мои видения или галлюцинации продолжаются, хотя теперь они происходили по большей части ночью. Кто-то сказал ей, что я, возможно, одержим. Ей посоветовали отвести меня из больницы к каким-нибудь традиционным целителям.

Она рассказала об этом в миссии, но там сомневались и не знали, как быть. Впрочем, они были согласны испробовать все что угодно — их заботило только мое благополучие. Женщина отвезла меня в усадьбу традиционного целителя в Коматипорт, в Южной Африке. Чтобы проверить, одержим ли я, они начали бить в барабаны, вызывая моих предков. Они били в барабаны, чтобы помочь мне. Слыша барабанный бой, я начал кричать. Это выходило из меня мои предки. Я остался жить в этой усадьбе и прошел обучение. Это было нелегко и нельзя сказать, что мне это нравилось. Я был очень болен.

Однако в конце концов я находился с людьми, которые понимали мое состояние, они могли защитить и исцелить меня. Я кричал все громче, катаясь по земле и срывая с себя одежду. Барабаны били, и я становился одержимым. Барабаны били каждый день, так что духи моих предков подходили все ближе и ближе. Они давали мне лекарства из трав, чтобы очистить мое тело, пока я полностью не выздоровел. Затем я прошел обучение иньянга. Я был худым, но становился очень сильным.

Вот так предки заставили меня пройти целительскую подготовку. Они направили меня на путь, которому я должен следовать. Когда я в детстве работал со своим дедом, мне снилось, какие пациенты к нему придут, какие у них болезни и даже какие лекарственные растения нам нужно собрать. Мы следовали этим сновидениям и готовились к приему пациентов. Сны всегда сбывались. Я был хорошим сновидцем.

Я специализируюсь на лечении стрессов и гипертонии. Эти недуги стали чрезвычайно распространенными из-за изменения условий жизни в Южной Африке. Многие конторские служащие ведут малоподвижный образ жизни. Они ездят на работу в удобном автомобиле, поднимаются в свой офис на лифте, двери сами открываются перед ними. Сидя на вращающихся стульях, служащие легко поворачиваются то к одному, то к другому телефону, одновременно отвечая на несколько телефонных звонков. Вот приходит факс, вот газеты — вы можете лишь просмотреть заголовки, на большее нет времени. Вы пьете чай с сахаром, его вам приносят. У вас на столе масса бумаг.

Точно так же вечером: вы заканчиваете работу, садитесь в автомобиль; доехав до дома, заезжаете прямо в гараж, открываете дверь и проходите пешком всего несколько шагов. Вы идете в кухню, едите много жирной пищи, пьете кока-колу. Затем вы отправляетесь спать; у вас большая, мягкая постель с множеством одеял. Мы больше не ходим пешком. Мы не готовим себе нашу натуральную пищу. Мы больше не сидим на циновках, мы хотим иметь мягкие подушки. Мы носим обувь. Когда вы ходите босыми, это массирует ваши ступни. Все ваши болезни и проблемы проходят сами собой. Вам не нужно идти к рефлексотерапевту, вы выздоравливаете естественным путем. Снимите обувь, ходите босиком. Это полезно. Дети это знают, они всегда снимают свою обувь. Они ее сбрасывают. Они не могут дождаться, когда им можно будет снять обувь после школы. Это естественное и целительное желание.

На ступнях есть определенные точки, связанные со всеми другими частями тела. Пусть это исцеление происходит естественным образом, как положено от природы.

Я ценю сотрудничество с профессиональными медиками. Врачи говорят мне, что у меня чудесные методы лечения. Они хотят знать о них и посылают ко мне своих пациентов, но я не могу учить врачей своим методам и призывать их использовать эти методы в своей практике. Я специализируюсь в одних областях, а они — в других. Так это и происходит — мы направляем пациентов друг к другу и каждый делает свою работу. Такое сотрудничество лучше всего. У меня давно сложившаяся репутация. Мне звонят со всех концов ЮАР и со всего мира. Я тоже многому научился во время своих поездок, встречаясь с потомственными медиумами в Зимбабве, с целителями в Танзании, с индейскими знахарями в Северной Америке, с целителями в Англии, Германии и других далеких странах. Теперь эти зарубежные друзья спрашивают, как я могу помочь им с лечением той или иной болезни. У меня друзья во многих местах, во многих странах. Но было время, в 1980 году, когда все эти связи вдруг прервались.

Я не рассказывал вам о своем аресте? Я провел в заключении девять месяцев. Я был одним из традиционных лекарей короля Собхузы. Король даже посылал меня в разные страны лечить других королей. После его смерти я должен был оставаться личным целителем нового короля. Тогда власть перешла к королеве-матери. Я помогал ей. С помощью моей традиционной медицины мы растили короля Мсвати. Мы отправили его учиться в Англию, он тогда был еще мальчиком. Я дважды ездил туда помогать ему. Мы ездили вместе с министром внутренних дел, бывшим губернатором Ломамбы, и с некоторыми другими старейшинами.

Пока мы были в Англии, дома, в Свазиленде, возникли проблемы. Высший Государственный Совет требовал чрезвычайных полномочий. Они свергли королеву-мать. Они сочиняли небылицы. Они утверждали, что королева-мать хотела убить нового короля, своего собственного сына, и для этого послала меня в Англию. Когда я приехал домой, Высший Совет потребовал, чтобы я их поддержал. Я не мог так поступить, и поэтому они посадили меня в лагерь в Манзини. Целители, пациенты, служители церкви и многие другие люди продолжали приходить и встречаться со мной прямо в лагере. Мои охранники недоумевали: «Что же это за человек?» Газеты писали: «Посмотрите на Масеко. Он не арестован. Он живет как свободный человек. Он может ходить в магазины». Обычно я сам ходил в магазины и потом возвращался в лагерь. Люди спрашивали: «Как такое может быть? Этот человек собирался убить короля, но теперь он свободно рассказывает повсюду?»

Тогда Высший Совет перевел меня в Сидвокодво. Когда полицейские там болели, я их лечил. У меня были моя сумка и лекарства из дома. Люди страдали, как же я мог им не помогать? Мне по-прежнему продолжали оказывать слишком много внимания и поддержки. Тогда меня перевели еще дальше, в Бхунья. Там меня начали посещать врачи и работники здравоохранения, и мы совместно готовили учебную программу. Оставаясь под арестом, я все же продолжал свою работу.

Однажды я сказал начальнику лагеря, что хочу поговорить с премьер-министром. Он ответил, что это невозможно. Я объяснил, что у меня было видение. Я видел надвигающийся циклон, и мне необходимо было предупредить его. В конце концов мне разрешили позвонить. Через три дня ко мне приехали советники премьер-министра, его *изиндуна*. Я сказал: «Что-то надвигается. Соберите весь свой скот и уведите его». Видение было таким мощным, что я плакал, рассказывая о нем. Я беспокоился об этих людях. Они доложили обо всем премьер-министру и последовали моим указаниям. Циклон пришел, в точности как в видении. Скот был спасен.

В Высшем Совете начались раздоры. Они отправились к премьер-министру и заявили: «Мы хотим, чтобы Масеко немедленно вернули обратно». Они послали большую машину и попросили, чтобы я поспешил к ним. Сразу по прибытии я спросил: «Почему вы держите меня под арестом?»

Они утверждали, что не знали о моем аресте. Они говорили: «Вы личный

традиционный целитель короля, пожалуйста, продолжайте свою работу».

Я спросил: «Что вы сделали с королевой-матерью?»

Они сказали: «Пойдите к королеве».

Она находилась под домашним арестом, под охраной солдат. Меня пропустили к ней. Увидев меня, королева воскликнула: «О мое дитя!» Она плакала, и я плакал, мы ничего не говорили.

После этого Высший Совет освободил меня. Меня отвезли домой в Ситеки в правительственной машине. Могу сказать вам, что люди в Мбабанае и Манзини призывали меня стать политиком. Я пользовался большой поддержкой. Это было соблазнительно, но я знал, что это не мое дело. Постепенно мои добрые отношения с другими целителями и с правительством возобновились.

За прошедшие годы я подготовил много целителей. И по сей день я уделяю основное внимание обучению, но теперь я сосредоточился на повышении квалификации традиционных целителей в области первой помощи. Мы обмениваемся информацией, мы учимся друг у друга и у профессиональных медиков. Сейчас открываются большие возможности. Существуют добрые отношения и примеры сотрудничества между традиционной и западной системами здравоохранения. Это сотрудничество со временем будет становиться еще более прочным и плодотворным.

Когда вы видите, как традиционные целители надевают на себя определенные облачения, ожерелья, бусы, растения, они следуют обычаям своих кланов. Они почитают и слушаются своих предков, которые руководят ими. Мы не проводим различий между духами и предками. Например, Иисус для меня — это совсем как мой король, король Мсвати, здесь, в Свазиленде. Иисус — это король христиан. В Англии есть королева-мать. Не все люди согласны с ней, но если она входит в комнату, они оказывают ей уважение. Они кланяются ей, преклоняют перед ней колени — она их предок. Эти люди тоже следуют обычаям своего клана, своей культуры. Люди имеют право на свои собственные убеждения. Одержимым может быть человек с любыми убеждениями и с любой верой. Он должен служить своей вере, может стать священником или монахиней, если это призвание очень сильно. Если вы попытаетесь отнять у них веру, они могут даже умереть. Я могу уважать чужие убеждения, если они не вступают в противоречие с обычаями моего клана. Мы можем жить в мире.

Очерк 7. Доктор Мнтсхали — выпускник колледжа, призванный предками

Доктор Мнтсхали — целитель, пользующийся широкой известностью во всем южноафриканском регионе, специалист по лечению рака. В свои семьдесят семь лет он часто ездит в Ботсвану, ЮАР и другие страны региона, чтобы помогать пациентам, которые сами не могут приехать к нему. Летом 1994 года доктор Мнтсхали впервые посетил США, где встречался с гомеопатами, врачами и учеными. Дома, в Свазиленде, у доктора обширная практика. Он активно участвует в жизни общины и отвечал за реализацию крупного проекта водоснабжения во время последней засухи. В настоящее время он добивается улучшения сельских дорог в своем районе, а также выступает инициатором создания общинной

клиники, где под одной крышей смогут работать традиционные целители и государственный медицинский персонал. Как и его коллеги, о которых рассказывалось в этой книге, доктор отличается невероятной энергией и абсолютной преданностью своей целительской деятельности. Окружающие считают благословением, что предки решили поселить его рядом с ними.

— Я был образованным парнем. Мне и в голову не приходило, что я стану целителем, хотя моя бабушка — Гого на сисвати — была целительницей, причем одной из лучших. Сангома или иньянга способны узнать все, просто взглянув на вас. Они напрямую общаются с предками. Им открыто прошлое и будущее. Моя бабушка была такой и вдобавок умела исцелять болезни.

Когда бабушка была жива, она не учила меня целительству. Она просто брала меня с собой, отправляясь собирать травы, и говорила: «возьми то, возьми это» или «сделай то, сделай это». В детстве моей обязанностью было помогать бабушке, но она ничему меня не учила. Если ты растешь в усадьбе в окружении всех этих вещей, они тебя несколько не интересуют. Целительство — это нечто такое, что делает один определенный человек, это не для всех. Будучи ребенком, ты не знаешь, как она умудрилась приобрести свои целительские способности. Целителей уважают все, и я был просто счастлив делать что-либо для Гого. Иногда бабушка дает тебе кусок хлеба, иногда покупает тебе что-то для школы. Тебя интересуют эти вещи, но не целительство. Нас не беспокоило, что делают старшие. Нам не было до этого дела. Со стороны ребенка было неуважением даже спрашивать старших о чем-либо. Иногда, по вечерам, Гого рассказывала нам истории. Это было единственное время, когда мы, дети, могли задавать Гого вопросы, вроде: «Почему когда-то животные и растения говорили с нами, а теперь не говорят?» Вот что интересовало нас.

Гого позаботилась о моем обучении в начальной и средней школе. Она попрощалась со мной в Зулулэнде, когда я первый раз уезжал в сельскохозяйственный колледж в Кейптаун сразу после войны в 1945 году. Она сказала: «Слушай, возьми за мой посох. — Она не признавала рукопожатий. — Ты уедешь, ноты вернешься обратно». Это был последний раз, когда я видел ее живой. Получив диплом сельскохозяйственного колледжа, я поступил на работу в частную компанию в Порт-Элизабет. Я повысил свою квалификацию и специализировался на сортировке пряжи для текстильной промышленности.

Жизнь в Порт-Элизабет не очень меня удовлетворяла. Я чувствовал себя не на месте. В конце концов, я оставил компанию и поступил работать мастером на соседнюю молочную ферму. Это была хорошая, современная ферма с козами и овцами. Мне досаждал один управляющий, который хотел, чтобы я говорил на африкаанс. Я знал только английский. Но он, управляющий, не понимал меня и называл меня английским крестьянином, так как я говорил по-английски. Все мое общение с ним происходило через хозяина фермы, поскольку тому нравилось, как я работаю. О, это приводило управляющего в ярость! Эта неудобство на работе было проделкой моих предков. Они старались направить меня в Свазиленд, где я должен был в конце концов последовать своему призванию стать традиционным целителем.

Все кончилось тем, что я уехал из Порт-Элизабет. Хозяин фермы никак не мог поверить, что я ухожу. Он написал мне прекрасную рекомендацию. Мне не хотелось возвращаться в Кейптаун, хотя я и знал, что там лучше и там больше рабочих мест. Я не мог понять, почему у меня появилось побуждение покинуть ЮАР, где так много возможностей найти работу. Стремление поехать в Свазиленд было таким сильным, что у меня не оставалось иного выбора, кроме как последовать ему. Перспектива получить работу в Свазиленде была весьма сомнительной. Меня много критиковали за этот выбор. Я не мог защищаться и не мог ничего объяснить. Это было сильнее меня, я просто должен был это сделать, невзирая на результат. Я письменно обратился в правительство Свазиленда и, к собственному изумлению, получил приглашение на работу. В марте 1950 года я начал работать в министерстве сельского хозяйства Свазиленда. Когда я приехал, я был сам себе начальник. Мне приходилось самому составлять свой рабочий график. Я должен был учить

уже зрелых людей и фермеров. К счастью, мне уже приходилось работать с коса и зулу, и мне легко было найти общий язык со свази.

Пока я был в командировке в Пиггс Пик, моя хижина сгорела дотла. Моего первенца, маленького ребенка, спасли, но мой отец погиб. Именно после этого бабушка — Гого — начала приходить ко мне в сновидениях. Она всегда приходила ночью. Неподалеку находился один овраг, вокруг которого росло множество деревьев. Когда в своих сновидениях я подходил к деревьям, среди них особо выделялось три вида. Бабушка говорила, чтобы я отправился туда и нашел эти деревья. В сновидении я вставал и шел вместе с ней.

Мы вместе выкапывали *мути*. Я решил на самом деле пойти к этим деревьям днем, когда я бодрствовал. К собственному удивлению, я нашел деревья и лекарственные растения, о которых говорила бабушка. Они оказались в точности такими же, как во сне. Я собрал растения и принес их домой.

Гого вернулась в моих сновидениях на следующую ночь и снова велела мне идти с ней. Она показала мне еще одно дерево и сказала, где копать. Наутро я отправился туда — теперь я был уверен, что дерево будет именно там, где я видел его во сне. Я отыскал дерево, стал копать и нашел корни. Но Гого не объяснила, для чего предназначены эти корни и травы. Как-то утром после одного из таких ночных видений, мужчина в моей конторе подошел ко мне и пожаловался на неважное самочувствие. Я подумал о растениях, которые собрал. На следующий день я захватил их с собой на работу, приготовил для него чай и сказал: «Я сам не знаю, что это такое, но попробуйте выпить этот чай. Как знать, вдруг это вам поможет».

Он попробовал мой чай и почувствовал себя лучше. Вернувшись, он сказал: «Вы — целитель».

«Нет, нет, — возразил я, — я не целитель».

Я не хотел быть целителем. Несколько дней спустя тот же мужчина пришел снова; он хвалил меня и просил дать ему еще лекарств. Он приводил с собой других, до двадцати человек сразу. Люди начали говорить, что я целитель, что я могу помочь при разных недугах. Все это время я продолжал оставаться сотрудником министерства сельского хозяйства. Целительство меня нисколько не интересовало. Сама мысль о том, чтобы быть целителем, вызывала у меня раздражение.

Гого продолжала приходить ко мне в сновидениях. Я начал думать, что мне следует это принять. Гого была целителем — быть может, теперь я должен взять это на себя. Казалось, у меня нет иного выбора. Это очень огорчало меня. Так продолжалось годами. Люди стали приезжать ко мне из других мест, среди них были даже учителя. Затем приехал один мужчина из Занзибара. Он был чернокожий араб, а не чернокожий африканец, как я. Он поселился по соседству. Бывало, когда у него кончался чай, он заходил ко мне попросить немного в долг. Этот мужчина из Занзибара видел, как люди приходили ко мне за лечением. Он сказал: «Вы мой друг, и я хочу вам кое-что дать. Вы готовы защищать людей и общины. Теперь вы будете брать коз в оплату за свои услуги». Я подумал: теперь это становится постоянной работой. Но я не могу этого делать. Гого мне этого не показывала. Мне это не нравилось, но я все же пошел на это. Он сказал, что я буду совершенно прав, поступая таким образом. И так продолжается вот уже 20 лет.

В течение всех этих лет Гого оставалась моим единственным другом в ночных снах. Мужчина из Занзибара изготовил мне кости, с помощью которых я консультирую и ставлю диагноз. Он сделал их для меня между 1956 и 1957 годами. Эти кости стали рассказывать мне разные вещи. Когда он сказал, что собирается сделать нечто такое, что будет рассказывать мне, кого можно вылечить, а кто умрет, я спросил: «Как же эти вещи могут о чем-то рассказывать?» Я сомневался и оказался не прав. Эти кости стали для меня большим подспорьем. Они похожи на старинные костяшки домино или маленькие деревянные пластинки. Одна из них — это пациент-мужчина, другая — больной в постели, третья — предок дома, четвертая — иньянга, пятая показывает мне решение. Она говорит мне, что я

могу вылечить этого пациента. Другие показывают, где находится болезнь — в груди, в животе или еще где-то. Если определенная кость выпадает вместе с другой, это означает домашнюю ссору, раздоры из-за денег. Еще одна означает, что предки заботятся о вашем доме, но они хотят чего-то — какой-то пищи, какого-то почитания. Поэтому я спрашиваю пациента — как давно он отдавал дань почитания своим предкам. Если это было слишком давно, то пациент должен засвидетельствовать свое уважение, должен вспомнить предков, должен почтить их. Вот так работают для меня эти кости.

Не всякий может быть целителем или правильно бросать кости. Такое бывает только когда предок готов работать с тобой и помогать тебе. Я занимался целительской практикой с 1954 года, восемнадцать лет, с одним своим предком, Гого. В 1972 году появились еще шесть предков. Они не приходили ко мне в сновидениях. Это случилось, когда я отправился в центр подготовки традиционных целителей здесь, в Свазиленде. Я уже был старым, мои волосы совсем поседел — это было приблизительно в 1970 году. Я отправился туда лишь потому, что двое моих детей были на грани смерти. Я не хотел проходить подготовку, я лишь отчаянно пытался спасти своих детей.

Иньянга в центре подготовки сказал мне: «Эти дети страдают из-за твоих собственных поступков. Теперь ты должен жить по-другому. Ты должен оставить свою работу в министерстве, чтобы пройти подготовку целителя. Теперь хотят прийти другие твои предки. Они устали тебя ждать. Все эти годы с тобой работает лишь один-единственный предок». Я знал только одного моего ночного друга — Гого. Целитель сказал: «Да, но есть и другие, они хотят явиться. Они тронули детей только затем, чтобы разбудить тебя. Они хотят добиться твоего внимания». Мои дети всегда были здоровыми. Я растил их, используя методы иньянга и растительные лекарства. Я сам лечил их, они даже ни разу не были в больнице. Понимаете, я был современным человеком. У меня была машина, у меня был большой сад. В мою усадьбу вода подавалась насосом. Я не хотел становиться целителем и отказываться от всего этого, но я решил, что мои дети не должны умереть. Я должен принять этот совет.

Я приехал в это место. Я сидел в хижине, накрытый белой тканью. Нас было много, сидящих там под покрывалами. Барабаны производили удивительный шум, и мы были очень счастливы. Это было приятно. Все целители относились к этому серьезно, но с радостью. В первый день я был так взволнован, что начал терять рассудок. Я поднял голову и огляделся, я сказал: «Что же это такое?» Они не давали мне никаких лекарств, никаких травяных настоев, ничем меня не умащивали — один лишь непрерывный барабанный бой. Я вскочил и сбросил с себя покрывало. Я подумал, что от него нет никакого толку. Я был сердит на учителя. Я ощущал, что с моим телом и моим умом что-то происходит. Я чувствовал, что не владею собой. Старший целитель мягко взял меня за руки, заставил снова сесть и накрыл покрывалом. Барабаны наконец умолкли, и я заснул.

На следующий день, рано утром, около 4 часов, мы проснулись, и все повторилось снова. Я слышал, что громко кричу, но не узнавал своего голоса. Кто-то вышел из меня и назвал свое имя. Я знал это имя. Он быстро и свободно говорил на зулу. Я не знал, что он говорит, он просто говорил через меня. Я мог слышать, что говорю, но у меня не было никаких мыслей. Понимаете, это чей-то голос, не ваш — вы просто говорящие уста. Вы просто инструмент. Знаете, как только предки уходят, вы чувствуете себя совершенно обессиленным. Вы ничего не можете вспомнить. Во время такого обучения старшие целители, учителя, должны в точности рассказывать вам, что сказали предки. Это их работа — правильно все запоминать и точно передавать.

Очерк 8. Кхумбулиле Мдлули — от школьницы до целительницы

Во время своей целительской подготовки Кхумбулиле познакомилась с сыном своей наставницы, и через несколько лет они решили пожениться. Перед свадьбой она начала ощущать беспокойство по поводу этого брака, но решила пойти наперекор этому чувству и все же выйти замуж. Со временем растущие мастерство и репутация Кхумбулиле начали затмевать деятельность ее мужа. Когда у нее умер отец, один из мужчин семьи должен был вернуться в усадьбу родителей, чтобы помогать матери. Но никто не захотел этого сделать. И, вопреки традиции, Кхумбулиле вернулась домой, чтобы поддерживать мать, сестру и десятерых детей, пять из которых были ее собственными. Ее муж отправился в ЮАР в поисках лучшей жизни. Кхумбулиле видится с мужем раз в году и не получает от него никакой помощи в воспитании их пятерых детей. Однако она не винит его в своих невзгодах. Она говорит, что они оба пошли наперекор своему интуитивному чувству и поплатились за это. Мечтая дать своим детям систематическое образование, Кхумбулиле делает все, чтобы они посещали начальную и среднюю школу. Хотя плата за обучение оставляет ее почти совсем без средств, она как-то выкручивается. Все в ее усадьбе выглядят счастливыми. Кажется, что они все с легкостью преодолевают эти трудности.

Кхумбулиле участвует в просветительских программах в области здравоохранения для частных и государственных организаций. Она выступала с лекциями во всех странах южноафриканского региона и в США. Врачи и целители из других стран находят Кхумбулиле через свои сновидения. Зачастую неожиданно для себя они отыскивают путь в ее скромную сельскую усадьбу и приезжают с визитами, чтобы обмениваться целительскими методами и учиться. Кхумбулиле получила свое призвание к целительству в ранней юности. Это было началом ее жизни в двух мирах — в современном мире и в мире древних традиций. Она твердо верила в необходимость систематического образования, и ей было нелегко следовать призванию предков.

Предки начали призывать меня, когда мне было 12 лет. Сейчас я практикую здесь, в Нтфоджени, уже 17 лет. Когда я была маленькой, мои родители не консультировались с целителями. Это началось со страданий. У меня болел живот, эта боль не прекращалась даже ночью, когда я спала.

Однажды ночью мне приснилось, что пришел большой человек с палкой. Он бил меня. Я ничего не почувствовала ни тогда, ни когда проснулась. После этого являлись предки. Мои близкие говорили мне, что я разговаривала на языке, который они не понимали. Предки приходили, говорили через меня, и я танцевала. Когда это происходило, люди начинали говорить, что я сошла сума. Они рассказывали мне, что я делала, но я не помнила ничего из этого.

В моих видениях эти предки дали мне новое имя. Я сказала своей семье, что мое новое имя — Принс Ламони Дламини. Оказалось, что это был один из наших пращуров. Я была напугана. Я не понимала, что происходит. Я шла в церковь и молилась, молилась, молилась. Я ходила в школу две недели в месяц, потом заболела и сидела дома. В школе я могла вдруг потерять сознание, и меня отвозили в больницу. Врачи и сестры ничем не могли помочь мне. Я приходила в себя и какое-то время чувствовала себя вполне хорошо. Эта

болезнь была себе на уме. Она не реагировала на лекарства из больницы.

Болезнь и смятение продолжались годами. Учеба стала для меня борьбой, но я хотела закончить среднюю школу. 7 мая 1982 года я должна была сдавать экзамены, но явились предки. Они привели меня в то место, где я должна была проходить целительскую подготовку. Предки показали мне в видениях, куда мне следует отправиться. Я подробно описала это место своей сестре, и она отвезла меня туда. Мы поехали, и все было точно так, как я говорила. Наставница ожидала моего приезда. Я проходила свое обучение недалеко от границы между Свазилендом и ЮАР в провинции Мананга.

Нас, учеников, было двенадцать человек — один мужчина и одиннадцать женщин. Обучение было очень трудным. Мы не носили одежды выше пояса. Мы не носили обуви, даже в зимние холода. Нам приходилось рано вставать, чтобы пахать землю, но пища, которую мы выращивали, предназначалась не нам. Мы должны были иметь собственную еду из дома. Рано утром мы шли на реку и мылись, даже если было очень холодно. Затем мы должны были принимать определенное лекарство предков, от которого нас рвало. Мы очищали свои тела и шли назад к месту обучения. Потом являлись предки, и мы танцевали, танцевали без передышки. Мы очистились, и теперь предки могли появляться легко. После всего этого мы возвращались к работе. В таких условиях я проучилась год.

Днем наставница прятала разные вещи, а мы должны были находить их с помощью предков. Наставница даже могла спросить: «Какого цвета автобус, который ходит в Манзини и возвращается вечером?» И хотя ты никогда не видел этого автобуса, предки могли подсказать тебе ответ. Я могла сказать, какого цвета автобус, я отвечала на любые вопросы, но потом ничего не помнила. Моя наставница рассказывала мне, что я говорила. Предки могли являться и говорить: «Я хочу красное платье, черное платье». Они говорили мне, что я должна носить. Кроме того, во время обучения я бросала кости. У меня это получалось очень легко. Никто меня не учил — предок являлся, и кости говорили мне, что и как. Так происходит с костями у всех одержимых целителей.

Предки умеют заставить нас пойти учиться. Они знают, что мы боимся, и потому делают нас больными. Мы можем выздороветь, только если начнем обучение. Поначалу мы учимся лишь для того, чтобы чувствовать себя лучше. Но мало-помалу нас начинает интересовать, чему мы учимся. Нам нравится, когда являются предки. Мы начинаем любить то, чему нам теперь предстоит посвятить свою жизнь.

Трудно впервые начинать практику. Завершив обучение, ты чувствуешь облегчение, но тебе не с кем посоветоваться о пациентах. Тебе недостает учителя и опыта твоих товарищей-учеников. Тебе очень одиноко. Это может подорвать твою уверенность в себе. Но как только начинаются эти тревоги, твои предки приходят тебе на помощь и в точности говорят, что нужно делать. Предки не призовут тебя на такую трудную учебу, чтобы потом предоставить самой себе. Так не бывает. Предки довольны, потому что ты следуешь их указаниям, ты делаешь их работу. Они помогают тебе и твоим пациентам изо всех сил. Предки направляют и защищают тебя. Ты начинаешь понимать, что ты не одинока.

Шло время, и в традиционном целительстве и методах лечения происходили перемены. Сегодня мы сталкиваемся с другими болезнями, чем тогда, когда я только начинала свою практику. К нам может прийти пациент, который очень болен. Мы используем известное нам лекарство, но оно не помогает. Предки показывают нам, где найти новое средство взамен этого. Они даже могут показать нам профессионального врача, с которым мы должны посоветоваться, — человека, которому мы можем доверять и который будет относиться к нам с уважением.

Нам не всегда платят за работу. Мы должны лечить страдающих людей, давать им лекарство, содержать их, кормить их. Люди ошибаются, думая, будто целители получают кучу денег. Это не всегда так. Мы устанавливаем плату за лечение, но не всякий пациент может ее заплатить, так что нам приходится приспосабливаться. Мне нравится видеть, как мои пациенты поправляются. Мне просто нравится лечить пациентов. Это моя любовь, это

моя награда.

Очерк 9. Закхеле Сибандзе — из полицейских в целители

В поездке к Закхеле Сибандзе меня сопровождал Моисей — сотрудник штаб-квартиры ОТЦ. Стоял один из великолепных теплых африканских дней. Местные жители, идущие по обочине дороги, улыбались нам и приветственно махали руками. Я была на вершине блаженства. Недавно прошел дождь, небо было чистым и безоблачным, все сверкало яркими красками. С горной дороги открывался поистине впечатляющий вид. Моисей объяснял, что до того, как господин Сибандзе был призван стать целителем, он служил в полиции. Это никак не укладывалось у меня в голове. Полицейские, с которыми мне приходилось сталкиваться в Африке, были мужественные, крепкие парни, не имевшие ничего общего с чуткими и заботливыми людьми, какими я представляла себе целителей. Мне не терпелось с ним познакомиться.

Господин Сибандзе работает администратором в свазийской традиционной системе *Тинкунда* и отвечает за район Нтфоджени. Он обладает большим чувством юмора и может оценить иронию своего положения, которое требует, чтобы передним, традиционным целителем, отчитывались все государственные медсестры этого района. Он занимается традиционным целительством уже двадцать два года. Как и у большинства старших целителей, у него почти нет времени для отдыха. Он принимает своих пациентов по вечерам и в выходные дни. Он мечтает завершить строительство своей традиционной клиники, оставить администраторскую работу и все свое время посвящать целительству.

Перед его скромным офисом — двухкомнатной блочной бетонной постройкой на ровном пустыре — растет огромное дерево. Когда я впервые вошла в этот офис, меня поразил царящий там беспорядок. Помещение давно не красили, на письменном столе и на полу кучей были свалены бумаги. Но сам Сибандзе так тепло приветствовал меня, что сразу мне понравился. Он показал мне, где находится королевская резиденция — сразу за холмами, за территорией правительственных зданий. Он сказал, что у короля есть резиденции во всех регионах, хотя большую часть времени он проводит во дворце поблизости от столицы Мбабане.

Сибандзе без энтузиазма относился к предстоящему визиту короля, поскольку он совпадал с праздничными днями. Он предвкушал всеобщую попойку и готовился к приему множества пациентов, которые наверняка придут к нему лечиться после домашнего пива, в котором вечно кишат бактерии. Здесь при варке пива не очень-то соблюдают правила гигиены. В сусло легко попадают пыль и ветки, грязь от невымытых рук и тому подобное. Посмеиваясь, Сибандзе сказал, что каждый год ему приходится рассказывать людям, главным образом мужчинам, о том, как опасно пить такое пиво. Конечно, от этих бесед толку мало. Его пациенты страдают несколько дней после праздника, но потом у них есть целый год, чтобы забыть о неприятностях. Поле деятельности Сибандзе — человеческая натура. И, подобно другим целителям, он с великим сочувствием относится к нашим человеческим слабостям.

К 1969 году Сибандзе служил в полиции уже шесть лет. Он пользовался всеобщим уважением и уже шел на повышение. Но внезапно жизнь его изменилась. Выходя рано утром на работу, он чувствовал себя прекрасно, но уже в одиннадцать часов начинались мучения. Сначала у него начинала сильно болеть голова. Это походило на приступ мигрени и было так мучительно, что он едва не кричал. Затем ему становилось трудно дышать и появлялась острая боль в груди. Каждый раз коллеги-полицейские спешно отвозили его в больницу. И каждый раз по приезду в больницу боль исчезала и дыхание становилось нормальным. Врачи были озадачены. Сибандзе перевели в больницу в ЮАР. Он находился под наблюдением в Йоханнесбурге в течение шести месяцев, но врачи так и не смогли подобрать лечения. После выписки из больницы он по-прежнему страдал от головных болей, болей в груди и головокружения.

В то время в Малкернс, в Свазиленде, начальником медицинской службы был муж одной традиционной целительницы. Эта женщина услышала о болезни офицера Сибандзе и предположила, что его беспокоят *эмалодти* (что на языке сисвати означает «предки»). Она приехала к нему и сказала: «Возможно, вами пытаются овладеть предки. Быть может, вы избраны стать целителем».

Для Сибандзе это было неприемлемо. Он был ошеломлен. Когда он был ребенком, его родители никогда не обращались к традиционным целителям. Для него это было нечто чуждое и даже нелепое. Отец Сибандзе был образованным христианским священником. Его семья лечилась у профессиональных врачей. Сибандзе был убежден, что традиционное целительство — не для него. Но болезнь не проходила. Боль усилилась настолько, что ему хотелось умереть. Его близкие были вынуждены присматривать за ним, чтобы предотвратить попытку самоубийства, и старались никогда не оставлять его одного.

Но в конце июня 1970 года Сибандзе исчез. Это было тем более невероятно, что его многочисленные близкие и друзья бдительно следили за всеми его действиями. Сам Сибандзе не осознавал, что с ним происходило, и до сих пор не может этого вспомнить. Каким-то образом он пересек границу и оказался в Мозамбике, в месте, где он раньше никогда не бывал. Вот его дальнейшая история.

— Когда я проснулся в этом месте, то обнаружил, что со мной все в порядке. У меня не было головной боли, дыхание было нормальным. Я был глубоко взволнован, почувствовав себя здоровым. Все остальное не имело значения. Я узнал, что нахожусь у традиционных целителей народа шангаан в Мозамбике. На всех здесь были *эмасиуа* — браслеты, которые носят целители. Я пришел сюда, чтобы пройти подготовку целителя. Перед тем как исчезнуть, я видел усадьбу моей наставницы во сне. В сновидении эта иньянга стояла у ворот, ожидая меня. Когда я проснулся и увидел ее, я еще живо помнил ее по сновидению. Я не помню, как добрался до этого места, но оно выглядело в точности как в моем сне.

Я согласился пройти обучение лишь потому, что здесь я лучше себя чувствовал. Если для того, чтобы хорошо себя чувствовать, мне нужно было учиться на целителя, я был готов это делать. Я сделал бы все, что угодно, лишь бы снова стать здоровым. Во время обучения ко мне в сновидениях приходили мои предки и водили меня собирать лекарственные растения. Предки были добры ко мне. Я быстро учился и был доволен собой. Проведя два года в усадьбе моей наставницы, я начал выполнять там работу целителя. Я принимал пациентов, собирал лекарственные травы, лечил больных и накапливал опыт традиционного целительства.

Тем временем дома я числился пропавшим без вести. Полиция подозревала, что меня уже нет в живых. Директор ОУР (Отдела уголовных расследований Свазиленда), англичанин, приехал в усадьбу, где я учился, чтобы узнать, жив я или умер. Он был поражен увиденным, но больше не беспокоился. Он увидел, что я занимаюсь традиционным целительством. Его не смутило то, что со мной произошла такая странная вещь. Он просто вздохнул спокойно, обнаружив, что со мной все в порядке и я в безопасности. После этого я стал получать пожертвования от служащих полиции, которые хотели помочь мне, пока я еще

проходил обучение. За свою короткую полицейскую карьеру я заработал довольно неплохую репутацию, но это проявление поддержки все равно было необычным. Меня удивило, что коллеги-полицейские признали мои целительские способности и стали обращаться ко мне за помощью вскоре после того, как я вернулся в Свазиленд. Даже комиссар полиции побывал в числе моих пациентов. До чего же странно было, что комиссар полиции приходит ко мне на прием и становится передо мной на колени! По нашим обычаям, человек становится на колени в знак уважения только перед королем, вождем или знаменитым традиционным целителем. Такие почести воздают только людям, занимающим самое высокое положение. То, что комиссар полиции выказал мне подобное почтение, потрясло меня до глубины души. Мне даже было неловко. Вы понимаете, комиссар это большой начальник. А я — не начальник я всего лишь целитель.

Комиссар просил меня вернуться на работу в полицию. Я сказал: «Нет, я не вернусь. Я должен заниматься целительством. Это то, что я теперь люблю». Как неожиданно, как неожиданно! У меня нет слов.

Я был призван стать целителем, когда мне было чуть больше двадцати. И вот уже двадцать шесть лет я практикую. Единственный перерыв был в то время, когда умер мой отец. Когда он умер, я поссорился с братом. Он сказал: «От тебя исходит какая-то тьма, из-за тебя умирают домашние». Он думал, что я нарушаю порядок вещей. Он был христианином и считал, что эту тьму приносят мои пациенты. Пытаясь восстановить мир в семье, я на два года бросил целительскую практику. Я перестал лечить людей. Это было так тяжело. Мне этого ужасно не хватало, и все это время я ни дня не чувствовал себя спокойным и счастливым.

Оглянувшись назад, я понял, что за все время моей практики из всех моих пациентов умер только один. Он пришел ко мне ночью, совершенно больным, и умер на следующее утро. Его болезнь была слишком запущена, и я уже ничем не мог ему помочь. Все остальные мои пациенты вылечились. Стало ясно, что я должен вернуться к целительству. Сегодня я лечу кое-кого из домашних моего брата. Он видит, как мои больные поправляются. Со временем он стал понимать мое призвание. Мы больше не в ссоре.

Очерк 10. Номса Вилакати — исцеленная предками

Подобно многим своим коллегам, Номса никогда не задумывалась о том, чтобы стать целителем. По правде говоря, если она видела, что к ней приближается целитель, то переходила на другую сторону дороги. Она боялась традиционных целителей. Будучи воспитана в протестантской вере, она регулярно посещала Сионскую церковь. Когда ей было двенадцать лет, она начала испытывать сильное и необъяснимое неудобство, присутствуя на церковных службах. Как только она выходила из церкви, к ней снова возвращалось хорошее самочувствие. В это же время у Номсы появились повторяющиеся сновидения. В одном таком сне она шла по берегу океана.

Номса вспоминает сны пятнадцатилетней давности так, будто это было только вчера.

— На побережье я видела большую змею, это было как вспышка молнии.

Многоголовая змея выходила из моря. После этих сновидений о змее сразу же следовал еще один сон. В этом сне меня проглотила большая рыба. Я пробыла внутри рыбы семь дней. По прошествии этого времени рыба выплюнула меня. Я увидела и услышала старика, который бил в барабаны *конга*, наподобие тех, что используют традиционные целители. Он сказал: «Вот идет целитель». Он говорил обо мне!

После этих сновидений я не могла заснуть. Я была слишком потрясена, слишком испугана. Я ощущала, будто у меня в середине головы и в основании позвоночника есть проход наподобие трубы. Я могла чувствовать, как через меня проходят ослепительный свет и воздух. Я ощущала это даже когда бодрствовала. Я начинала оглядываться вокруг, думая, что же такое завелось в доме. Я искала на постели, под матрацем, высматривая нечто такое, что должно было быть очень опасным. Потом, перед тем как я отправилась обучаться на традиционного целителя, у меня был один последний сон. В этом сне я была на берегу. Ко мне подошел мужчина. Он выпрямил мне голову и спину, руки и пальцы, плечи и волосы. После этого он дал мне травы. Он был целителем, моим предком. Он готовил меня к тому, чтобы я стала целительницей.

За две ночи до того, как я отправилась учиться, я слышала какие-то голоса, обращавшиеся ко мне — но это было не в сновидении, я не спала. Голоса говорили: «Ты пойдешь учиться, чтобы стать традиционным целителем. Ты должна прекратить пользоваться кремами для лица и тела. Тебе следует просто мыться и оставлять свои волосы и кожу, как они есть». Я послушалась и перестала пользоваться косметикой. Я подумала, что это не сможет мне повредить, так что я вполне могу попробовать. В ночь перед тем, как я ушла обучаться, я снова слышала голоса, но теперь их было много. Они приходили и говорили: «Ты должна учиться и стать целителем, мы хотим с тобой работать. Не следует терять время, ты должна отправиться учиться прямо сейчас».

Послушавшись сновидений и голосов, Номса ушла из дома посреди ночи. Она оставила входную дверь открытой и пошла пешком в одной ночной рубашке. В доме никого не осталось. Номса до сих пор переживает, вспоминая о том, что она сделала. В ее районе довольно высокий уровень преступности, часто случаются кражи со взломом. Она поступила неосмотрительно, бросив вот так свое жилище. Однако в нем никто ничего не тронул, несмотря на то, что дверь оставалась открытой. Номса не помнит, как посреди ночи она шла в одной ночной рубашке через всю столицу вниз по Малагвени Хилл — извилистой и опасной дороге, печально известной наибольшим в стране числом смертей в автомобильных авариях, направляясь в Эзулвини Вэлли, почти за 25 километров от своего дома.

На следующее утро Номса проснулась и обнаружила, что находится в традиционной клинике миссис Нтомбемпхлопхе Дубе. Она знала, что пришла из Хиллтоп в Эзулвини Вэлли пешком и что за время этого долгого пути ей никто не причинил беспокойства или вреда. У нее было четкое ощущение, что она ни разу не подвергалась опасности. Это казалось ей абсолютно невероятным, однако она была уверена, что все так и было. И все же, как она ни старалась, она не могла вспомнить никаких подробностей этого путешествия.

Миссис Дубе не была готова к ее приходу. Она только что завершила двухгодичный курс обучения с группой целителей, которые нашли ее точно также, как и Номса. Обучение требовало полной отдачи, и у нее оставалось мало времени на собственную семью. Она была совершенно измотана и предвкушала честно заслуженный отдых. Миссис Дубе была ошеломлена тем, что теперь, после этой жертвы, предки могли выбрать для нее еще одну ученицу. Она не могла в это поверить или примириться с этим. Она удобно устроила Номсу, но предупредила ее, что здесь какая-то путаница, какая-то ошибка, что Номса должна будет вернуться домой и ее направят к другому учителю. Однако в сновидениях к миссис Дубе обратились предки Номсы. Они говорили с ней и объяснили, что она должна принять это назначение. После этого сновидения миссис Дубе знала столь же определенно, как и Номса, что никакой ошибки здесь нет. Номса должна была оставаться у нее два года и учиться.

— Современные врачи порой направляют ко мне своих пациентов, говорит Номса. — Медицинские работники могут оказать большую помощь. Например, они могут восстановить у пациента обмен веществ при обезвоживании. Кроме того, в больнице могут, при необходимости, сделать переливание крови. У нас хорошее сотрудничество с медицинскими работниками. Мои предки помогают мне узнать, с какими врачами мне следует работать. Они говорят мне, каких пациентов направлять к врачам, в каком лечении они нуждаются и куда им следует обратиться. Мне совершенно ясно, как должно действовать и как действует это сотрудничество.

В начале 1993 года Номса оказалась в медицинском учреждении в качестве пациентки. Ремонтируя крышу, она упала и повредила спину. Она попросила, чтобы ее отвезли в больницу, чтобы сделать рентгеновский снимок. Номса рассказывает, что произошло дальше:

— Врачи сделали рентген и обнаружили, что у меня вывихнуты две небольшие косточки. Меня положили в больницу. Это случилось в четверг. В больнице я едва могла пошевелиться. Ниже шеи мое тело было парализовано. Мне приходилось пользоваться подкладным судном. Я не могла даже повернуться. Врачи сказали, что мне придется пробыть в больнице по меньшей мере три месяца. Потребуется длительное лечение, а потом еще и физиотерапия.

Это была крайне плохая новость, поскольку Номса — очень подвижный и деятельный человек. В 1992 году она победила в региональном конкурсе традиционных танцев, который проходил в ЮАР. В конкурсе участвовало более 2000 человек. Она очень самостоятельна. Ремонт крыши — лишь один из многих видов работ, которые ей приходится выполнять, чтобы поддерживать в порядке свой дом. У нее нет машины, и она каждый день проходит пешком помногу километров. Эта травма оказалась для нее настоящим бедствием.

В воскресенье ночью я заснула и была одержима моими предками, продолжает Номса. — Я самостоятельно встала с постели. Я пошла в ванную и воспользовалась туалетом, вернулась в постель и заснула. Я говорила голосом предка, и кое-кто из моих соседей по палате заметил это. Их поразило, что я могла это делать. На следующее утро я ничего не помнила. Мне рассказали обо всем другие женщины и медсестры. Даже врач, который осматривал меня в тот день, был удивлен. Он сказал, что не может объяснить, что произошло, но мои кости зажили и я могу выписываться. Это сделали мои предки. Они не хотели, чтобы я оставалась в больнице. Они пришли, чтобы вернуть меня домой.

Время от времени при моих встречах с традиционными целителями кое-какие части интервью необъяснимым образом «терялись». Однажды я записала на пленку оживленную двухчасовую беседу с Номсой. Стремясь поскорее записать на бумаге одну историю, я поспешила домой. Когда я попыталась переписать текст с магнитофонной кассеты на свой компьютер, то обнаружила двадцатиминутный пустой отрезок пленки. Но при этом я слышала собственный голос, произносящий через равные промежутки контрольную фразу, чтобы удостовериться, что запись включена. Все было в порядке. Ее голос должен был записаться. Но что еще хуже, я не могла вспомнить историю, которая меня так заинтересовала. Во время следующей встречи с Номсой я спросила ее об этом. Она тоже не могла вспомнить ту историю, но это ее позабавило. Она сказала, что это не имеет значения. Мне следует верить, что у меня есть все, что нужно из этой истории, и позволить забыться всему остальному, как это уже сделала она сама. Информация исчезла потому, что выполнила свое предназначение. Если я действительно должна об этом написать, она появится снова. Я всегда должна получать то, что мне необходимо, — не больше и не меньше.

У Номсы не всегда была эта удивительная вера в то, что природа или предки обо всем позаботятся. Одна из моих любимых историй служит примером первоначальных сомнений, с которыми она боролась. Вскоре после того, как Номса завершила свое двухлетнее обучение и вернулась домой, ее предки в сновидении сказали, чтобы она пристроила дополнительную

комнату к своему двухкомнатному дому. Эта комната должна стать священной и использоваться только для занятий традиционным целительством. Мысли о возведении этой пристройки не давали Номсе покоя. Ее смущала идея комнаты, предназначенной для единственной цели, но, что еще важнее, у нее не было шестисот эмалгени (600 рэндов) на покупку материалов. Она была начинающим целителем с маленькой практикой и не имела средств. Задача была невыполнимой, и Номсу беспокоило, что она не способна сделать то, о чем просили предки.

Между тем ей приснился еще один сон. В этом сне предки велели ей незадолго до рассвета пойти одной на автовокзал, находившийся посреди делового центра Мбабане. Она знала, что должна это сделать, но было небезопасно идти одной в темноте целых восемь километров. Но Номса взяла себя в руки и сделала, как ей было сказано. Она без происшествий добралась до автовокзала. Как ни странно, вокзал был пуст. Обычно в это время здесь находится множество людей, готовящихся к дальней поездке на работу или по личным делам. Номса была раздосадована, оказавшись в столь нелепом положении. Она вспоминает, что подумала: «Ну что я за дура! Здесь же ничего нет. Что я могу найти, что бы помогло мне построить клинику? Ничего!» Она повернулась, решив немедленно вернуться домой, когда ей под ноги попался конверт. Она наклонилась и подобрала его. В конверте было ровно шестьсот эмалгени наличными. Номса огляделась вокруг, ища того, кто обронил конверт. Но никого не было. Она взяла деньги и построила клинику, которую она использует и сейчас, десять лет спустя.

— Предки заботятся обо мне, когда я выполняю их работу, — говорит Номса. — Я больше не тревожусь, если наступают трудные времена. Ведь за эти годы у меня есть множество подтверждений, что если я каждый раз слушаюсь указаний своих предков, все устраивается должным образом. Это справедливо не только для целителей вроде меня, но и для всех людей.

Заключение. Древнее и современное: встреча традиций

Министр здравоохранения Свазиленда доктор Квинг Квинг Дламини получила свое медицинское образование в ЮАР, а затем отправилась изучать здравоохранение в Калифорнийском университете в Беркли. Позднее она специализировалась на управлении и администрации в области общественного здравоохранения. Она проработала в медицине двенадцать лет. Квинг Квинг пользуется большим уважением как в медицинском сообществе, так и среди традиционных целителей. Проницательная и способная к сочувствию, она проводит в жизнь политику, рассчитанную на участие широких масс и, в том числе, традиционных целителей. Ее достижения признаны в общегосударственном масштабе.

Квинг Квинг объясняет:

— Я работаю в сотрудничестве с целителями с 1983 года. Большинство жителей Свазиленда, до восьмидесяти процентов, пользуются услугами традиционных целителей. Для них традиционный целитель это первая точка соприкосновения с системой здравоохранения. Тут нет ничего удивительного, поскольку в Свазиленде примерно 8-10 тысяч традиционных целителей и лишь 137 зарегистрированных врачей. В 1983 году мы видели множество детей, умиравших от поноса. Так было и в традиционном, и в медицинском секторах. Мы решили провести крупную кампанию по введению и поощрению применения пероральных методов борьбы с обезвоживанием (ПТР)⁷ для лечения случаев поноса. Мы столкнулись с сопротивлением не только традиционных целителей, но и профессиональных медиков. Многие врачи использовали капельницу, или вводили антибиотики, или применяли другие неэффективные методы лечения.

⁷ Буквально — пероральная терапия регидратации. (Прим. пер.)

Мы привыкли думать, что противодействует новшествам только традиционная сторона, но в обоих секторах есть самые разные люди, и сопротивление инициативам сотрудничества и повышения квалификации исходит отовсюду. У нас в Свазиленде есть врачи, которые приехали сюда, открыли практику, но так и не зарегистрировались в министерстве здравоохранения. В профессиональной практике общепринято, приезжая в страну, регистрироваться и предъявлять свой диплом. У нас с этими медиками одни неприятности. Всегда говорят о целителях и колдунах, наносящих вред, но такое случается и в медицинском секторе. Все мы люди. В обоих секторах есть и хорошее, и плохое.

Благодаря целевому финансированию со стороны Агентства международного развития США мы начали проводить встречи с общинами для обсуждения лечения поноса, пытаюсь спасти множество жизней, которые уносила эта болезнь. Главным было не судить о других методах лечения, применявшихся в прошлом, а лишь говорить: «Вот нечто новое, и у нас есть неопровержимые доказательства, что оно спасает жизни. Все мы желаем блага нашим пациентам, так попробуйте это». Мы встречались не только с традиционными целителями, но и со всеми общественными деятелями — врачами и медсестрами, вождями племен, сельскими активистами, прошедшими первичную подготовку в области здравоохранения, известными религиозными лидерами, политиками, одним словом, всеми людьми, которые могли поддерживать и поощрять применение метода ПТР. Мы отчаянно пытались снизить уровень смертности.

Сначала мы провели собственное исследование, чтобы составить ясную и точную картину происходящего. Затем мы пришли к выводу, что самым правильным решением проблемы будет просветительская работа. Мы развернули программу обучения и стали обучать сотни людей по всей стране. Эта энергичная кампания дала такие впечатляющие результаты, что мы избрали тот же метод, когда решили приступить к массовой иммунизации (вакцинации) населения в раннем детском возрасте. И снова мы добились существенного улучшения ситуации. После нашей кампании, в 1986 году, который Всемирная организация здравоохранения объявила «Годом вакцинации ради здоровья», доля населения, прошедшего вакцинацию, возросла с тридцати девяти до шестидесяти восьми процентов.

Итак, этот метод сотрудничества с традиционными целителями и другими лидерами общества оказался очень успешным. Такой подход, ориентированный на участие широких масс, мы использовали и в кампании по пропаганде естественного вскармливания, и в программе 1987 года по предотвращению СПИДа. В 1988 году началась кампания по борьбе с острыми инфекционными заболеваниями дыхательных путей, которая позволила заметно сократить количество пациентов, умирающих от воспаления легких. Теперь и целители, и другие люди понимали, насколько важно вовремя доставить человека с высокой температурой, учащенным дыханием и другими подобными симптомами в ближайшую больницу, клинику или еще какое-нибудь медицинское учреждение.

В Свазиленде большинство больных воспалением легких умирают. Целители это знают. Они прошли подготовку и с вниманием отнеслись к этому доступному методу медицинской профилактики. Вот еще один пример того, насколько эффективно могут сотрудничать оба сектора здравоохранения — медицинский и традиционный. Целители с радостью приветствовали метод, который спасет их пациентов. Важность стратегий общественного развития невозможно переоценить. Этот способ работы с целителями и общинами теперь стал нашей стандартной практикой. Стратегия действует, и ее следует сохранить.

В настоящее время мы не даем указаний медицинскому персоналу направлять пациентов к целителям. Нам затруднительно делать это без процесса сертификации и наблюдательного совета по традиционному целительству. Целители же направляют своих пациентов в медицинские учреждения для проверки на наличие ВИЧ, для проведения вакцинации, лечения инфекций верхних дыхательных путей и тому подобного. Наши взаимосвязи с целителями развиваются и растут. Возможно, со временем будет проведена

стандартизация целительского сектора и станут возможны официальные направления к ним. Нам нужен официальный орган, через который мы могли бы взаимодействовать с целителями. Сейчас эту роль играет ОТЦ. Они работают рука об руку с нами, помогая обучать целителей и расширять контакты с ними. Лучший совет, который я могла бы дать целителям в Свазиленде, — вступить в ОТЦ, познакомиться с местными врачами и медсестрами, узнать, что они могут предложить, и пройти обучение, которое проводят ОТЦ и министерство здравоохранения.

Эти две системы оказания первичной медицинской помощи различны но они и должны оставаться такими. Например, когда пациенты попадают в государственную больницу, они зачастую уже находятся в крайне тяжелом состоянии. Они уже обращались к целителям и целители уже оказали им всю помощь, какую могли. Теперь им нужны врачи, медсестры, современные западные технологии. Лучше всего, если пациенты сами проявляют благоразумие и решают для себя, когда им идти к традиционному целителю, а когда — воспользоваться услугами профессиональной медицины. Несомненно, существует место и для того, и для другого, и мне кажется, что так всегда будет и должно быть.

Доктор Тханди Магдалена Малепе — психолог-клиницист в Свазилендском психиатрическом центре в Манзини. Она получила образование в Венском университете, а затем изучала в Лондоне поведенческие проявления наркотической зависимости. У нее за плечами шестнадцать лет практики. Доктор Малепе уникальна тем, что помимо западного образования она также прошла полный курс обучения и ритуал посвящения традиционного целителя.

Я из народа свази, но выросла в ЮАР, — начинает доктор Малепе. В детстве и юности я никак не соприкасалась с традиционными целителями. Я столкнулась с ними впервые, лишь когда приехала работать в Свазиленд. В Свазиленде очень увлекаются традиционным целительством. С традиционными целителями советуются сам король и королевская семья. На всех королевских ритуалах и церемониях всегда должен присутствовать традиционный целитель. Поэтому и весь народ так сильно верит в традиционных целителей. У них консультируются даже самые образованные специалисты.

Мои пациенты ходят к традиционным целителям. Некоторые из наших больных-хроников через какое-то время устают от наших медикаментов и перестают их принимать. Они обращаются к традиционному целителю. Порой они возвращаются к нам обратно в очень, очень тяжелом состоянии. Они страдают от недоедания и тому подобного. Я хочу избегать таких ситуаций. Главная цель моих встреч с целителями региона — способствовать взаимопониманию и расширять сотрудничество. Мне бы хотелось, чтобы целители лучше отдавали себе отчет, в каких случаях им следует направлять пациентов в больницу, клинику и психиатрический центр. Я стараюсь объяснить им, каковы наша специализация и наши возможности, чтобы мы могли работать вместе на благо наших пациентов.

Вы не сможете эффективно лечить африканских пациентов, если не знакомы с традиционной медициной. Я прошла подготовку традиционного целителя и настоящий ритуал посвящения. Мне хотелось знать, что они делают, как они думают, как они лечат — как всё это работает. Извне невозможно узнать всю правду о традиционных методах целительства. Нужно войти в традицию и научиться их языку. Теперь, когда мой пациент говорит, что хочет обратиться к традиционному целителю, я могу сказать, есть ли в этом необходимость. Я говорю на языке целителей, я использую их терминологию, и пациенты доверяют мне.

Когда мы впервые узнали о СПИДе, я подумала: «У нас пока еще нет наркоманов, которые колются». Но потом я вспомнила традиционных целителей и то, как они используют бритвенные лезвия, чтобы делать надрезы, в которые затем вводят лекарства из трав. Я не рекомендую моим пациентам прекратить традиционное лечение, требующее таких надрезов. Я просто говорю: «Берите с собой свое собственное лезвие, позаботьтесь о том, чтобы лезвие было стерилизовано, использовалось однократно и только для вас». Теперь во многих

сельских районах прислушиваются к этому совету и следуют ему на практике. Министерство здравоохранения также сотрудничает с целителями в программе распространения информации о СПИДе, питании, гигиене, планировании семьи, болезнях, передающихся половым путем, и так далее. Правительство говорит: «Дадим целителям все, что им нужно знать, дадим им таблетки от малярии, научим их лечить понос, расскажем о важности детской вакцинации, о преимуществах естественного вскармливания. Важно развеять ореол таинственности, окутывающий как традиционное целительство, так и современную медицину. Люди должны располагать информацией и понимать, какие виды лечения им доступны».

В Африке часты случаи психосоматических заболеваний. Например, у меня был пациент с симптомами инсульта. Он пошел к традиционному целителю, который сказал, что кто-то подсунул вредное снадобье в его машину, прилепил его на ручку дверцы со стороны водительского сиденья. При соприкосновении с этим снадобьем у него отнимались ноги и появлялись другие симптомы инсульта. Каждый раз, касаясь этой ручки, он испытывал нечто вроде удара током. Я посоветовалась с традиционным целителем, который работал с нами много лет. Я сказала этому целителю: «Наше лечение не помогло этому человеку. Сделайте, что можете, мы должны вылечить его». Пройдя курс лечения у этого традиционного целителя, пациент выздоровел и теперь снова может ходить.

А вот еще случай. Один взрослый человек думал, что он родной сын мужчины и женщины, которые его вырастили. Его братья и сестры тоже в это верили. Мать знала, что его отцом на самом деле был другой человек, но решила ему об этом не рассказывать. Однако когда настоящий отец навестил однажды их дом, у этого мужчины (сына) полностью отнялись ноги. Родственники доставили этого парализованного человека ко мне. Он хотел зарезать козу, и мы так и поступили. Я знала, что предписывает традиция. Он верил мне — и через три дня снова встал на ноги. Я понимаю, что делают традиционные целители, и при необходимости могу включать их методы в свою практику.

Традиционный целитель не в такой степени старается добраться до корня проблемы, как мы, западные психотерапевты. Целитель исходит из текущего состояния пациента, вникая в его болезнь лишь настолько, насколько пациент способен это воспринять в данный момент. Он просто дает пациенту какое-нибудь лекарство из трав и говорит, что лечиться следует так-то и так-то. Например, алкоголикам целители говорят: «Я дам тебе этот порошок, но ты не должен прикасаться к выпивке. Порошок ты будешь подмешивать себе в чай». Это может быть всего-навсего какая-нибудь успокаивающая лекарственная трава, но она помогает пациенту, поскольку он верит влечение и не прикасается к алкоголю. Лекарство действует на психическом уровне и помогает ему бросить пить.

В случаях алкогольной зависимости я лечу всю семью. Я иду в семью и даже провожу беседы с общиной. Я объясняю, что человек попал под воздействие алкоголя и что изменения в его поведении — это признаки развивающейся у него болезни. Нельзя считать, что это просто плохой или слабовольный человек. При лечении алкогольной зависимости традиционный целитель проводит определенные ритуалы с пациентом и всей его семьей. Он внушает им, что они никогда не должны принуждать пациента принимать алкоголь даже традиционное или церемониальное пиво. Они должны позволять этому человеку участвовать в церемониях, но при этом пусть он пьет воду, сок или другой безалкогольный напиток. Мне доводилось видеть эту работу. Это — достойный способ лечения.

Мой собственный опыт показывает, что многие алкоголики — в действительности талантливые люди. Зачастую им не уделяли должного внимания в школе и дома. Сейчас мы пытаемся ввести в Свазиленде программу для одаренных детей, чтобы выявлять таких детей и помогать им. Мы хотим развивать их таланты до того, как у них пропадет охота это делать. Генетически они уже предрасположены к алкогольной зависимости. Мы хотим, чтобы у них развивался талант, а не болезнь.

В прошлом медицинское сообщество считало неприемлемым работать с традиционными целителями. Теперь мы поддерживаем с ними связь, посещаем их клиники.

Я полагаю, что вновь посвящаемые целители должны получать ориентировку и приглашение от правительства, от министерства здравоохранения. Тогда они будут иметь хотя бы общее представление о нашей совместной деятельности и чувствовать, что в них нуждаются. Быть может, им будет легче завязывать контакты с персоналом местной государственной клиники. Сотрудники клиники, в свою очередь, будут знакомы с программой ориентации и будут готовы работать с традиционными целителями. В них будут видеть важный ресурс. Мы движемся в правильном направлении. Сотрудничество между традиционной и медицинской системами здравоохранения в дальнейшем будет лишь крепнуть и приносить всем нам большую пользу.

Доктор Зама Гама из госпиталя имени Рэли Фиткина подходит к своей работе и к целителям с терпением человека, который понимает, как много времени нужно для изменения устоявшихся воззрений. Доктор Гама родился и вырос в Свазиленде, а медицинское образование получил в Кении, в Найроби. Он занимается практической медициной с 1980 года, работая в детском отделении крупной клиники в Манзини — той самой клиники, в которой он родился.

Доктор Гама рассказывает свою историю:

— Моя мать была ревностной христианкой. Мой отец был необразованным, но очень умным человеком, который воспитывался в традиционном стиле и мог видеть проблемы, связанные с традиционным образом жизни. Он решил, что не хочет иметь со всем этим ничего общего. Поэтому я рос, ничего не зная о традиционных методах целительства. Только когда я начал соприкасаться с другими людьми в школе и в университете, я впервые услышал о традиционных целителях. В медицинском колледже я узнал о лекарственных травах и других средствах, используемых в традиционной медицине. В Кении и других африканских государствах созданы научные центры для изучения традиционных лекарств и методов лечения. Это исследовательские организации, где обе стороны — и целители, и практикующие врачи — могут встречаться и работать вместе, могут учиться друг у друга. В этих центрах ученые сумели выделить действующие вещества некоторых лекарственных растений, которые теперь применяются для лечения ряда болезней.

Доказано, что многие травы обладают целебными свойствами, но существуют проблемы, связанные с дозировкой и побочными примесями. Я сталкиваюсь с этими проблемами у своих пациентов. Неопытный целитель может дать пациенту чрезмерную дозу растительного средства. Для каждого растения, содержащего активное действующее вещество, существует предельная доза, которую может переносить организм. Для взрослых эта доза может быть гораздо выше, чем для детей. Но у детей передозировка порой ведет к разрушительным последствиям, вроде почечной недостаточности или гастрита. Мне доводилось видеть необычные нарушения электролитного баланса, с которыми я не сталкивался у других пациентов с теми же заболеваниями. Возможно, пациент принял *мути* — растительное средство — в неправильной дозе или с побочными примесями. Это вызывает нарушение баланса электролитов.

Обычно меня вызывают к пациенту уже после того, как семья обратилась к традиционному целителю, но его лечение по той или иной причине не принесло облегчения. Подчас я вижу, что симптомы заболевания преувеличены. Ребенок чувствует себя очень плохо, хотя при такой болезни, как у него, состояние должно было быть легче. Я расспрашиваю родителей, и выясняется, что ребенку давали *мути*. Тогда я понимаю, в чем дело, и могу получить еще больше информации от родителей. Расспросы помогают мне понять, как я могу дополнить традиционное лечение.

Большинство сельских и даже городских женщин, прежде чем прийти сюда, в мой кабинет, посещают традиционного целителя. Мы, профессиональные врачи, знаем, что играем роль запасных. Сперва свазиец идет к традиционному целителю. И только если целитель не может разрешить проблему, пациент обращается за советом к врачу или медсестре. Мы должны учитывать в своей работе эту особенность.

Я посещал семинары Организации традиционных целителей. На этих учебных семинарах членам ОТЦ рассказывали о том, как передается СПИД и каковы методы его предотвращения. Обсуждалась также программа вакцинации в раннем детском возрасте. На одном семинаре целители договорились между собой, что если мать принесет к ним ребенка, они прежде всего будут спрашивать, сделаны ли этому ребенку прививки. И теперь целители, присутствовавшие на том семинаре, всегда просят показать карту прививок. Они могут сказать матери, что ребенку необходимо обновить вакцинацию. Все это положительные результаты просветительской работы ОТЦ. Мои пациенты уже приносили мне карты направлений от традиционных целителей. Таким образом целители предоставляли мне кое-какую информацию для работы. Пациентов направляли вовремя, и все было как следует. Эти карты направлений — очень удачная мысль. Наши две системы здравоохранения могут хорошо работать вместе.

Есть время и место для медицинских методов лечения, а есть — для традиционных. К примеру, традиционные целители очень успешно лечат психические расстройства. Одна из причин — в том, что целители как бы заодно с людьми, которых лечат. Как правило, пациенты им больше доверяют. Большинство традиционных целителей — очень хорошие психиатры. Бросая кости или как-то иначе обращаясь к «предкам», они говорят с пациентом о тех вещах, которые известны и понятны ему. Пациенту это очень удобно. Целитель выявляет и лечит проблему с точки зрения пациента. С другой стороны, врач или медсестра полагаются на научные знания и пытаются анализировать проблему, которая имеет социальную природу, но проявляется в определенных физических симптомах; мы исходим из тех знаний, которыми располагаем, а они нередко затуманивают действительную проблему. Мы делаем определенные допущения, исходя из наблюдаемых симптомов.

Целители ближе к пациентам, чем мы. Если у человека хроническая болезнь, он просто приходит к целителю и живет у него. Знаете, я не думаю, что пустил бы какого-то больного жить у меня дома. А у традиционных целителей пациент становится членом семьи. Это особенно важно для смертельно больных. И для самого пациента, и для его семьи это такое утешение — знать, что кто-то все еще заботится о нем, все еще старается помочь.

Я полагаю, что пока две эти системы медицинской помощи должны оставаться отдельными, но гораздо теснее сотрудничать друг с другом. У нас одна и та же цель, мы должны общаться. Если у нас есть различия а их множество, — то единственный способ предотвратить разногласия — знать, что делает другой. Если вы полагаете, что целитель мешает лечению ваших пациентов, то единственный способ внести ясность в этот вопрос — поговорить с целителем, поскольку пациент все равно не перестанет ходить к нему. Дело врача и целителя — прийти к взаимопониманию и найти способ работать вместе на благо пациента.

Следующие поколения будут гораздо более просвещенными и такое сотрудничество будут развивать. Я поддерживаю научные исследования, которые помогают нам понимать друг друга. В прошлом целители действовали тайно. Теперь они гораздо более открыты, и мы можем учиться друг у друга. Все методы лечения, используемые в профессиональной медицине, известны, и их может применять каждый, кто прошел обучение и имеет диплом. Информация распространяется и доступна всем, изучающим медицину. Так оно и должно быть. Когда-нибудь так будет и с традиционными методами лечения.

Зулусский целитель доктор Мнтсхали говорит:

— Я знаю многих целителей, у которых сложились отношения сотрудничества с современными врачами. И хорошие традиционные целители, и хорошие врачи ставят во главу угла пациента. Они видят, какое лечение будет наилучшим — и не важно, окажется ли оно традиционным или медицинским или же будет сочетать в себе элементы того и другого. Они с уважением относятся друг к другу. Мы должны проявлять больше уважения к традиционным методам лечения и распространять знания о них. Мы должны пропагандировать санитарии и гигиену, повышать жизненные стандарты, особенно в

сельских районах. Через наши профессиональные целительские организации и государственные отделы здравоохранения мы знакомим целителей с этими стандартами. Наши дети должны понимать, что природная медицина вовсе не «примитивная». Они должны пользоваться преимуществами обеих систем здравоохранения и медицинской помощи.

Свазийская целительница Кхумбулиле Мдлули говорит:

— Профессиональная медицина должна более внимательно относиться к работе с целителями, а целители должны при необходимости направлять своих пациентов в медицинские учреждения. Сегодня мы, целители, направляем пациентов в больницы и клиники для лечения холеры, проведения анализов на ВИЧ, вакцинации в раннем детском возрасте и многого, многого другого. Мы изыскиваем и включаем в свою практику все, что дает нам профессиональная медицина. Так было с пероральным методом борьбы с обезвоживанием (ПРТ): благодаря сотрудничеству с клиниками у нас теперь есть готовые к употреблению пакеты ПРТ и мы можем немедленно использовать их для своих пациентов. Из-за засухи многие люди страдают от недоедания и обезвоживания. Прежде у целителя могло не хватить какого-либо компонента смеси для восстановления водного баланса. Теперь она у нас всегда наготове. Кроме того, мы получаем из клиник презервативы, чтобы распространять их среди наших пациентов. Это лишь несколько примеров нашей совместной работы.

Медицинские работники не часто направляют пациентов к традиционным целителям, поскольку они не знают, каковы наши стандарты, не уверены в том, насколько хорошо будут лечить их пациентов. Профессиональная медицина нуждается в большей информации о целителях. Сегодня уже складываются прочные отношения сотрудничества: целители находят определенного врача, а медицинский персонал советуется с местным традиционным целителем. Эти отношения прочны потому, что и врачи, и целители принимают близко к сердцу благополучие пациента. Они ищут наилучшие методы лечения и отмечают, какие методы неизменно оказываются успешными будь то лекарства из трав или синтетические препараты. Но все это требует времени, ресурсов и большей готовности понимать и не осуждать друг друга. У меня огромные надежды на будущее. Наши дети и дети практикующих врачей будут пожинать плоды, выросшие из семян сотрудничества, которые были посеяны два десятилетия назад.

Госпожа Йекелеза — свазийская целительница и наставница сангома говорит:

— Тридцать шесть лет назад, когда я только приступала к работе целителя, мы боялись приходить в министерство здравоохранения. Нам не разрешалось посещать своих пациентов в больницах. А сегодня нас приглашают сопровождать наших пациентов в больницу. Сегодня я могу попросить врача оказать специальную услугу — например, сделать анализ крови. Врач согласится и не станет больше ничего предпринимать — просто пошлет пациента ко мне с результатами. Врач может обсудить со мной результаты как коллега с коллегой, но не будет вмешиваться в мое лечение. Вы не можете себе представить, как изменилось все с тех пор, когда я начинала свою практику.

Мы, целители, учимся сотрудничать с профессиональной медициной. На своем собственном опыте и путем обучения мы узнаем, что мы можем, а что не можем лечить, и при каких болезнях лучше использовать помощь с обеих сторон. Кроме того, я обучаю целителей, так что я передаю своим учебным группам все, что узнаю. Мои выпускники знают, когда следует направить пациента к врачу или медсестре. Они знают, когда обратиться к другому целителю, который владеет нужной специальностью. У нас, целителей, как и у врачей, есть свои специальности. Наша задача — знать свои способности и свои ограничения. Вместе врачи и целители будут сильнее, чем порознь. Если мы по-настоящему заботимся о пациенте, мы отбросим свои различия и посвятим себя его благу.

Традиционная целительница и наставница сангома миссис Дубе говорит:

— Сейчас сотрудничество между профессиональными медиками и целителями намного теснее, чем четырнадцать лет назад, когда я только приступила к своей практике. Доступно гораздо больше информации, и у нас есть возможность регулярно встречаться с другими целителями, обсуждать наши специализации и методы лечения. Если мы направляем своих пациентов к другим традиционным целителям, нам всегда сообщают, когда другой целитель закончит лечение. Мы успешно сотрудничаем друг с другом. Со временем будет улучшаться сотрудничество и с врачами и медицинскими сестрами. Мы разработали форму карты направления, чтобы клиникам было легче поддерживать с нами связь.

Мы не должны внушать пациентам, будто все современные медицинские клиники поддерживают идеальную санитарию и высокие стандарты. Это совсем не так. Есть кое-какие клиники и больницы, куда я ни за что не направлю своих пациентов, поскольку считаю, что в этих медицинских учреждениях они разболеются еще сильнее, а то и подхватят какую-нибудь еще болезнь. В этом отношении с врачами, медсестрами и клиниками дело обстоит почти так же, как с нашими традиционными клиниками. Точно так же нельзя сказать, что все традиционные клиники чистые и хорошие. Все зависит от людей, которые управляют клиникой, и от того, хватает ли им средств, чтобы содержать ее в порядке. Впрочем, даже клиника с ограниченными ресурсами — будь она традиционной или современной медицинской может иметь высокопрофессиональный персонал, преданный своему делу и стремящийся содержать пациентов и свое учреждение в чистоте и порядке. Забота о пациентах и клиниках зависит от конкретных людей. Нельзя говорить, что одна система оказания медицинской помощи лучше, чем другая. Они в равной степени важны и обе необходимы.

Благодаря нашим профессиональным организациям мы получили возможность встречаться и даже обмениваться целительскими методами с традиционными целителями из других стран. Один такой визит пробудил у меня глубокий интерес к обмену информацией с целителями, принадлежащими к традиции американских индейцев. Когда они приехали к нам из Америки, мы почувствовали очень глубокую связь с ними. Между нами есть родство. Многие из наших лекарств и методов лечения, церемоний и обрядов очень схожи. Мы как будто принимали в гостях родных братьев и сестер. Мы радовались до слез! Есть еще многое, чему мы можем научиться друг у друга.

Доктор Ричард Леммер из Торговой миссии ЮАР в Свазиленде и Мозамбике изучал медицину в ЮАР и начал свою практику в 1983 году. Будучи терапевтом, доктор Леммер, кроме того, имеет диплом специалиста в области профессиональных заболеваний. Когда мы встретились, он работал над магистерской диссертацией в области здравоохранения. Всерьез контактировать с традиционными целителями он начал в 1987 году, когда приехал жить в Свазиленд. В детстве доктор Леммер не соприкасался с традиционными целителями. Такая возможность представилась ему лишь после того, как он получил свой медицинский диплом. С того времени он посещал встречи и учебные семинары традиционных целителей. Целители в Свазиленде и в ЮАР высоко ценят доктора Леммера и те возможности, которые он открыл передними.

В Свазиленде примерно 10 тысяч традиционных целителей и менее 150 врачей, — рассказывает доктор Леммер. — Если что-то случается, свазиец, естественно, идет к традиционному целителю, живущему по соседству, а не пытается, не имея транспорта, добраться до города за много километров, чтобы попасть к врачу или в клинику. Поэтому нам нужно понимать, какие услуги по оказанию первой медицинской помощи может оказывать традиционный целитель.

Некоторое время назад у меня был пациент с опухолью. Мы сделали биопсию и обнаружили рак кости. Единственным выходом была ампутация ноги. При немедленной операции, быть может, удалось бы сохранить колено. В случае промедления рак распространился бы вверх по кости и, возможно, пришлось бы отнять всю ногу. Это очень

вирулентная форма рака. Пациента отвезли в ЮАР и просили согласиться на операцию. Он был еще молодым и сильным человеком. Но его близкие заявили, что в их традиции не принято просто так взять и отрезать часть тела. Они повели его к традиционному целителю. Я не знаю, как его лечили. Но когда я увидел его в следующий раз, вся его нога была сильно опухшей. Это было очень печально, мы уже ничего не могли для него сделать на этой стадии. Только тогда семья признала, что традиционный целитель больше ничем не может ему помочь. Ему нужно было согласиться с современным медицинским диагнозом, чтобы остаться в живых, но он слишком долго медлил. Рак распространился так быстро, что он умер в двухнедельный срок.

Даже образованные свазийцы, сами будучи профессионалами, консультируются с традиционными целителями. Они пользуются и современной, и традиционной системами. Я думаю, они делают выбор, исходя из уровня удобства, а не из качества медицинского обслуживания. Предположим, человек работает в конторе здесь, в Мбабане. Он на неделю едет домой в сельскую усадьбу и заболевает. Разумеется, он пойдет к ближайшему традиционному целителю, которого уважает и услугами которого пользуется его община. Ему это удобно. А если болезнь или недомогание не пройдет, он всегда может обратиться к врачу, когда вернется в Мбабане. Есть также явление, которое я называю традиционным образом мыслей: пациент думает, что его преследуют прародители, его предки. Он чувствует, что сделал что-то неправильное, но не знает что. Он знает, что для того, чтобы очистить собственную совесть или совесть общины, он должен пойти к целителю и попросить целителя разобраться в этом вместе с ним. Это целители умеют.

Существует традиционная система убеждений, связанная с целительством, — система, от которой южноафриканец не может или, возможно, не должен отходить. Целительство — важная часть местной культуры и истории. Есть много людей, настроенных против традиционных целителей. Однако бесспорно то, что целители живут и работают здесь гораздо дольше, чем мы, представители современной медицины. Многие пациенты, которые приходят к врачу, на самом деле не нуждаются в лекарствах. С ними просто нужно поговорить. Возможно, у них что-то не в порядке в физическом плане, но большая часть проблем имеет психическую природу. И это — как раз та область, где традиционный целитель играет очень важную роль.

В африканской традиции человек может заболеть от того, что сам это поверит. Это постоянно случается и с жителями Запада. Просто мы этого не осознаем. Африканцы же верят, что если сделают что-то неправильное, то заболеют. Целитель может дать им лекарство из трав для питья, и пациенты почувствуют себя лучше, потому что поверят в свое выздоровление. Они верят, что целитель им помогает. Целитель уделяет пациенту больше времени, чем практикующий врач. И это очень важно. Пациент, страдающий от стресса в городе, приходит в клинику целителя и остается там на какое-то время. За ним ухаживают, его кормят, он может отдохнуть. Но какая разница между этим и западной лечебницей санаторного типа? Это одно и то же.

В одной только ЮАР существует 250 групп традиционных целителей. Правительство, профсоюзы, спонсоры и финансирующие организации не могут иметь дело с 250 группами. Это слишком обременительно, они слишком разобщены. Так невозможно обсуждать проблемы и принимать решения. Правительство говорит: «Пожалуйста, пришлите к нам кого-то для переговоров, мы не можем говорить со всеми этими группами. Организуйтесь, чтобы мы могли идти вперед и работать вместе». Необходимы централизованная организация и квалификационная комиссия, которые будут представлять интересы этой профессии перед правительством и перед другими странами.

В Свазиленде у нас, к счастью, есть Организация традиционных целителей (ОТЦ) — компетентный орган, который сегодня представляет целителей. ОТЦ способствует улучшению взаимопонимания среди целителей, повышению стандартов санитарии и гигиены, разъясняет людям, как важны чистая вода, чистота на огородах, хорошее питание. Она рассказывает о распространении СПИДа, о вакцинации детей. У ОТЦ далеко идущие

планы.

Необходимо выработать стандарты лечения, дозировки, санитарии, гигиены и стерильности в традиционных клиниках. Должна существовать какая-то организация, которая будет гарантировать эти стандарты, следить за их соблюдением. Только тогда сотрудничество между этими двумя системами — традиционной и медицинской — сможет развиваться в законном порядке. Нхлавана Масеко, президент ОТЦ, часто говорил мне, что целители нуждаются в хороших клиниках. Им крайне необходимы чистые, надежные источники бесперебойного водоснабжения, хорошие дороги и средства связи. Большинство из этих проблем должно решать не министерство здравоохранения — это проблемы основной инфраструктуры. Но ОТЦ пытается повышать стандарты инфраструктуры, поскольку знает, что это положительно скажется и на стандартах здравоохранения.

Со временем эти стандарты повысятся, и сотрудничество между традиционной и современной медициной станет обычным делом. Сложившаяся к настоящему времени форма сотрудничества и взаимосвязи более практична, чем попытки объединения обеих систем. Самым лучшим решением была бы надежная система взаимных направлений. У первого традиционного целителя, которого я встретил сегодня в ЮАР, теснейшие взаимосвязи с местной медицинской клиникой. Если он видит пациента и знает, что не может его вылечить, он звонит медсестре. Он сообщает ей, какие у пациента симптомы, и просит приехать и забрать его. Из клиники приезжают и забирают пациентов. Это прекрасный пример сотрудничества, хороших рабочих отношений между традиционной и современной медициной. Они поддерживают друг друга. Они общаются и обмениваются информацией, заимствуя друг у друга все самое лучшее.

Целители занимают и будут занимать важное место в африканской культуре. Люди, которые противодействуют целителям, пытаясь вытеснить их или ликвидировать их систему медицинской помощи, обречены на поражение. Я предпочитаю создание официальных отношений сотрудничества, поскольку для всех профессионалов в сфере здравоохранения самым важным должно быть здоровье пациента. Целители, о которых вы пишете — это, по существу, живой пример того, как может действовать подобное сотрудничество между нашими двумя мирами. Они — пример для подражания.

Словарь терминов

Амадлози (amadlozi) — «предки» на зулу.

Бандзави (Bandzawi) — на сисвати — древний предок, язык которого больше не в ходу (стал «мертвым»), В состоянии «одержимости» или в трансе традиционные целители могут говорить на языке бандзави.

Донга (Donga) — овраг, канава.

Эмалгени (Emalgeni) — валюта Свазиленда.

Эмалодти (Emalodti) — «предки» на сисвати.

Гого (Gogo) — бабушка.

Индуна (Induna, мн. ч. изиндуна — izinduna) — вождь племени, начальник, член совета.

Иньянга (Inyanga) — травник; традиционный целитель.

Лоболо (Lobolo) — выкуп за невесту, который по свазийскому обычаю семья жениха должна заплатить семье его избранницы. Обычно это скот, деньги и подарки.

Мути (Muti) — лекарства, используемые традиционными целителями для лечения пациентов.

Рондавел (Rondavel) — традиционная небольшая круглая хижина, часто из одной комнаты.

Сангома (Sangoma) традиционный целитель; «одержимый» целитель.

Сисвати (siswati) национальный язык народа свазии и государства Свазиленд.

Тинкунда (Tinkunda) — традиционная система администрации Свазиленда.

Алфавитный указатель

«Айси Хот», компания
Акт о здоровье (ЮАР)
Акушеры
Алкоголизм
Аматикулу (Amatikulu), учебный центр
Американские индейцы
Анализ крови
«Апостольская церковь»
Африканский колледж лекарственных растений
Барабаны
Барагванат (Baragwanath), больница
Бесплодие
Бизана (Bizana)
Болезнь сангома
Бхунья (Bhunya)
Вакцинация
Ван Роойен, Хейди (Van Rooyen, Heidi)
Видения
Вилакати, Джумайина (Vilakati Jumayina)
Вилакати, Номса (Vilakati Nomsa)
Виркуса, фонд
Виркус, Маргарет (Wirkus Margaret)
Виркус, Митек (Wirkus Mietek)
ВИЧ/СПИД
Восточная Капская провинция
Выпускная церемония
Гама, Зама, доктор (Zama Gama)
Гаутенг (Gauteng), провинция
Гомеопатия
Далай-Лама
Детоксикация
Диета
Дламини, Джоуберт (Dlamini, Joubert)
Дламини, Квинг Квинг (Dlamini, Qhing Qhing)
Дламини, Номса (Dlamini, Nomsa)
Дозировка лекарств из трав
Дубе, Нтомбемпхлопхе (Dube, Ntombemphlophe)
Духи
Духовное здоровье
Жантир-Поволни, Стефания (Szantyr-Powolny Stephania), доктор
Заболевания, передающиеся половым путем
Заклинания
Зигаинский колледж лекарственных растений
Злые духи
Змеи
Знахарь
Инсектициды
Интенсивная терапия
Инъекция, традиционная
Иньянга

Йекелеза, Маде (Jekeleza, Mage, Mrs)
Карты направления (на лечение)
Квади, доктор (Kwadi)
Квазулу, Акт
Квазулу-Натал
Клиника, традиционная
КоКсрафл(Kokstad)
Колдовство
Колдуны
Коматипорт (Komatiport)
Комитет по контролю за лекарствами
Кон, Альберт (Albert Kohn)
Корсаро, Шарон (Corsaro, Sharon)
Кошмары
Лапато Джилл (Lapato Jill)
Лапато, Джилл (Lapato, Jill)
Лекарства из трав
Леммер Ричард, доктор (Lemmer Richard)
Лечебница санаторного типа св. Франциска
Лусикисики (Lusikisiki)
Майенг, Исаак (Mayeng, Isaak)
Малепе, Тханди Магдалена (Malepe, Thandi Magdalene)
Малолотья (Malolotja), парк
Манзини (Manzini)
Манси, Мерси (Mansi, Mercy)
Масеко, Нхлавана, доктор (Maseko Nhlavana)
Мбабане (Mbabane)
Мдлули Кхумбулиле (Mdluli Khumbulile)
Медицинские школы (колледжи)
Методистская церковь
Милнер Сельвайн (Milner Selwyn), доктор
Миссионеры
Мнтсхали, доктор (Mntshali)
Мокома (mokoма)
Молитва
Моуди, Рэймонд, доктор (Moody Raymond)
Мсвати (Mswati) III, король Свазиленда
Мутва, Кредо Вуза'мазула (Mutwa, Credo Vusa'mazula)
Мути
Наталский Кодекс закона банту
Независимая традиционная лечебница в Дурбане
Нкози, Лазерус (Nkosi Lazerus)
Нкози, Лиззи (Nkosi Lizzie)
Нкулунгване (Nkulungwane)
Номиквау, Мари (Nomnqua Mary)
Нтули, Куин (Ntuli Queen)
Нтфоджени (Ntfojeni)
Ньянгазезизве (Nyangazezizwe), организация традиционных врачей
Облачение, одежда, традиционные
«Одержимые» целители
Оплата
Организация Практиков Традиционной Медицины

Организация традиционных целителей Африки
Орельяна, Рубен (Orellana Ruben)
Очищения процедуры
Парильня
Пероральная терапия обезвоживания
Пестициды
Питон
Посвящаемые
Правила поведения
Правительства, политика
Призванные целители
Принадлежности для целительства
«Пророчество Селестины»
Психические заболевания (расстройства)
Психологии, факультеты
Психосоматическое заболевание
Растения, лекарственные
Регистрация
Редфилд, Джеймс
Ритуалы, церемонии
Рэли Фиткина, имени, больница
Сангома
«Саншайн», Ассоциация традиционных целителей
«Сафари», заповедник
Свазиленд
Сибандзе (Sibandze)
Сибандзе, Закхеле (Sibandze Zakhele)
Сидвокодво (Sidvokodvo)
Символы
Синдзаве (Sindzawe)
Сионская церковь
Ситеки (Siteki)
Скорая помощь
Смерть
Смитсоновский институт
Сновидения
Совет традиционных целителей ЮАР
Сотрудничество между традиционными целителями и медицинскими работниками
Соуэто (Soweto)
Старший целитель (master healer)
Стевенс, Томас (Stephens Thomas)
Танец
Тибетская медицина
Традиционная медицина, восточная
Транскеи (Transkei)
Туту, Десмонд (Tutu Desmond), архиепископ
Тхабанкулу (Thabankulu)
«Тхамба» (Thamba), программа медицинской помощи
Тхваса (thwasas)
Умтхандази (umthandazi)
Упражнения
Флагстаф

Холистическая медицина
Целительство верой
«Це-Це», собрания
Ци, мастер
Ци, энергия
Чуждые (чужие) духи
Эпилепсия